This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06687846 7

X GDM

Г. В. Барановичъ.

Около золота на Амурѣ.

Очерки и разсказы.

Милліонщикъ.
Пароходъ „Зоя".
Именинникъ.
По зимовьямъ.
Декабрьскіе дни.
Горный Исправникъ Пѣтушковъ.
Виргильевскій пріискъ.

Выпускъ первый.

ТОМСКЪ.
Паровая типо-литографія П. И. Макушина.
1904

2. Gold — Mines and mining — Siberia — Fiction

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
47618B
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1904 L

Дозволено цензурою. Томскъ, 26-го іюня 1903 года.

Милліонщикъ.

39X458

I.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ на Амурѣ было гораздо проще, чѣмъ теперь. Культура съ трудомъ пробивала себѣ дорожку въ этотъ далекій край. Золото, давшее впослѣдствіи такой сильный толчокъ экономическому развитію края, только еще раскапывалось. Первые піонеры, забиравшіеся въ тайгу съ поисковыми партіями, вступая въ ея неизвѣданныя дебри, должны были нагружаться большими запасами и нерѣдко терпѣли нужду, рискуя погибнуть безслѣдно. Сейчасъ еще среди мѣстнаго инородческаго населенія можно услышать разсказы, полные ужаса, о томъ, какъ мучительно погибали неосторожные искатели золота отъ голода, или тонули весной въ горныхъ рѣчкахъ, при переправахъ, или во время плаванія на плотахъ. По широкому и привольному Амуру шныряло только нѣсколько пароходовъ. Первые пріиски, обратившіе на себя вниманіе капиталистовъ своимъ богатствомъ, были расположены по Джалиндѣ—притоку рѣки Уркана. Выходъ изъ этихъ пріисковъ на Амуръ былъ выше станицы Черняевой.

Мы не станемъ излагать исторію постепеннаго развитія края и золотопромышленности, а лишь коснемся этого вопроса на столько, чтобы дать возможность читателю уразумѣть истинный характеръ тѣхъ условій, среди которыхъ одинокій, положительно безграмотный человѣкъ, уроженецъ небольшой забайкальской деревушки Титъ Титычъ Сухожиловъ, не имѣя никакихъ пріисковъ, а единственно, только упорнымъ, непрерывнымъ трудомъ въ крайне узкомъ направленіи, безъ

сложныхъ коммерческихъ комбинацій, прибѣгая иногда къ мелкимъ и весьма простымъ манипуляціямъ на плутовской подкладкѣ, сумѣлъ составить многомилліонное состояніе.

Новый край—обыкновенно даетъ широкое поле для дѣятельности и предпріимчивости энергичныхъ людей. Но дѣятельность эта не рѣдко, по существу своему, имѣетъ двоякій характеръ. Одна,—въ основѣ которой лежитъ широкое, правильное пониманіе промышленности и ея созидательнаго значенія, способствуетъ развитію края, толкая его на производительный путь; привлекаетъ новыя силы, новые капиталы,—словомъ культивируетъ дикій, сырой край. Эксплоатируя его природныя богатства, дѣятельность этого рода насаждаетъ мѣстную промышленность, проводитъ дороги и такимъ образомъ постепенно пробуждаетъ край отъ спячки, измѣняя его наружный обликъ. Такая дѣятельность—конечно—въ высшей степени желательна, она оставляетъ глубокій слѣдъ въ исторіи развитія края, открываетъ широкій путь для новыхъ предпринимателей,—и процессъ экономическаго прогресса постепенно вводитъ страну въ общеніе съ цивилизованнымъ міромъ, ставя её на одинъ уровень съ нимъ.—Дѣятельность такого рода стремится пробить непролазный мракъ, чтобы дать возможность пробиться лучу правды и науки и согрѣть, облегчить тяжелый трудъ человѣка среди стихійныхъ преградъ, которыя ставитъ ему негостепріимная природа.

Другая дѣятельность, направленная исключительно къ узко-личному обогащенію, боится свѣта и огласки. Она забирается въ дебри, гдѣ чуетъ для себя наживу и тамъ, запуская глубокіе корни въ богатую почву, высасываетъ изъ нея лучшіе соки.—Она боится внѣшняго міра, боится свѣта; ей нужна полная изолированность отъ міровой цивилизаціи, такъ какъ явившаяся цивилизація неминуемо должна парализовать хищническія наклонности этого узко-эгоистическаго труда.

Амуръ не можетъ похвастать дѣльцами перваго порядка. Число ихъ очень ограничено, дѣятельность ихъ въ высшей степени слаба по своей интенсивности,

оставила лишь легкій, поверхностный слѣдъ въ исторіи развитія экономической и общественной жизни края. И если усматриваются кое-гдѣ благія начинанія въ этомъ направленіи, то они съ первыхъ своихъ шаговъ полны ошибокъ, производятъ впечатлѣніе какого-то необдуманнаго шатанія изъ стороны въ сторону и неувѣренности въ своемъ дѣлѣ.

Въ дѣльцахъ второго порядка съ исключительно хищническими аппетитами и наклонностями недостатка на Амурѣ не было. Это наши добрые знакомые, мы ихъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Въ сущности всѣ они добрые, милые люди и съ точки зрѣнія ходячей, дешевой морали упрекнуть ихъ рѣшительно не въ чѣмъ. Они считаютъ себя въ высшей степени честными, полезными для края людьми—и въ этомъ отношеніи они по своему правы. Если явится потребность въ ихъ участіи, чтобы двинуть впередъ какое нибудь благое общественное дѣло, они съ готовностью отзовутся; на собраніяхъ краснорѣчиво будутъ доказывать безусловную полезность предполагаемаго учрежденія, или мѣропріятія, приведутъ вамъ массу примѣровъ изъ исторіи и литературы относительно затронутаго вопроса. Но если вашъ проектъ безпощадно застрянетъ въ фазисѣ разговоровъ и бойкаго краснорѣчія, неужели же винить этихъ господъ? Напрасно... вы только прослывете грубіяномъ и невѣждой. Во всякомъ случаѣ не они здѣсь виноваты, а вѣрнѣе всего виновата косность среды, въ которой имъ приходится работать.

Вѣдь свои дѣла, гдѣ имъ никто не мѣшаетъ, они прекрасно умѣютъ устраивать; у нихъ все ладится, все идетъ безъ запинки. Конечно, безучастная индиферентная среда виновата. Амуръ далъ міру золота на 150 милліоновъ, которое стоило жизни массѣ тружениковъ, но не смотря на это, какъ мало онъ подвинулся на своемъ культурномъ пути, какъ мало сдѣлано въ отношеніи его благоустройства!...

Золотой промыселъ былъ въ рукахъ небольшой группы капиталистовъ, чуждыхъ какимъ бы то ни было промышленнымъ предпріятіямъ, въ которыхъ край нуж-

дался и которые одновременно могли въ немъ развиться. Обособленность края, вслѣдствіе отсутствія болѣе или менѣе удобныхъ путей сообщенія, способствовала тому, что объ немъ въ дѣловомъ мірѣ имѣли смутное понятіе. Естественно, что изъ промышленныхъ центровъ никто сюда не спѣшилъ, чтобы дать толчекъ разумному, плодотворному труду, и онъ былъ предоставленъ самому себѣ. По пустыннымъ берегамъ широкой рѣки, растянувшейся на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, кое-гдѣ ютились незначительныя казачьи станицы, населенныя людомъ, неспособнымъ пробудить экономическую дѣятельность въ новомъ краѣ. Нужно было золото, чтобы Амуръ проснулся и ожилъ. Наконецъ оно нашлось, и между прочимъ было сдѣлано открытіе богатыхъ розсыпей по Джалиндѣ; для разработки джалиндинскихъ пріисковъ рабочихъ нанимали въ Забайкальѣ: читинскій и верхнеудинскій округа поставляли нужное количество людей. Каждую осень возвращались обратно рабочіе съ большими заработками и слава про эти пріиски въ упомянутыхъ округахъ шла большая.

Сухожиловъ росъ въ деревнѣ, наравнѣ съ другими деревенскими парнями, неся бремя крестьянскаго труда. Но кромѣ способности къ физическому труду, въ немъ была рѣдкая способность: беречь заработанную копейку —и при случаѣ умѣло пустить её въ оборотъ. Онъ много слышалъ про богатые пріиски и въ немъ давно уже созрѣло желаніе поселиться поближе къ этому богатому золоту.

Наконецъ случай представился. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда албазинскій купецъ Маіоровъ, поставляя мясо для пріисковъ, закупилъ большую партію скота въ читинскомъ округѣ и нуждался въ людяхъ для пригона быковъ въ Албазинъ. Сухожиловъ попалъ въ число этихъ погонщиковъ. Явившись со скотомъ въ Албазинъ, благодаря своей расторопности и смышлености, обратилъ на себя вниманіе Маіорова, который оставилъ его при своей лавкѣ въ качествѣ приказчика и дворника въ одно и тоже время. Вскорѣ несовершеннолѣтній еще Титушка вошелъ въ особое довѣріе хозяина, бла-

годаря своей аккуратности и рѣдкому трудолюбію, и тотъ поручилъ ему небольшую торговлю на Аргуни, гдѣ въ первый годъ смышленный малый сумѣлъ „присмотрѣть“ нѣсколько сотенъ рублей—такъ сказать—первое зерно будущаго, огромнаго капитала. Несмотря на молодые годы, когда другіе не цѣнятъ копейку, а тратятъ ее безразсудно, поддаваясь всевозможнымъ соблазнамъ, Титъ Титычъ крѣпко берегъ отложенныя деньги. Вернувшись обратно и сдавъ хозяину аккуратный, хотя несложный отчетъ въ произведенной имъ торговлѣ, онъ былъ назначенъ въ Черняево самостоятельно завѣдывать лавкой Маіорова въ этой станицѣ. На новомъ мѣстѣ будущій милліонеръ рѣшилъ засѣсть твердо, не тратить попусту дорогого времени, а постепенно, исподволь увеличивать свои сбереженья новыми приращеніями. Для него было высшимъ наслажденіемъ, запереться вечеромъ послѣ прекращенія торговли и пересчитывать, безъ конца пересчитывать все, что было имъ накоплено, по немногу, но безпрерывно прибавляя новыя суммы. Обстоятельства удивительно ему благопріятствовали.

Маіоровъ за старостью и нездоровьемъ передалъ веденіе торговаго дѣла своему сыну. Молодой, легкомысленный гуляка и притомъ неопытный коммерсантъ повелъ дѣло небрежно, неглижорски; отправляя товары въ черняевскую лавку, онъ рѣдко ихъ записывалъ, полагаясь на совѣсть довѣреннаго.

Сухожиловъ скоро смекнулъ, какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ этого обстоятельства, и съ этого времени капиталъ его началъ быстро увеличиваться.

Ему минуло только двадцать лѣтъ. Непьющій, разсудительный, сдержанный онъ представлялъ виднаго жениха и черняевскія казачки нерѣдко на него заглядывались. Но Титъ Титычъ былъ остороженъ и женился послѣ долгихъ и тщательныхъ размышленій, взявъ дѣвушку изъ зажиточной, хорошей и трудовой семьи.

Въ это время дѣло Маіорова сильно пошатнулось. Его сынъ, котораго онъ послалъ въ Москву за товарами, попавъ въ веселые уголки гостепріимной столицы,

окруженный компаніей теплыхъ ребятъ, не успѣлъ одуматься, какъ всѣ деньги, привезенныя имъ съ Амура на покупку товаровъ, разошлись по разнымъ веселымъ мѣстамъ и старикъ Маіоровъ остался безъ денегъ и безъ товаровъ. Пришлось ликвидировать дѣло.

Сухожилову эта ликвидація приходилась очень не по вкусу; она могла обнаружить такія обстоятельства, за которыя старикъ Маіоровъ—во всякомъ случаѣ не могъ погладить своего довѣреннаго по головкѣ,—и Титъ Титычъ не безъ основанія ждалъ для себя крупной непріятности. Но случай его выручилъ: въ одну тихую, лунную ночь, когда Сухожиловъ со своей супругой гостили у мѣстнаго священника, лавка Маіорова вспыхнула яркимъ пламенемъ. Отстоять товаръ было невозможно, тѣмъ болѣе, что растерявшійся довѣренный затерялъ ключи отъ лавки и открыть её, чтобы спасти товаръ, было невозможно. Маіоровъ окончательно упалъ духомъ и когда Сухожиловъ предложилъ ему купить мѣсто, гдѣ сгорѣла лавка, Маіоровъ охотно уступилъ его по крайне дешевой цѣнѣ.

Титъ Титовичъ на старомъ пепелищѣ скоро обстроился и завелъ свое личное торговое дѣло, пристегнувъ къ нему въ качествѣ компаніона виднаго и вѣскаго по своему положенію служащаго Энской золотопромышленной компаніи: нужный былъ человѣкъ.

На первыхъ порахъ повезло новому купцу, а въ довершеніе его полнаго благополучія, два водочные заводчика, Голдобинъ и Бутинъ, сцѣпились не на животъ, а на смерть, желая погубить другъ друга, стали сбавлять цѣну спирта—и вино продавалось дешевле кваса. Покупая вино въ нерчинскомъ округѣ по дешевой цѣнѣ, Титъ Титычъ не находилъ нужнымъ продавать его дешево въ Черняевѣ; здѣсь конкуренція для него не была опасной—и кабакъ торговалъ на славу. Положимъ торговля была безпатентная, подпольная, но тѣмъ болѣе она давала барышей смѣлому торговцу.

Въ то время на Амурѣ ходило нѣсколько только пароходовъ;—такой богатой флотиліи, какая сейчасъ имѣется и въ поминѣ не было. Но пароходы съ такимъ же

успѣхомъ садились на мель, разбивались на камняхъ, какъ они это и сейчасъ продѣлываютъ. И въ одинъ прекрасный день на Черняевскомъ перекатѣ, на глазахъ Титъ Титыча разбился пароходъ съ полнымъ грузомъ. Подмоченные товары съ трудомъ были извлечены изъ воды и сложены въ Черняевой; часть ихъ вслѣдствіе порчи была тутъ же продана Титъ Титычу за безцѣнокъ. Между купленными товарами оказалось болѣе двухсотъ пудовъ перца. Казалось бы, на что можетъ пригодиться подмоченный перецъ въ такомъ большомъ количествѣ, но для смышленаго Титъ Титыча рѣшеніе такой задачи не представляло большого затрудненія. Онъ распорядился вмазать пятиведерный котелъ въ плиту и принялся изготовлять перцовый настой изъ подмоченнаго перца, который цѣлыми сутками кипятился въ котлѣ, затѣмъ охлаждался и разливался въ бутылки. Въ бутылку прибавлялась одна сотая спирта, закупоривалась тщательно печатью, на нее наклеивалась этикетка, изготовленная на этотъ случай въ рижской литографіи и, подъ видомъ ямайскаго рома, изготовленная Титъ Титычемъ перцовка продавалась по четыре рубля за бутылку. Таковы были времена и таковы были дѣятели, отъ которыхъ Амуръ долженъ былъ ожидать свѣта и прогресса.—Ямайскій ромъ продавался подъ большимъ секретомъ, какъ рѣдкій въ краѣ напитокъ по своей силѣ и цѣлебности; выпившій стаканчикъ этого удивительнаго напитка испытывалъ невообразимое щекотаніе въ горлѣ, лицо горѣло, въ головѣ стучало, а затѣмъ появлялась ничѣмъ неутолимая жажда. Пить, безъ конца пить хотѣлось, и несчастный въ продолженіе недѣли не могъ отдѣлаться отъ жажды, поглощая массу воды и квасу; большими охотниками до импровизированнаго рому были пріисковые разсчитанные рабочіе, выходившіе къ концу осени изъ тайги.

Въ собственной лавкѣ Титъ Титычъ обходился безъ приказчика,—не совсѣмъ было удобно имѣть свидѣтеля; ужъ много сомнительнаго характера художествъ было пущено въ оборотъ его изобрѣтательнымъ умомъ,

—и онъ до того боялся присутствія чужого человѣка около себя, что даже всѣ работы около дома были подѣлены между нимъ и женою—къ слову сказать, она была сильная и здоровая женщина. Далеко еще до восхода солнца Титъ Титычъ запрягалъ лошадь и въ бочкѣ подвозилъ воду съ Амура, или ѣздилъ въ лѣсъ, срубалъ дерево и кололъ на дрова для дома и кухни. Торгуя мясомъ, самъ убивалъ быка или корову, обдиралъ съ нея кожу. Съ восходомъ солнца начиналась торговля, которая продолжалась безъ перерыва до поздняго вечера. Вечеромъ лавка закрывалась, Титъ Титычъ подсчитывалъ выручку, приводилъ въ лавочкѣ все въ порядокъ, жена въ это время заканчивала домашнія дѣла, и оба супруга принимались за урочную работу: Титъ Титычъ выкраивалъ двѣ пары широкихъ, пріисковыхъ шароваръ изъ дешеваго бумажнаго трико или тику, – а жена его должна была сшить двѣ рубашки или двѣ пары половинчатыхъ рукавицъ, смотря по сезону и спросу. При той дороговизнѣ, какая была въ то время, вечерняя работа солидарныхъ супруговъ приносила имъ отъ восьми до двѣнадцати рублей дохода ежедневно. Нужно отдать спроведливость Титъ Титычу, что онъ кроилъ и шилъ шаровары артистически, и какъ шароворы, такъ равно и рукавицы, сшитыя имъ и его супругой, предпочитались привознымъ, и хотя продавались дороже послѣднихъ, но разбирались охотно.

И такъ дни, недѣли, мѣсяцы тянулись въ этомъ безпрерывномъ, упорномъ трудѣ, централизуя всѣ помыслы, весь запасъ душевной и умственной энергіи къ одной завѣтной мысли: собирать копейки, рубли и сотни рублей и захватить всѣ деньги, какія появлялись въ окружающей его средѣ. Для этой четы не было другой задачи, вся ихъ духовная жизнь наполнялась шароварами, рукавицами и всякой мелочью, отъ продажи которой получался рубль на рубль или того больше. Всякій случайный прохожій мимо его лавочки, интересовалъ Титъ Титыча, какъ покупатель, какъ обладатель кармана, изъ котораго можно было

извлечь содержимое, всучивъ ему что нибудь изъ своего товара.

Удивительно, до чего можно извратить и опошлить свою жизнь, сдѣлавшись рабомъ страсти копленія денегъ. Вся жизнь, втиснутая въ жалкую яичную скорлупу, обращается въ простое животное прозябаніе, которое ничѣмъ не разнится отъ существованія клопа, выползающаго въ темнотѣ изъ своей щели, чтобы напиться человѣческой крови и опять скрыться въ нее.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе удачныхъ открытій въ зейскомъ раіонѣ богатыхъ розсыпей, центръ дѣловой тяжести началъ переходить на Зею. Титъ Титычъ скоро сообразилъ, что насиженное мѣсто ему придется бросить и перебраться на Зею, гдѣ дѣла должны разыграться, и для его наживы могутъ открыться новыя пути. N—ская золотопромышленная компанія обосновала складъ и резиденцію на Зеѣ для пріисковъ, расположенныхъ въ зейскомъ раіонѣ—и съ этого момента черняевская торговля начала быстро падать и приняла очень скромные размѣры. Титъ Титычъ, отобравъ лучшіе товары, оставилъ кое-что въ своей лавочкѣ, положившей начало его благосостоянію, назначивъ скромнаго довѣреннаго,—а самъ двинулся на новое мѣсто, лелѣя въ душѣ радужныя надежды.

На берегу Амура его нерѣдко смущали и разстраивали случайные торгаши, появлявшіеся съ верховьевъ на сплавныхъ баржахъ, на которыхъ они торговали въ окрестныхъ станицахъ. Титъ Титычъ въ такихъ случаяхъ негодовалъ и удивлялся спячкѣ мѣстной администраціи, которая не принимала мѣръ противъ такого явнаго—по его мнѣнію, злоупотребленія торговыми правилами и нарушенія торговыхъ обычаевъ и чести.

На Зею никто уже носу не покажетъ, по крайней мѣрѣ на первое время; его добродушный компаніонъ, обманываемый на каждомъ шагу, переѣжалъ на Зею въ качествѣ руководителя зейскими пріисками. Это послѣднее обстоятельство было на руку Титъ Титычу. Онъ съ удовольствіемъ потиралъ руки и въ умѣ выраба-

тывалъ широкій планъ завоеванія и подчиненія себѣ новаго золотоноснаго раіона съ тѣмъ, чтобы со всѣхъ сторонъ невидимыми струями текло къ нему золото, которое сдѣлалось для него такъ же необходимо, какъ воздухъ, какъ пища, а можетъ быть еще больше.

II.

Прибывъ на Зею, Титъ Титычъ рѣшилъ основать свою торговлю на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ уже до него пріютился разный темный людъ, не имѣющій опредѣленной профессіи*). Какими соображеніями руководствовался въ данномъ случаѣ Титъ Титычъ, сказать трудно, но надо полагать, имъ руководило желаніе устроиться подальше отъ горной полиціи, которая, хотя и не могла представлять для него ничего страшнаго, но все же учрежденіе это—само по себѣ—нерѣдко бываетъ очень навязчивымъ; съ нимъ, конечно, нужно жить въ ладу, но не мѣшаетъ держаться отъ него подальше.

Въ то время—собственно говоря—не такъ отдаленное отъ настоящей минуты, Зейскій складъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему спеціальному назначенію. На правомъ берегу Зеи, гдѣ скалистыя горы, схвативъ русло рѣки въ узкое и глубокое корыто, сразу распускаются и открываютъ широкую привольную долину, было одно или два жилыхъ помѣщенія и нѣсколько амбаровъ, построенные N—ской золотопромышленной компаніей для своихъ нуждъ. Выше по береговой линіи, за гранью компаніи, расположилась единственная въ то время усадьба Сѣногноева, перваго подрядчика по заготовкѣ сѣна для зейскихъ пріисковъ. Сейчасъ, конечно, все измѣнилось, скромный складъ разросся въ большое селеніе, растянувшееся на протяженіе нѣсколькихъ верстъ по берегу и мѣстами болѣе полуверсты уходя въ глубь долины, въ сторону отъ рѣки. На мѣстѣ топей и бо-

*) На правомъ помѣщалась резиденція компаніи и канцелярія Горнаго Исправника.

лотъ, заросшихъ тальникомъ и мелкимъ березнякомъ, протянулись, сравнительно прямыя, широкія улицы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ размѣстились ряды деревянныхъ домовъ. Это селеніе, которому по настоящее время нѣтъ опредѣленнаго названія, насчитываетъ нѣсколько тысячъ жителей, изрядная часть которыхъ Богъ вѣсть чѣмъ занимается и какъ находитъ себѣ пропитаніе; вызванное къ жизни исключительными условіями, оно до нѣкоторой степени поставило втупикъ мѣстную администрацію, которая не знаетъ, какъ съ нимъ быть: сдѣлать ли его посадомъ и дать ему самоуправленіе, или оставить его въ томъ блаженномъ состояніи, въ которомъ оно родилось, росло и продолжаетъ существовать. Вопросъ серьезный для мѣстныхъ обывателей, но мы пока касаться его не будемъ.

На противоположенномъ берегу, гдѣ устроился Сухожиловъ, въ большомъ безпорядкѣ расположилось десятка два хибарокъ разной величины, добрая половина которыхъ имѣетъ видъ временныхъ землянокъ. Въ нихъ пріютились спиртоносы, хищники, появившіеся вскорѣ послѣ сдѣланныхъ открытій, люди безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій,—живущіе въ ожиданіи „фарта“ или удачи въ видѣ какого нибудь простачка рабочаго, вышедшаго съ пріисковъ съ додачей, или утаеннымъ золотомъ. На этого звѣря дѣлалась ими облава, разставлялись капканы, въ которые онъ по простотѣ своей легко попадалъ, гдѣ его карманы скоро очищались, послѣ чего его самого безцеремонно выталкивали на улицу. Но если это былъ разсчитанный рабочій N—ской золотопромышленной компаніи, то прежде, чѣмъ попасть въ руки разныхъ мелкотравчатыхъ піявокъ, онъ долженъ былъ побывать въ умѣлыхъ и опытныхъ рукахъ Титъ Титыча; послѣдній, имѣя за плечами компаніона, состоящаго руководителемъ дѣлъ на Зеѣ, устроилъ комбинацію такого рода, что разсчитанный рабочій получалъ записку изъ конторы къ Титъ Титычу, который удовлетворялъ его по своему усмотрѣнію. Только незначительную часть деньгами приходилось получать на руки рабочему изъ своей добычи; да и зачѣмъ нужны были

ему деньги? Въ лавкѣ много было разнаго хлама, который умѣло вталкивался въ руки подневольнаго покупателя, вино играло въ этихъ случаяхъ не послѣднюю роль; былъ и ромъ, готовившійся по примѣру черняевскому, такъ какъ запасы подмоченнаго перца не всѣ были израсходованы, и добрая ихъ часть была перевезена на Зею для дальнѣйшаго производства. Если у рабочаго имѣлось золото, о чемъ Титъ Титычъ нюхомъ узнавалъ, то кліентъ приглашался въ сосѣднюю комнату за лавочкой, гдѣ на кругломъ столѣ стоялъ графинъ съ виномъ, огурцы, рыба, нарѣзанная кусками, или другая невзыскательная закуска. Сухожиловъ, самъ вышедшій изъ народа, былъ простъ и разговорчивъ съ рабочимъ людомъ, онъ хорошо зналъ его слабыя стороны и артистически умѣлъ на нихъ играть.

— На Виргильевскомъ, говоришь, работалъ... ну, какъ тамъ золото? спрашивалъ Титъ Титычъ своего покупателя.

— Золото тамъ доброе, Титъ Титычъ, густо его тамъ насыпано... мѣстами выйдетъ такая ямочка, возьмешь лопатой—желтымъ огонькомъ заиграетъ на солнцѣ... отворотишь камень, словно тараканы сидятъ подъ нимъ. Караулятъ крѣпко, по нѣсколько человѣкъ служащихъ сидятъ у забоя.

— Ужъ какъ не карауль, никакъ вѣдь не укараулишь вашего брата,—всегда достанете.

— Словъ нѣтъ, какъ не достать! Да ужъ здорово беречься приходится. Намедни, передъ разсчетомъ, ребята повадились было ночью въ разрѣзъ ходить, богатый забой шелъ, два три часа постараются... смотришь штукъ *) десять, а то и больше достанутъ... урядникъ выслѣдилъ, да и залегъ у машины въ разрѣзѣ. Все время, какъ старались, высматривалъ, только собрались уходить, онъ ихъ тутъ и накрой. Одинъ, пошустрѣе, успѣлъ на бортъ вскочить, да въ шурфъ угодилъ; такъ до утра и пришлось просидѣть въ водѣ! Ладно еще

*) Штука—золотникъ золота.

воды только подъ мышки было, а то совсѣмъ бы каюкъ. Другихъ переловилъ, золото обобралъ, выпустилъ. Послѣ какъ то ребята съ нимъ сошлись, обложилъ положеніемъ, по двѣ штуки съ человѣка бралъ, тогда свободно было.

— Да!... такъ и урядникъ съ вами за одно!

— А то какъ-же? при золотѣ стоять, да какъ же утерпишь... Сами руки тянутся; вѣдь оно то божье, Титъ Титычъ!

— Ха-ха-ха... божіе, говоришь? и Титъ Титычъ заискивающе похлопалъ по плечу словоохотливаго пріискателя.—Но выпей, братецъ, выпей да закуси! Ну, а самъ-то ты этого божьяго золота много припасъ.

Пріискатель, ободряемый привѣтливымъ обращеніемъ хозяина, чувствовалъ себя свободно, выпилъ стаканъ вина, сплюнулъ, крякнулъ, обтеръ губы рукавомъ рубахи и потянулся за огурцомъ.

— Да есть, Титъ Титычъ.

— Ну, а сколько же? допытывалъ его нетерпѣливо Сухожиловъ.

— Да что ужъ таиться передъ вами! штукъ сто, а то и больше наберется.

— Да неужели сто?!... и Титъ Титычъ нервно завертѣлся на стулѣ. Такъ ты что же, братецъ?... съ этого бы и началъ, цѣну хорошую дамъ. Ты что же, показывай.

— Не при мнѣ оно сейчасъ... въ огородѣ у Яшки Крученаго припряталъ.

— У Яшки?... это рядомъ-то съ моимъ огородомъ! Да ты, чудакъ, ужъ въ мой бы огородъ лучше пряталъ.

— У васъ, Титъ Титычъ, ограда высокая, пролѣзть никакъ нельзя. Да, того гляди, и собаки разорвутъ, коль ночью заберешься; у Яшки проще.

— Такъ ты-бы сейчасъ его несъ ко мнѣ.

— Да какъ сейчасъ возьмешь?... Видишь, свѣтло... еще примѣтятъ. У Яшки народу много, гульба идетъ, играютъ, а окна въ огородъ выходятъ.

— Ахъ-ты грѣхъ какой! Что же, посиди у меня, пока стемнѣетъ.—Титъ Титычъ боялся его выпустить,

онъ хорошо зналъ, что за нимъ слѣдятъ, въ осебенности Крученый, чтобы перехватить золото. А золото въ то время съ первыхъ рукъ покупалось очень дешево.

Надвигался вечеръ, пріискатель, скрытый темнотой, обшаривалъ кустъ въ примѣченномъ имъ мѣстѣ, находилъ положенный имъ узелокъ и несъ его Титъ Титычу. Торгъ быстро совершался,—и золото, поступивъ въ собственность купца, исчезало въ остроумныхъ тайникахъ его помѣщенія. Пріискателю открывался текущій счетъ деньгами, товарами но большей частью виномъ. Проходила недѣля, счетъ исчерпывался; много статей было въ немъ сомнительныхъ для пріискателя.

— Эхъ! Титъ Титычъ, не по божески ты дѣлаешь. Ну... да ладно! дай бутылочку на похмѣлье.

— Да что ты, что ты паря?... Ты у меня больше перебралъ... смотри два листа цѣликомъ записано.

— Да что мнѣ твое писаніе! темный я человѣкъ... говорю, дай бутылку... ну, хоть подъ задатокъ дай; достану,—вѣдь опять къ тебѣ же прійду.

— Да какъ-же это братецъ! Вѣдь она денегъ стоитъ. Много за вашимъ братомъ пропадаетъ; такъ-же, какъ ты, посулятъ прійти, заберутся, а тамъ ищи ихъ по тайгѣ.

— Да что ты мнѣ не вѣришь? Побожиться на икону могу. Что я—нехристь, что-ли?...

— Нынче человѣкъ совсѣмъ изъ вѣры выбился. А вотъ оставь шелковую опояску, буду знать, что придешь.

Мужикъ жалобно скосилъ глаза на свою яркую опояску: двадцать рублей за нее подсчиталъ Титъ Титычъ въ своей записи.

— Ну, да песъ съ нею!... и онъ быстрымъ движеніемъ сорвалъ ее съ себя и бросилъ на прилавокъ.— На бери, дай бутылку! Да я какъ-же теперь безъ опояски?

— На тебѣ пять аршинъ коленкору, чѣмъ не опояска!

И рабочій пропадалъ на всю зиму и лѣто и только осенью опять заявлялся. Такихъ кліентовъ много раз-

велось у Тита Титыча; дикіе барыши сыпались въ его объемистые карманы. Но это не вскружило ему голову, онъ по прежнему работалъ, вставая до зари и поздно вечеромъ уходя на отдыхъ.

Съ каждымъ годомъ число дѣйствующихъ пріисковъ увеличивалось, разработка ихъ была монополіей двухъ солидныхъ въ то время компаній, которыя, хотя жили между собою не въ большомъ ладу, но что касается вопроса изолированія тайги отъ посторонняго вторженія, то обѣ онѣ были вполнѣ солидарны. И тайга, обѣщавшая богатыя открытія въ будущемъ, ревностно оберегалась. Горная полиція, находясь въ то время въ полной зависимости отъ обѣихъ компаній, и питаясь отъ нихъ большими подачками, естественно покровительствовала этому стремленію и оказывала немаловажныя услуги на почвѣ сохраненія монополіи. Большія партіи, снаряжаемыя ежегодно, благоразумно дѣлили между собою раіоны и одна другой не мѣшала. Но стоило только одной компаніи сдѣлать значительное открытіе, какъ другая, въ лицѣ своего довѣреннаго, неожиданно появлялась тутъ-же, стараясь отхватить заявки изъ подъ рукъ счастливаго товарища. Иногда между довѣренными дѣло доходило даже до драки, и чтобы разнять дерущихся, приходилось уполномоченнымъ пріѣзжать на мѣсто происшествія. Такой случай имѣлъ мѣсто на рѣчкѣ Джолонъ. Обстоятельства открытія исключительно богатой розсыпи по этой рѣчкѣ, доставившей компаніи болѣе тысячи пудовъ золота, сами по себѣ очень интересны и ждутъ еще своего художника.

По мѣрѣ того, какъ дѣла расширялись, складъ Зейскій застраивался. Дѣло вызвало необходимость въ подрядчикахъ, возчикахъ, а съ каждымъ годомъ увеличивающееся число рабочихъ привлекло на Зею массу тунеядцевъ, охотниковъ до легкой наживы на счетъ своего ближняго, и эти люди, устроившись на складѣ, закидывали свои сѣти по всей тайгѣ, разными способами обирали рабочій народъ, заставляя его, не разгибая спины, копаться въ землѣ, ворочать милліоны ея пудовъ, чтобы достать высоко цѣнный металлъ, который

сбывали на вино,—проигрывали въ карты, или, въ лучшихъ случаяхъ, мѣняли на яркія опояски, гнилые пестрые ситцы, забывъ въ чаду безшабашнаго разгула, тяжелый свой трудъ, сопряженный съ опасностью для ихъ здоровья, а нерѣдко и жизни.

Торговля Титъ Титыча была единственная въ то время. Слово конкуренція было для него чуждо. Потребность въ товарахъ и предметахъ первой необходимости росла съ неимовѣрной быстротой—и Сухожиловъ ясно видѣлъ, что запасовъ, какіе онъ могъ заготовить на зиму, никогда не хватаетъ для мѣстной потребности. Какъ бы высоки ни были цѣны, къ веснѣ весь товаръ распродавался. Эта увѣренность въ безусловномъ сбытѣ, заставила Титъ Титыча не стѣсняться въ цѣнахъ. Компаніи дѣлали заготовку исключительно для своихъ пріисковъ и нерѣдко даже мелководіе или другія неблагопріятныя случайности ставили ихъ самихъ въ затруднительное положеніе. Разсчитанный рабочій во всякомъ случаѣ не могъ довольствоваться изъ амбаровъ компаній, а за спиной рабочаго стояла цѣлая масса разнаго люда, не имѣющаго ничего общаго съ компаніями; и всѣ они, конечно, нуждались въ хлѣбѣ и одеждѣ. Весь этотъ людъ толпился въ лавочкѣ Сухожилова, кто спрашивалъ сапоги, кто ситецъ, кто муку, а кому нужно было вино, такъ какъ русскій человѣкъ безъ вина жить не можетъ.

— Бери сколько хочешь, только давай, батюшка, потому что опричь тебя не у кого взять.

И Титъ Титычъ давалъ, но и бралъ, сообразуясь единственно со своей алчностью. Было время, когда катушка нитокъ продавалась по рублю, простая иголка по 25 копѣекъ за штуку. И платили рубль за нитки и двадцать пять копѣекъ за иголку, потому-что рубашки и шаровары рвались, надо было новыя шить или чинить старыя. Нерѣдко даже одна иголка обходила много домовъ, гдѣ не на что было ее купить; или выдергивались нитки изъ мѣшковъ, потому что не каждый могъ платить по рублю за катушку нитокъ. Но хлѣбъ замѣнить лиственичной корой или галькой съ Зеи не

было никакой возможности. И за нимъ нужно было приходить въ лавочку Титъ Титыча и платить столько, сколько ему заблагоразсудилось взять.

Конечно, Зея, да и вообще весь Амурскій край не дошелъ еще—слава Богу—до тѣхъ ужасныхъ картинъ нищенства и оголенныхъ язвъ, которыми переполнены трущобы столицъ и промышленныхъ центровъ, въ виду которыхъ способно содрогнуться самое окаменѣлое сердце. На Амурѣ пока еще спросъ на трудъ огромный, —и всякій, кому завтрашній день ставитъ зловѣщій вопросъ: чѣмъ онъ будетъ жить?—физическимъ трудомъ можетъ достать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и устранить этотъ ужасный вопросъ, который въ другихъ мѣстахъ земного шара приводитъ несчастныхъ къ пагубному отчаянію. Ставъ на эту точку, мы не вправѣ строго судить Титъ Титыча и его непомѣрную алчность, созданную исключительностью мѣстныхъ условій. Да, наконецъ, не только скромная лавочка Титъ Титыча, заброшенная гдѣ-то на далекихъ берегахъ Зеи, но смѣло можно сказать, что вся торговля края, на протяженіи всего Амура, въ то блаженное время была основана исключительно на такихъ же началахъ. Всѣ эти громкія фирмы, импонирующія въ настоящее время своими роскошными „palazzo“, создали свои огромные капиталы на баснословной цѣнѣ иголки и нитокъ въ былое, недавно прошедшее время. Бросьте нашихъ дѣльцовъ, создавшихъ на Амурѣ свои состоянія, на міровой рынокъ, съ ихъ дѣловой выправкой, и вы увидите, какими жалкими, какими безпомощными они тамъ окажутся. Безъ дѣловой иниціативы, лишенные вѣры въ себя, способные только съ карандашемъ въ рукѣ разцѣнивать полученные товары, они буквально растеряются среди шума кипучей дѣятельности; имъ даже не уловить смысла современнаго дѣлового генія. Положимъ, они и сейчасъ ѣздятъ туда съ полными карманами, но вся цѣль ихъ поѣздки сводится къ тому, чтобы подешевле купить иголку или катушку нитокъ, или по возможности купить въ долгъ на 36 мѣсяцевъ. А вопросъ— какъ бы создать свою иголку или свои нитки, чтобы

не возить ихъ изъ-за морей—этотъ вопросъ не по плечу нашимъ дѣльцамъ, а если они и возьмутся сгоряча за осуществленіе подобныхъ вопросовъ, то развѣ только, чтобы вызвать улыбку на лицѣ европейца. Вотъ почему когда свѣтъ прогресса широкой волной хлынулъ на забытый и заброшенный Амуръ и стальное кольцо великой сибирской дороги включило его въ общую великую семью дѣлового міра, наши дѣльцы стоятъ растерявшимися и рѣшительно не знаютъ, за что имъ взяться: —„послать-ли партію гнилыхъ ситцевъ въ Харбинъ, или попридержать ее, авось, къ счастью, явится мелководіе и эта гниль, за недостаткомъ лучшаго, въ тридорога будетъ продана“. Вотъ какими соображеніями заняты на Амурѣ дѣловые умы! До сего времени коммерческая задача ихъ сводилась къ тому, чтобы подешевле купить товары и по возможности въ долгъ. Имъ даже не было дѣла до качества покупаемыхъ товаровъ; амурскій покупатель еще не такъ избалованъ, чтобы имѣть дерзость требовать то, что ему нужно,—онъ долженъ брать, что ему великодушно предлагаютъ, за цѣну, которую ему назначаютъ. А при малѣйшемъ его протестѣ—за хвостъ и на морозъ. Что съ нимъ церемониться!

И Титъ Титычъ безъ всякой церемоніи выкидывалъ строптивыхъ покупателей изъ своей лавочки. Наконецъ дѣла его расширились и годовой разсчетъ его съ конторой N—ской золотопромышленной компаніи дошелъ до такой огромной цифры, что благонамѣренный его компаніонъ ужаснулся и прекратилъ выдачу ордеровъ на лавку Титъ Титыча. Но удовлетворять рабочихъ было необходимо, а деньги рѣдко водились въ кассѣ конторы; услужливый Титъ Титычъ предложилъ свою кассу въ распоряженіе конторы—получилась та же самая картина. Деньги его, взятыя утромъ въ контору и розданныя рабочимъ, къ вечеру опять возвращались въ руки Титъ Титыча. Иногда, умиленный радостнымъ сознаніемъ, что кредитки его, какъ добрыя дѣти, отпущенныя утромъ погулять, къ вечеру опять являлись къ своему отцу, онъ на нѣкоторыхъ дѣлалъ значки, чтобы

прослѣдить сколько разъ въ году онѣ могутъ сдѣлать это круговращательное движеніе,—и одна десяти-рублевая бумажка успѣла 318 разъ вернуться къ нему обратно. Послѣдній разъ она явилась въ такомъ жалкомъ, растерзанномъ видѣ,—вся въ маслѣ, съ оторванномъ угломъ, что его отцовское чувство было тронуто до глубины души и онъ рѣшилъ не подвергать ее больше подобнымъ мытарствамъ; тщательно сложилъ въ четверо, нашелъ у себя въ лавочкѣ жестянку отъ мыла, уложилъ въ нее и поставилъ въ несгораемую кассу, гдѣ она и до сихъ поръ хранится.

III.

Законъ о свободномъ обращеніи золота вошелъ въ силу и въ первое время Титъ Титычъ не могъ себѣ уяснить, что такое получится изъ новаго закона о свободномъ золотѣ. Какой стороной ему прійдется примоститься къ нему? Какъ золотопромышленникъ, онъ опасался за золото на своемъ пріискѣ.

— Вѣдь подлецъ нынче сталъ народъ, совсѣмъ изъ совѣсти выбился!... и управляющему вѣрить-то нельзя, —думалось Титъ Титычу,—золото свободное, какъ за нимъ теперь усмотришь? прежде возжа на нихъ была въ видѣ уголовной кары,—а сейчасъ ничего ихъ не удержитъ... Потянутъ, обязательно потянутъ.

Такъ думалъ Титъ Титычъ и представилъ себя въ роли управляющаго дѣйствующаго пріиска. Въ душѣ его отъ такого представленія шевельнулось что-то такое особенное, что онъ невольно закрылъ ротъ рукою изъ опасенія, чтобы это „что-то такое“ не облеклось въ словесную форму и не было кѣмъ нибудь подслушано. Онъ подозрительно осмотрѣлся въ своемъ одинокомъ кабинетѣ, поправилъ огонь въ лампѣ и сталъ мѣрно ходить изъ угла въ уголъ, соображая о томъ, какія выгоды онъ можетъ извлечь изъ новаго закона. И какъ ему взяться за дѣло? „Покупай, молъ, оно свободно“;— шепталъ ему внутренній голосъ,—„конечно, прійдется

покупать, коль скоро свое тащить будутъ",—отвѣтилъ онъ про себя. И тутъ Титъ Титычъ сталъ высчитывать, сколько онъ можетъ купить этого свободного золота, если оно будетъ открыто приноситься.

Въ былое время при всей строгости закона, при бдительности мѣстной полиціи, поощряемой наградами, ему удавалось скупать до пятнадцати пудовъ въ годъ. А въ одинъ счастливый годъ, когда тайга особенно оживилась, онъ скупилъ болѣе двадцати пудовъ. Этотъ годъ былъ особенно удаченъ для него и чтобы вспомнить всѣ подробности того исключительно удачнаго года, Титъ Титычъ досталъ изъ потайного ящика въ столѣ небольшую записную книжку съ надписью на ней „золото" и сталъ просматривать страницу за страницей, исписанныя крупнымъ, угловатымъ и невыработаннымъ почеркомъ „... на вино было куплено девять пудовъ тринадцать фунтовъ, на товары восемь пудовъ съ фунтами, остальное на деньги. Въ общемъ золото обошлось дешевле трехъ рублей за золотникъ..... продано тоже выгодно; только часть на деньги, а остальное промѣняно китайцамъ на скотъ и товары..... Полтораста тысячъ дала пользы въ тотъ годъ эта операція". И Титъ Титычъ невольно улыбнулся отъ внутренняго удовольствія..... Дешево оно тогда покупалось, сейчасъ не купить по той цѣнѣ!... Неужели открыто можно будетъ его покупать? Что-то не вѣрится,—думалось ему.

Прежняя привычка обставляться всевозможными осторожностями въ продолженіе многихъ лѣтъ глубоко засѣла въ его натурѣ. Ему съ трудомъ вѣрилось, чтобы преслѣдованіе за покупку золота упразднилось—и онъ могъ-бы заняться этой операціей открыто на глазахъ у всѣхъ, тутъ же въ своемъ магазинѣ. И отъ одной возможности такой мысли на сердцѣ Титъ Титыча сдѣлалось тепло, хорошо. Онъ вошелъ въ спальню, чтобы подѣлиться съ женой тѣми надеждами и расчетами, которые вихремъ носились въ его распаленномъ мозгу. На широкой кровати, въ мягкихъ большихъ пуховыхъ подушкахъ утопала его упитанная супруга. Въ спальнѣ было жарко; стоялъ запахъ здороваго женскаго тѣла.

Обнаженная грудь тяжело и высоко вздымалась. Она спала. Титъ Титычъ смотрѣлъ на здоровую, высокую грудь, и она ему казалась грудами желтаго блестящаго золота.

— Что оно дорожаетъ, не бѣда... пущу весь капиталъ въ оборотъ и силой возьму. Это не николаевская рыба, которая можетъ залежаться,—рѣшилъ Титъ Титычъ, выходя изъ спальни.

Хотя всѣ говорили о свободномъ золотѣ, но никто еще не рѣшался открыто его покупать. Онъ тоже пока еще продолжалъ его скупать при тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде. Такъ же, какъ и прежде, незамѣтная дверь, ведущая въ отдѣльную изолированную комнату, по временамъ открывалась, въ неё боязливо входили разныя лица, начиная съ оборванныхъ китайцевъ и кончая солидными золотопромышленниками. Въ комнатѣ на столѣ такъ-же стоялъ самоваръ съ чайникомъ; въ самоварѣ было вино, а въ чайникѣ спиртъ. Все это было припасено для меньшей братіи—хищниковъ и рабочихъ и, чтобы облегчить съ ними торгъ, Титъ Титычъ усиленно угощалъ изъ самовара, а по временамъ сдабривалъ содержимымъ изъ чайника. Вѣски золотовѣсные, кислоты, камень пробный были тщательно припрятаны. Словомъ, не смотря на разговоры объ объявленномъ новомъ законѣ, Титъ Титычъ по прежнему прятался, былъ остороженъ и нерѣдко, сидя въ завѣтной комнатѣ, вздрагивалъ отъ неожиданнаго звука.

Наконецъ, Титъ Титычъ получилъ отъ своего довѣреннаго изъ Иркутска обстоятельное письмо, въ которомъ излагались всѣ порядки съ золотомъ по новому закону. Письмо довѣреннаго подкрѣплялось вырѣзками изъ Правительственнаго Вѣстника и другихъ газетъ. И для него стало ясно, что золото такой же товаръ, какъ буда, ситецъ, томскій медъ, николаевская рыба или забайкальская солонина.

Контора Титъ Титыча помѣщалась тутъ же при магазинѣ. Часть конторы была видна изъ магазина и именно былъ виденъ столъ, за которымъ сидѣлъ самъ хозяинъ.

— Вотъ что паря,—обратился Титъ Титычъ къ конторщику,—столъ этотъ нужно поставить въ тотъ уголъ,

а на этомъ мѣстѣ мы поставимъ золотовѣсный столъ. Здѣсь ему настоящее мѣсто. Пусть всякій видитъ изъ магазина.

Къ обѣду принесли столъ съ тремя бортами, обитый сукномъ. Титъ Титычъ съ особымъ увлеченіемъ и любовью уставилъ вѣсы большіе и по меньше, уставилъ на столѣ кислоты въ стклянкахъ для пробованія золота, камень черный, магнитъ. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ заходилъ въ магазинъ, чтобы убѣдиться, что столъ его хорошо виденъ и, рѣшивъ, что все въ порядкѣ, позвалъ одного изъ магазинныхъ мальчиковъ.

— Сходи въ винный подвалъ и передай Акимычу, чтобы золото онъ больше не принималъ, а посылалъ бы ко мнѣ, а вино и спиртъ, которые онъ отпускалъ ранѣе за золото, будетъ отпускать по моимъ талонамъ.

Мальчикъ живо сбѣгалъ и вскорѣ послѣ его прихода, въ дверяхъ магазина обрисовалась крѣпкая фигура спиртоноса Кудряша. На его рябомъ лицѣ, обрамленномъ черной курчавой бородой, блуждала тонкая, плутовская улыбка. Въ глазахъ свѣтился не дюжинный умъ, богатый опытностью, пріобрѣтенной за многіе годы его опасной профессіи. Его твердая походка обнаруживала сильную энергію, способную преодолѣть всякое препятствіе, попадающее на его пути. И вообще во всей его фигурѣ видна была сила и самоувѣренность. Онъ зналъ себѣ цѣну и сейчасъ стоялъ передъ Титъ Титычемъ, какъ равный передъ равнымъ. А улыбающіеся глаза его какъ будто говорили: „что купчина! Другое время пришло... играть видно будемъ въ открытую“.

— Ну, что-же ты, заходи,—обратился къ нему Сухожиловъ, протягивая руку.

— Ничего, зайдемъ. Богъ помощь, съ начатіемъ новаго дѣла! А вѣски-то какъ блестятъ,—повелъ свою небрежную рѣчь Кудряшъ, усаживаясь на стулъ около стола.

— Ну какъ торгонулъ нынче?

— Да наша торговля извѣстная... привезъ, сбросилъ, да и опять сюда, а тамъ пусть ребятишки производятъ.

— Ну, а золотцо-то припасъ?

— Золотцо-то... Да какъ же безъ золотца.... Ну, а цѣна какая же у васъ?

— Да цѣна-то извѣстная... четыре рубля двадцать копеекъ за золотникъ.

— Какъ двадцать? нынче ужъ сорокъ даютъ, а погодя еще дороже будетъ; много больно скупщиковъ изъ города понаѣхало. Одинъ у другого перебиваетъ.

Сухожиловъ задумался. Конкуренція эта ему не понравилась и онъ быстро рѣшилъ въ умѣ убить ее въ самомъ началѣ, а для этого разослалъ объявить по кабакамъ, что золото онъ покупаетъ гривенникомъ дороже другихъ. Съ Кудряшомъ пришлось торговаться, но тотъ не уступилъ.

И такъ Сухожиловъ началъ открыто скупать золото. Утромъ онъ наскоро выпивалъ два стакана чая, торопливо шелъ въ магазинъ, садился за столъ и приносители одинъ за другимъ подходили къ столу; приносили доли, золотники и фунты. Титъ Титычъ старательно отдувалъ, пробовалъ на кислоту, на камень, боясь поддѣлки, торговался, шутилъ,—и видно было, что въ этомъ занятіи для него не можетъ быть усталости, напротивъ, оно являлось для него источникомъ высокаго наслажденія. Прикосновеніе къ этому желтому тяжелому порошку щекотало нервы его рукъ,—а отъ нихъ уже раздавалось по всѣму тѣлу какое-то сладкое, радостное ощущеніе. Если попадалась самородка, онъ ее осматривалъ со всѣхъ сторонъ, старался угадать съ какой рѣчки или съ какого она пріиска. Приносили ему золото и китайцы, и русскіе рабочіе, приносили и разсчитанные служащіе... „укралъ, обязательно укралъ, съ рабочими въ стачку вошелъ“,—думалъ Титъ Титычъ, поглядывая однимъ глазомъ на служащаго, смущенно и нерѣшительно предлагающаго ему золото... „И у меня тоже крадутъ“—шевелилось въ его умѣ. И онъ тогда рѣшилъ покончить съ пріисками. Не къ чему теперь, когда и безъ пріиска золота нанесутъ сколько хочешь.

Вскорѣ Титъ Титычъ взялъ силу, капиталомъ задавилъ и сдѣлался хозяиномъ рынка. По всей тайгѣ, на всѣхъ пріискахъ бѣгали его довѣренные, скупая золото.

Передъ его магазиномъ и въ конторѣ всегда полно народу. Какъ онъ ни ловокъ былъ въ пріемѣ золота, но пришлось посадить сначала одного помощника, а затѣмъ и другого. Одинъ управиться онъ не могъ. Цѣну давалъ онъ высокую, зная, что частый оборотъ дастъ ему хорошую пользу. Кромѣ того онъ не несъ никакихъ повинностей, которыми обложены золотопромышленники, онъ не рисковалъ своимъ капиталомъ, какъ тѣ рискуютъ. Купленное золото ссыпалъ подъ замокъ и никто не могъ его расхитить, какъ оно расхищалось тамъ, на мѣстѣ работъ, въ разрѣзѣ.—Ему не зачѣмъ было держать большой штатъ служащихъ, контору и полицію. Все это ставило Сухожилова въ весьма выгодныя условія. Кромѣ того, на его сторонѣ было еще то преимущество, что значительная часть золота покупалась на товары и вино.

И Титъ Титычъ всей душой отдался этому дѣлу въ его новой упрощенной формѣ. Онъ даже забросилъ до нѣкоторой степени торговлю и весь былъ поглощенъ новымъ занятіемъ, захватившимъ все его существо. Пересталъ собирать по двору бичевки, гвозди, старыя подковы, обрывки веревокъ и всякую мелочь, въ собираніи которой онъ видѣлъ особое наслажденіе. Жена его, давно убѣждавшая ликвидировать дѣло и уѣхать въ Россію, гдѣ бы заняться воспитаніемъ подростающихъ дѣтей, которыя наравнѣ съ уличными ребятишками бѣгали какъ сорванцы по цѣлымъ днямъ безъ разумнаго наблюденія и руководства, научаясь всему тому, отъ чего ихъ слѣдовало беречь, наконецъ съ горечью увидѣла что ея мужа поглотила страсть, съ которою она бороться не въ силахъ.

Ночью во снѣ онъ громко торговался, спорилъ. Она часто просыпалась отъ его громкихъ разговоровъ, громкіе, неожиданные возгласы его пугали ее. Желѣзный большой ящикъ, куда онъ ссыпалъ золото, былъ поставленъ въ спальнѣ у изголовья его постели такимъ образомъ, что онъ свободно могъ класть правую руку на ручку крышки, въ которой былъ секретъ замка. И Сухожиловъ, ложась въ постель, засыпая, обыкновенно

клалъ руку на ручку крышки, гдѣ рука его покоилась всю ночь во время сна до утра, пока онъ не просыпался.

Однажды ему приснилось, что его ящикъ съ золотомъ хотятъ утащить. Онъ вскочилъ съ кровати, какъ помѣшанный, съ раздирающимъ душу крикомъ; крикъ этотъ разнесся по всѣмъ комнатамъ и былъ слышенъ далеко на улицѣ,—испуганная жена проснулась, разбуженная крикомъ, прислуга сбѣжалась. И при огнѣ увидѣли Титъ Титыча распростертымъ на полу; руками онъ крѣпко обнималъ ящикъ; съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ, съ красными выкатившимися глазами онъ весь трясся въ какомъ то нервномъ припадкѣ. Обводя всѣхъ дикимъ взглядомъ, онъ шепталъ сдавленнымъ голосомъ: „уйдите... не дамъ, не дамъ". Съ трудомъ его успокоили.

Первую партію золота въ нѣсколько пудовъ онъ увезъ для сплава самъ и когда въ лабораторіи спросили его, желаетъ ли онъ получить въ слиткахъ или деньгами, онъ колебался и не зналъ, что ему отвѣтить. Какое употребленіе онъ можетъ сдѣлать изъ слитковъ. Затѣмъ онъ случайно узналъ, что въ Кяхтѣ золото продается на полтора рубля дороже за золотникъ, чѣмъ платитъ казна, а въ Шанхаѣ иногда поднимается цѣна до восьми рублей за золотникъ. Прикинувъ въ умѣ, какая огромная прибыль получится на этой разницѣ, онъ началъ думать о томъ, какъ бы переотправлять золото въ Кяхту или еще лучше въ Шанхай и тамъ реализировать.

При разговорѣ съ кѣмъ то, ему замѣтили, что при вывозѣ золота за границу будетъ взиматься, по всей вѣроятности, вывозная пошлина. Но это его не испугало и онъ началъ обдумывать, какъ провезти золото контрабандой. При этомъ онъ вспомнилъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи во Владивостокѣ, въ темную осеннюю дождливую ночь, онъ провозилъ на лодкѣ коньякъ и шампанское, купленные на одномъ изъ заграничныхъ судовъ. Кромѣ ужаснаго страха, который онъ испытывалъ въ эту холодную, дождливую ночь на утлой лодченкѣ, въ компаніи двухъ подозрительныхъ

людей, которыхъ онъ нанялъ перевезти его въ безопасное мѣсто, въ душѣ своей онъ чувствовалъ какое-то особенное состояніе, въ которомъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета. Но онъ зналъ только одно, что несмотря на ужасныя условія, среди которыхъ испытывалъ это чувство, оно было пріятно. И ему думалось, что такое чувство долженъ испытывать игрокъ, поставившій крупную карту и ожидающій результата своего риска, или страстный любовникъ, пробирающійся въ темную, глухую ночь по карнизу въ спальню молодой жены, зная что ревнивый мужъ ея, разбуженный его неосторожнымъ движеніемъ, не задумается всадить пулю въ его безумное сердце.

IV.

Былъ августъ. Погода стояла чудная. Утромъ прошелъ дождикъ; затѣмъ небо прояснилось; въ воздухѣ почувствовалась свѣжесть.

Пыли на набережной не было и невольно манило на чистый воздухъ, къ рѣчкѣ, которая несла свои прозрачныя воды, приковывая взоръ наблюдателя къ вѣчно движущейся поверхности.

Солнце, словно купаясь въ ясной лазури неба, кидало милліарды этихъ лучей на землю. Лучи, отражаясь радужными искрами въ полныхъ, сочныхъ капляхъ дождя, повисшихъ на травѣ, на листьяхъ деревьевъ, скользили по легкой зыби широкой рѣки, одѣвая её въ праздничный яркій нарядъ.

Въ природѣ было торжественно тихо, хорошо... но въ этой тишинѣ чудилась жизнь, полная глубокаго смысла.

На скамейкѣ, у берега рѣки сидѣли три господина. Они сидѣли молча, слѣдя за лодкой-перевозомъ, безостановочно скользящей отъ одного берега къ другому.

Одинъ изъ нихъ, Кириллъ Меѳодіевичъ Сытноѣдовъ— полный, съ выраженіемъ, въ которомъ странно смѣшивались и ясная, живая мысль и сонливая апатія ко всему окружающему, какъ будто все ему давно наскучило, и

нѣтъ ничего интереснаго, и люди до тошноты похожи другъ на друга, и говорятъ они однѣ глупости и давно всѣмъ извѣстныя вещи. И торговое дѣло, которымъ онъ управляетъ и которое такъ часто и невпопадъ нарушаетъ его врожденную, сытую лѣнь—не стоитъ выѣденнаго яйца, и все это не то, что нужно и для чего жить стоитъ. Онъ сидѣлъ грузно, опершись руками о скамейку, какъ будто поддерживая свое тѣло, которое безъ этой опоры готово было расплыться.

На той-же скамейкѣ, по правую сторону отъ Сытноѣдова, помѣстился Михаилъ Михайловичъ Гужевъ—пожилой господинъ, съ сѣдой головой и такой-же бородой, при чемъ сѣдина мѣстами рѣзко переходила въ желтый цвѣтъ. Легкій вѣтерокъ развѣвалъ его солидную старческую бороду. Его усталые, поблекшіе глаза были направлены на ту же лодку, на народъ, толпившійся около нее. Но онъ смотрѣлъ машинально.

Передъ его умственнымъ взоромъ, словно въ калейдоскопѣ проходятъ одна за другой картины прожитой имъ жизни. Онъ видѣлъ себя молодымъ, полнымъ силы и энергіи юношей, вступившимъ въ тайгу, гдѣ онъ началъ службу въ одной крупной компаніи. Воображенію его ясно представилась цѣлая толпа такихъ-же, какъ онъ, молодыхъ людей, съ которыми ему приходилось нести тяготы этой службы. Онъ, какъ равно и всѣ воскресшіе въ его умѣ знакомыя ему лица, были полны надеждъ и радостно, бодро смотрѣли въ глаза своей будущности. Мысль о томъ, что жизнь пройдетъ и душу его постепенно станетъ сковывать мертвящій холодъ, не приходила тогда ему въ голову.

Постоянно въ трудѣ, при дѣлѣ: то въ партіи, то въ транспортѣ, то на другихъ пріисковыхъ обязанностяхъ,—онъ и не замѣтилъ, какъ прошли годы его молодости, какъ силы терялись. Положимъ, сейчасъ онъ не служащій, не наемщикъ. Онъ хозяинъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ видѣ награды, онъ получилъ отъ компаніи десятокъ бракованныхъ лошадей и занялся подрядами. Были годы удачные, принесшіе ему хорошую пользу. Но постепенно дѣла начали падать, и съ

каждымъ годомъ жить становилось тяжелѣе. Его хозяйство съ трудомъ поддерживалось непосильными хлопотами,—не по плечу старику.

Многіе изъ его сослуживцевъ давно погибли или въ тайгѣ, среди тяжелыхъ лишеній, или въ больницахъ, забытые и заброшенные всѣми. Немногіе, какъ онъ, доживаютъ свой вѣкъ въ нуждѣ и заботахъ,—и только нѣсколько, благодаря или счастливой случайности, или особо удачно сложившимся обстоятельствамъ, или, можетъ быть, личному умѣнію устраивать свои дѣла, успѣли спастись отъ гнетущей нужды и, сколотивъ порядочное состояніе, живутъ въ свое удовольствіе, усвоивъ другія привычки, другой взглядъ на вещи.

А онъ?.... Чѣмъ онъ разнится отъ той старой, разбитой, обезноженной лошади, которая доживаетъ свой вѣкъ на его заднемъ дворѣ, въ особомъ загонѣ, и всегда такъ жалостно на него смотритъ своими тусклыми, слезящимися глазами. Онъ вспомнилъ про эту лошадь,—и невольно мелькнувшее сопоставленіе вызвало горькую улыбку на его морщинистомъ лицѣ.

Третій—въ формѣ акцизнаго чиновника, съ внѣшностью бывшаго военнаго офицера, съ коротко и старательно остриженной бородкой, въ которой мѣстами виднѣлся серебристый волосъ,—не нарушалъ общаго молчанія. Повидимому, настроеніе сосѣдей передалось и ему. Онъ думалъ: какъ глупа эта жизнь и какъ человѣкъ неумѣло и гадко распоряжается ею. Онъ—когда то гвардейскій офицеръ, начавшій службу въ столицѣ въ одномъ изъ видныхъ полковъ, обезпеченный хорошимъ состояніемъ, доставшимся ему по насдѣдству, состояніемъ, котораго смѣло могло-бы хватить на пропитаніе нѣсколькихъ десятковъ семействъ,—въ какіе нибудь пять—шесть лѣтъ успѣлъ его промотать, надѣлавъ долговъ, и принужденъ былъ поступить на гражданскую службу, по акцизному вѣдомству,—какъ болѣе выгодному. И вотъ, заброшенный въ какое-то захолустье, онъ долженъ возиться съ траллесомъ, ревизовать кабаки и склады, заполнять какіе-то скучные бланки цифрами и съ томительнымъ нетерпѣніемъ ожидать каждое двад-

цатое число, чтобы получить мизерное жалованье, котораго ему едва хватаетъ на дрова, квартиру и на то, чтобы прилично одѣться,—въ то время, когда душа его полна воспоминаній о соблазнительныхъ прелестяхъ столичной жизни, въ пользованіи которыми онъ былъ искусный мастеръ. Глаза его также уперлись въ грубо сколоченную лодку, а въ воображеніи носилась картина роскошно обставленнаго кабинета въ модномъ загородномъ ресторанѣ, веселая бесѣда блестящихъ товарищей-собутыльниковъ... и Вѣрька!.. эта удивительная цыганка Вѣрька, на которую онъ потратилъ послѣднюю тысячу. Но онъ не жалѣлъ этихъ денегъ. Ея черные, жгучіе глаза, оттѣненные густыми бровями, ея изящныя руки, которыми она способна была удушить въ своихъ объятіяхъ,—все это полно было такой жгучей страсти, что не только его деньги, но онъ самъ могъ сгорѣть въ этой атмосферѣ, если бы необходимость не вынудила его бросить эту жизнь, бросить и Вѣрьку, котовая была ему не по карману.

Солнце поднималось все выше и выше. Его лучи стали сильнѣе пригрѣвать землю. Дождевыя капли обсохли, подсохла и пыль на набережной и, поднимаемая вѣтромъ, начала клубиться въ воздухѣ.

— Что-же, господа, закусить время,—заявилъ Сытноѣдовъ, лѣниво поднимаясь со своего мѣста.

Гужевъ и акцизный чиновникъ изъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ поднялись и всѣ трое тихо поплелись къ дому Сытноѣдова, который стоялъ тутъ-же на берегу. Въ столовой пріятно щекоталъ обоняніе вкусный запахъ жаренаго гуся, а видъ объемистаго графина и нѣсколькихъ бутылокъ пива отогнали съ души этихъ уставшихъ людей скучныя мысли и они весело усѣлись за столъ.

Выпили водки, закусили. Опять выпили, и послѣ пятишести рюмокъ оживились и явилась тема для разговора.

— А вѣдь скверная штука, если заберется къ намъ холера,—заявилъ Сытноѣдовъ,—рѣшивъ, должно быть, что жизнь не совсѣмъ глупая штука, коль скоро можно пить водку и закусывать жаренымъ гусемъ.

Поговорили о холерѣ, о пріѣздѣ новаго ожидаемаго губернатора, о неизбѣжныхъ перемѣнахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны произойти въ ихъ „медвѣжьемъ углу“. Опять сошли на холеру, о средствахъ, необходимыхъ для борьбы съ нею, и, наконецъ, разговоръ остановился на Николаѣ Петровичѣ, недавно женившемся, который проводитъ свой медовый мѣсяцъ, не смотря на жару, весь укутанный фланелью, въ фуфайкахъ, въ тепломъ халатѣ, въ шерстяныхъ жениныхъ чулкахъ, который ничего не ѣстъ, кромѣ чашки бульона съ однимъ яйцомъ въ смятку и все время твердитъ себѣ, что онъ сдѣлалъ непростительную ошибку.

— Что съ вами, Николай Петровичъ, вы больны?— спрашиваютъ его участливо знакомые.

— Какое? развѣ вы не знаете?—отвѣчаетъ убитымъ голосомъ Николай Петровичъ, поднимая грустные глаза на вопрошающаго,—вѣдь я женился!...

Этотъ разсказъ, переданный съ извѣстнымъ юморомъ акцизнымъ, возбудилъ здоровый, дружный хохотъ и собесѣдники, подогрѣтые десяткомъ рюмокъ водки, принялись острить надъ несчастнымъ,—по ихъ мнѣнію,— молодымъ человѣкомъ, который вмѣсто того, чтобы пылать отъ жаркихъ объятій молодой и любящей его жены, зябнетъ какъ цыпленокъ, только что вылупившійся изъ яйца и неосторожно попавшій въ холодную воду, и, вмѣсто того, чтобы питаться бифштексомъ и ростбифомъ, сидитъ на какой-то невозможной діэтѣ,— пьетъ бульончикъ и, пожалуй, еще будетъ ждать здоровое потомство,—заключилъ Сытноѣдовъ—и этимъ тема была исчерпана.

Затѣмъ заговорили о свободномъ золотѣ и объ открытой его покупкѣ. Этой темы никакъ уже обойти нельзя было. Она затрогиваетъ много сторонъ нашей мѣстной жизни; однимъ даетъ пищу для тяжелыхъ размышленій, рисуя тревожныя, нежелательныя перспективы; другіе—въ восторгѣ отъ новаго закона и радостно, потирая руки, видятъ новые широкіе горизонты для своихъ цѣлей и вожделѣній. Хотя изъ трехъ нашихъ собесѣдниковъ ни одинъ серьезно не былъ за-

интересованъ въ этомъ вопросѣ, но это были маленькіе публицисты, а какъ таковые, не могли при такомъ исключительномъ случаѣ, какъ выпивка съ жаренымъ гусемъ, обойти этотъ вопросъ молчаніемъ и разойтись, не обсудивъ его, по крайней мѣрѣ, съ двухъ или трехъ сторонъ. А въ данномъ вопросѣ столько сторонъ, что сразу ихъ и не обхватишь.

Акцизный чиновникъ твердо держался того мнѣнія, что покупать золото открыто въ магазинѣ, безъ выкупа извѣстнаго промысловаго свидѣтельства, купецъ не можетъ. Сытноѣдовъ протестовалъ, но протестовалъ слабо, неувѣренно, какъ человѣкъ, не успѣвшій составить опредѣленнаго мнѣнія о данномъ вопросѣ.

— А вы какъ думаете относительно свободной купли золота?—обратился акцизный къ Гужову.

— А ну его!... въ хвостъ и въ гриву!—выпалилъ Михаилъ Михаиловичъ, махнувъ въ воздухѣ правой рукою, какъ будто желая отогнать назойливую муху, которая не давала ему покоя.

— Позвольте, какъ въ хвостъ и въ гриву?—привязался къ нему акцизный,—вѣдь вы, кажется, торговый депутатъ и вамъ слѣдуетъ серьезно обсудить этотъ вопросъ.

Михаилъ Михайловичъ поднялъ большіе, удивленные глаза и старался что-то припомнить.

— А вѣдь вѣрно, Михаилъ Михайловичъ, мы оба съ вами депутаты,—замѣтилъ Сытноѣдовъ.

— Да, депутаты... Что же изъ этого? А все-таки дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву... Провались они всѣ съ золотомъ. Я его не покупаю,—категорически заявилъ Гужовъ.

— Да не въ томъ дѣло, что вы не покупаете золота... Я его тоже не покупаю. Но мы можемъ сейчасъ накрыть кое-кого, хотя бы даже Титъ Титыча, и спросить его: „а гдѣ у тебя, милашка, свидѣтельство, имѣешь-ли ты право покупать золото—да еще въ магазинѣ“?

Мысль эта понравилась и единогласно было рѣшено отправиться на ревизію торговыхъ заведеній, тѣмъ болѣе, что почтенные депутаты чувствовали себя въ благо-

пріятномъ настроеніи для отнесенія служебныхъ обязанностей.

Солнце склонялось къ западу. Воздухъ сырѣлъ. На берегу у пристани толпился народъ, ожидая отбытія какого-то парохода. Одни хлопотали по дѣлу, а другіе, и при томъ большая часть, стояли праздно, не зная, повидимому, какъ убить время.

Наши депутаты успѣли уже обойти нѣсколько мелкихъ торговыхъ заведеній и были поражены бойкостью торговли, которая наблюдалась въ мелкихъ лавочкахъ. Въ то время, когда крупныя фирмы жалуются на упадокъ торговли и застой въ дѣлахъ, эти маленькія предпріятія, вчера только родившіяся, пріютившись въ скромныхъ, невзрачныхъ домахъ, похожихъ скорѣе на лачуги, съ безграмотными вывѣсками, торгуютъ бойко и ихъ жизнерадостный бодрый видъ краснорѣчиво говоритъ въ пользу ихъ способности жить, развиваться, расширять свои предпріятія, постепенно вытѣсняя крупную торговлю, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ставя ее въ затруднительное положеніе.

У магазина Титъ Титыча расположилась кучка рабочихъ русскихъ и китайцевъ. Они вышли изъ тайги съ золотомъ и выжидали время, когда товарищи ихъ сдадутъ купцу золото и дадутъ имъ возможность пробраться въ магазинъ, а затѣмъ въ контору, къ завѣтному столику. Титъ Титычъ былъ веселъ. Сегодня покупка шла особенно бойко. Пришедшій съ верховьевъ рѣки пароходъ привезъ много рабочихъ и они спѣшили сбыть съ рукъ привезенное золото.

Золото предлагалось небольшими количествами, что особенно выгодно было для покупателя; отъ частыхъ провѣсовъ къ вечеру получался значительный избытокъ, что сильно увеличивало прибыль.

— Торговые депутаты пришли,—доложилъ ему приказчикъ.

— Да, депутаты... такъ вотъ, паря, покажи имъ документы,—отвѣтилъ Титъ Титычъ, усиленно отдувая золото, такъ что значительные золотинки летѣли съ бумажки и незамѣтно исчезали въ сукнѣ стола.

Документы были завѣрены и депутаты, войдя въ кабинетъ, съ трудомъ протолкались къ завѣтному столу. Титъ Титычъ, привѣтливо улыбаясь, пригласилъ садиться,—но видя, что г.г. депутаты не садятся, а отъ нихъ вѣетъ холодной торжественностью, онъ всталъ,—и постепенно теряя самоувѣренность, сталъ вопросительно смотрѣть на вошедшихъ. Въ ушахъ его непріятно раздался сухой, металлическій голосъ чиновника.

Акцизный спрашивалъ, имѣетъ-ли онъ дозволеніе на покупку золота и, если имѣетъ, то просилъ его показать. Титъ Титычъ замялся, говорилъ о какомъ то законѣ, о которомъ онъ слышалъ. И, наконецъ, вспомнивъ, что у него есть письмо иркутскаго комиссіонера съ вырѣзками изъ „Правительственнаго Вѣстника", суетливо сталъ рыться въ конторскомъ столѣ, разбрасывая бумаги. Но письмо не попадалось. Руки его дрожали. Нехорошія, невеселыя мысли толпились въ его головѣ и, видимо, онъ растерялся.

Сытноѣдовъ молча наблюдалъ этого крупнаго милліонера, крѣпко державшаго въ своихъ рукахъ всѣ дѣла мѣстнаго золотого раіона и такъ глупо, такъ дѣтски растерявшагося при первомъ столкновеніи съ воображаемой властью закона, который, если-бы вздумалъ только порыться въ его прошломъ, могъ много надѣлать хлопотъ почетному коммерсанту. Да... онъ всегда боялся закона. Онъ всегда трепеталъ при звукѣ торжественнаго голоса должностныхъ лицъ и всегда въ такихъ случаяхъ почва изъ подъ его ногъ ускользала и онъ терялся, какъ теряется школьникъ, пойманный въ непозволительной шалости.

Онъ много прожилъ на своемъ вѣку, но не зналъ той великой истины, что сила и самоувѣренность человѣка должна покоиться на чистотѣ его помысловъ, на нравственной безупречности, но никакъ не въ его карманѣ, и что истинное достоинство и вѣрная оцѣнка собственной личности имѣетъ своимъ краеугольнымъ камнемъ внутренній міръ человѣка, который долженъ быть оберегаемъ въ той безупречной чистотѣ и невинности, какимъ онъ его получилъ изъ рукъ Все-

вышняго. Но умъ Сухожилова не обладалъ аналитической способностью и потому не могъ разобраться въ этомъ сложномъ вопросѣ. Силой онъ привыкъ считать „рубль“. Но при всемъ томъ ему знакомы были примѣры, когда этотъ „рубль“ неспособенъ былъ удержать человѣка на извѣстной высотѣ искусственно созданнаго положенія. И часто человѣкъ, опираясь исключительно на „рубль“, падалъ и такъ низко падалъ, что съ трудомъ можно было разглядѣть его, утонувшаго въ морѣ нравственнаго уродства, и тогда его внутренняя пустота обнаруживалась во всемъ ужасѣ оголенной, ничѣмъ не прикрытой, нищеты. Подобные примѣры смутно ему говорили, что въ силѣ „рубля“ есть что-то шаткое, ненадежное. И при каждомъ столкновеніи съ закономъ или его представителями, голосъ этотъ заставлялъ его теряться.

Наконецъ письмо было найдено и Сухожиловъ, дрожащей отъ волненія рукою, подалъ его чиновнику, который, бѣгло прочитавъ, поднялъ глаза, вопросительно смотря на Тита Титыча.

— У меня имѣются еще вырѣзки изъ „Правительственнаго Вѣстника“—заговорилъ Сухожиловъ, видя, что письмо не производитъ должнаго впечатлѣнія—и сталъ опять рыться въ столѣ.

— Оставьте, Титъ Титычъ! Для насъ это письмо и вырѣзки ваши не могутъ имѣть никакого значенія. Мы обязаны составить протоколъ.

При словѣ „протоколъ“ Сухожиловъ затрясся, лицо его исказилось и на немъ появился паническій ужасъ. Китайцы въ ожиданіи, когда у нихъ будутъ принимать золото, безсмысленно смотрѣли на всю эту сцену, не понимая въ чемъ дѣло. Кудряшъ и другой его товарищъ—тоже спиртоносъ, бывшіе въ кабинетѣ, стоя въ сторонѣ, у печки, наблюдали и въ глазахъ ихъ скользила лукавая, хитрая улыбка. Служащіе въ конторѣ притихли. Въ дверяхъ изъ магазина виднѣлись любопытныя лица приказчиковъ. Было тихо и въ этой тишинѣ ясно и непріятно слышался густой сапъ Сухожилова, который, не умѣя владѣть собою, пыхтѣлъ и

сопѣлъ, словно на него обрушилась каменная стѣна и онъ тщетно старался изъ подъ нее выбраться. Наконецъ, глаза его оживились и онъ, какъ будто что-то сообразивъ, заговорилъ быстро и несвязно.

— Да что же вы, господа?... пойдемте въ домъ... время закусить, выпить,—и тутъ-же, обращаясь къ мальчику, крикнулъ ему: скажи скорѣе, чтобы закуски, вина... пойдемте, Господа... что же вы?... пожалуйте...

Но депутаты не двигались съ мѣста.

— Спасибо, мы сыты, выпили и закусили хорошо и незачѣмъ намъ время терять,—сухо замѣтилъ Сытноѣдовъ. Господа, приступимъ къ протоколу.

На вопросъ депутатовъ, въ какомъ размѣрѣ можетъ выразиться операція съ золотомъ, Титъ Титычъ буркнулъ что-то непонятное. Хотя онъ раньше еще подсчиталъ, что если такъ пойдетъ дѣло, какъ оно началось, то годовой оборотъ свободно можно мѣрить ста пудами шлихового золота.

Наконецъ, протоколъ былъ законченъ—и депутація предложила Сухожилову написать свое заключеніе. Руки его тряслись; онъ ясно видѣлъ, что писать не въ силахъ. Но тутъ-же въ конторѣ, за отдѣльнымъ столомъ сидѣлъ Пьержоли, его довѣренный по дѣламъ, и Титъ Титычъ обратился къ депутатамъ, прося ихъ разрѣшить его довѣренному написать за него на протоколѣ что нужно.

— Что же, и милліонеру дозволяется быть безграмотнымъ,—зло замѣтилъ Сытноѣдовъ, желая до конца натѣшиться надъ растерявшимся купцомъ.—Но въ данномъ случаѣ—не знаю... какъ вы господа?.. вѣдь Титъ Титычъ грамотный...

Всѣ формальности были исполнены, протоколъ подписанъ и депутація торжественно удалилась съ полнымъ сознаніемъ важности событія, въ которомъ пришлось имъ играть первенствующую роль и которое дастъ богатую пищу для разныхъ толковъ и пересудовъ.

V.

Сентябрь былъ на исходѣ. Природа быстро мѣняла лѣтній нарядъ, чтобы забыться и уснуть на долгіе зимніе мѣсяцы,—и хотя погода стояла хорошая, но чувствовалось, что красные дни скоро прекратятся и наступитъ холодная, мокрая осень.

Вечерѣло. День былъ воскресный. На набережной Зеи особенное оживленіе. Два или три парохода готовились къ отходу на зимовку; „Петергофъ“ Сухожилова рѣзко выдѣлялся между ними гигантскими размѣрами, изящной отдѣлкой и красивыми мягкими линіями своего корпуса. Нижнее и верхнее помѣщенія буквально были залиты электрическимъ освѣщеніемъ.

Раздался густой, протяжный съ переливами гудокъ, оборвался... и еще два короткихъ свистка... публика зашевелилась.

— Такъ ты же смотри... осторожнѣе доведи, не поломай. Въ камняхъ смотри поосторожнѣе,—уговаривалъ Титъ Титычъ своего командира. — Да вотъ что еще, паря... зимнимъ ремонтомъ будешь завѣдывать, тебѣ довѣрю, что нужно пиши, прямо мнѣ пиши... да про Пыхтѣлова все что узнаешь пиши, не стѣсняйся; овесъ, хлѣбъ начнетъ покупать, сообщи какая цѣна будетъ въ то время. Нынче, братъ, на довѣренныхъ плохо полагаться, каждый изъ нихъ гнетъ въ свою пользу, и вѣдь не услѣдишь никакъ, тамъ пятачекъ, да въ другомъ мѣстѣ пятачекъ, а на сотню тысячъ пудовъ оно-то и много набѣгаетъ. Что-то ты съ нимъ, должно быть, не поладилъ

— А что?—спросилъ озадаченный командиръ Пыжиковъ.

— Про тебя пишетъ, будто лишнія дрова показываешь. Хи-хи-хи... и Титъ Титычъ лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ.

— Да что вы, Титъ Титычъ! да онъ самъ на каждомъ шагу плутуетъ, ужъ на что такая мелочь, какъ нагрузка, и то вдвое показываетъ.

— Да неужели?!.. ну, вотъ, посматривай да обо всемъ пиши. А про нашъ-то разговоръ ему ни слова... такъ между нами пусть останется. Ну, съ Богомъ, прощай!..

Разговоръ этотъ происходилъ у рубки. Командиръ подошелъ къ свистку и гудокъ протяжный, пронзительный опять раздался, покрывая обычный шумъ пассажировъ третьяго класса. Титъ Титычъ по сходнямъ пробирался на берегъ.

— Да, оно и лучше, когда служащіе не въ ладахъ живутъ,—думалъ онъ. Плохо приходится хозяину, когда они солидарны... ловко же я ввернулъ про дрова!.. словно кипяткомъ ошпарилъ. А вѣдь тоже плутуетъ, на всемъ плутуетъ,—никакъ вѣдь не изловишь!

Пыхтѣловъ, его довѣренный въ городѣ, ничего не писалъ про командира. Это былъ скромный, недалекаго ума человѣкъ, обремененный большой семьей, онъ дорожилъ мѣстомъ, на которомъ, конечно, можно было кое-что отложить про черный день, какъ это дѣлалъ его смышленный предшественникъ; но для этого нуженъ бойкій, оборотистый умъ, а этого-то именно и не хватало у Пыхтѣлова.

Титъ Титычь никакъ не могъ справиться со своимъ прежнимъ довѣреннымъ, ужъ больно онъ былъ смышленный, наконецъ, рѣшилъ съ нимъ разстаться—и выбралъ Пыхтѣлова за его недалекость:—„этотъ много не цапнетъ, не умѣетъ“.

Въ письмѣ къ довѣренному, посланномъ на „Петергофѣ“, Титъ Титычъ въ теплыхъ словахъ выражалъ свое довѣріе и просилъ его хорошенько присматривать за командиромъ, провѣрять каждую цифру отчета и написать обо всемъ, что покажется ему сомнительнымъ. „....ужъ больно плутоваты стали нынче командиры,—писалъ Титъ Титычъ, два—три года послужатъ на хорошемъ пароходѣ, смотришь и свой начинаютъ строить,

такъ ужъ вы, Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ, за Пыжиковымъ хорошенько присмотрите: дряньцо, должно быть, человѣкъ, на васъ вздумалъ было наговаривать, но я его съ перваго слова обрѣзалъ. Про письмо-то мое ни слова ему не говорите"... Пароходъ уже скрылся за кривуномъ, когда Титъ Титычъ направился къ дому.

Пароходъ „Зоя“.

I.

Былъ жаркій іюльскій день.

Мелкая, густая пыль словно туманъ стояла въ воздухѣ; сквозь нее раскаленное солнце казалось желтымъ неподвижно стоящимъ кругомъ. Жгло невыносимо.

Дышать было нечѣмъ. Измученныя извозчичьи лошади едва тащились, поднимая клубы пыли.

У почтовой пристани на берегу Амура и на самой пристани собралась кучка народа въ ожиданіи почтоваго парохода сверху. Ожидали его съ часу на часъ.

Наконецъ раздался свистокъ. Пристань качнуло волной. Послышалась команда—„отдай якорь"!—лязгъ цѣпи,—и пароходъ, грузно и мѣрно покачиваясь, привалилъ къ пристани. Поднялась обыкновенная въ этихъ случаяхъ сутолока. Съ парохода повалили пріѣзжіе.

Акакій Акакіевичъ Поросенковъ, сойдя на пристань, облегченно вздохнулъ, набожно перекрестился и вытирая катившійся градомъ потъ съ круглаго румянаго лица, обрамленнаго рыжеватой бородкой, сталъ медленно и внимательно осматриваться кругомъ себя, желая запечатлѣть въ своей памяти все творившееся около него,—какъ человѣкъ, который послѣ долгихъ и тяжелыхъ мытарствъ, добравшись съ трудомъ до конечной цѣли своего путешествія, старается сквозь туманную пелену неизвѣстности разгадать будущія условія жизни, которую намѣренъ здѣсь начать, среди незнакомыхъ ему людей.

Акакій Акакіевичъ совершилъ—по его мнѣнію—громадный подвигъ, оставивъ N-скую волость Арзамасскаго

уѣзда Нижегородской губерніи,—гдѣ онъ былъ помощникомъ волостного писаря, и, проѣхавъ всю Сибирь, добрался наконецъ до Благовѣщенска.

Вожделѣннымъ пунктомъ его стремленій, надеждъ и упованій былъ Зейскій складъ, или вѣрнѣе сказать раіонъ Зейскихъ золотыхъ пріисковъ, куда онъ пробирался.

Поросенковъ, живя въ N-ской волости, имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ Зейскимъ складомъ и многими пріисками изъ писемъ рабочихъ-односельчанъ, ушедшихъ въ далекій край изъ голодной стороны поискать счастія, понажиться и вернуться опять на родину, въ свое гнѣздо, гдѣ хотя и горько жилось, въ особенности послѣднее время, но все же среди своихъ близкихъ родныхъ.

А письма были радостныя, веселыя, завлекающія. Многіе изъ ушедшихъ, положимъ, не писали, о нихъ ходили смутные, сбивчивые слухи. Въ полученныхъ письмахъ говорилось о нихъ вскользь, неясно; упоминалось что-то о хищничествѣ, о спиртоношествѣ.—И составить понятіе о томъ, какъ жилось нѣкоторымъ на золотой землѣ, было невозможно. Но тѣ, которые писали, жили привольно, хорошо; деньги у нихъ копились, въ чемъ легко можно было убѣдиться изъ денежныхъ писемъ, получаемыхъ на имя отца, жены, брата или другого родственника. Больше всѣхъ вскружилъ голову Акакію Акакіевичу своими письмами Андрюха изъ запасныхъ солдатъ, вскорѣ послѣ солдатчины отправившійся на далекій Амуръ съ намѣреніемъ пробраться на пріиска и тамъ поработать.

Черезъ полгода Андрей писалъ супругѣ своей Акулинѣ Парамоновнѣ, что устроился онъ хорошо. „Посылаю низкій съ любовью поклонъ драгоцѣнной супругѣ моей Акулинѣ Парамоновнѣ и низкій поклонъ сыну моему Кузьмѣ Андреевичу и родительское благословленіе, на вѣки нерушимое. Живу я на Леоновскомъ пріискѣ сторожемъ при конторѣ, получаю 45 рублей въ мѣсяцъ и положеніе *), а также подарки отъ

*) Положеніе—мѣсячное содержаніе: 3 пуда хлѣба, 45 фунтовъ мяса и пр.

конторскихъ служащихъ за особыя услуги. Учусь переплетать книги и журналы, за переплетное мастерство будутъ мнѣ подносить особо. Свободное время лѣтомъ стараюсь на лоткѣ въ разрѣзѣ, намываю двѣ, а иногда и три штуки, за штуку подносятъ мнѣ въ конторѣ по два съ полтиной. Посылаю неоцѣненной супругѣ моей пятьдесятъ рублей"... Такъ писалъ Андрей Тимофеевичъ.

Акакій Акакіевичъ прочитывалъ эти письма роднымъ, писалъ за нихъ отвѣты и каждый разъ посылалъ въ письмахъ Андрею Тимофеевичу по низкому отъ себя поклону.

На исходѣ третьяго года Андрюха вернулся въ свою волость, въ N-ское село. Все село такъ и ахнуло!... На Андреѣ сѣрый „спинджакъ", плисовые шаровары, лакированные сапоги съ калошами, на головѣ касторовая шляпа, черезъ плечо сумка.

А главное, что всѣхъ удивило и дало тему для разговоровъ,—это тридцать радужныхъ новенькихъ бумажекъ, полученныхъ Андреемъ по ассигновкѣ пріисковаго управленія въ Москвѣ, въ главномъ правленіи компаніи.

Поросенкову немедленно доложили о приходѣ Андрея и о деньгахъ, принесенныхъ имъ. Онъ сгоралъ нетерпѣніемъ повидать его скорѣе—и разспросить обо всемъ. Поросенковъ смутно чувствовалъ, что разговоръ съ Андреемъ рѣшительно повліяетъ на всю его жизнь, оставитъ неизгладимый слѣдъ на его судьбѣ, заставитъ его рѣшиться на что-то важное, первостатейное.

Но сомолюбіе сдержало его и онъ рѣшился ждать, когда Андрей самъ лично явится къ нему и тогда, наединѣ, за самоваромъ онъ его разспроситъ толково и выслушаетъ внимательно.

Долго не пришлось ждать Акакію Акакіевичу,—на другой день передъ вечеромъ Андрей завернулъ въ волостное правленіе и пройдя комнату волостного присутствія, повернулъ налѣво въ дверь, гдѣ въ небольшой комнаткѣ помѣщался Акакій Акакіевичъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій завязалась дружеская бесѣда; Андрей разсказывалъ безсвязно, отрыв-

ками, что находилъ болѣе интереснымъ. Акакій Акакіевичъ не перебивалъ, но внимательно слушалъ и старался запомнить каждое слово, чтобы послѣ связать все въ одно цѣлое, полное, систематическое.

Когда Андрей ушелъ, Поросенковъ проводилъ его на улицу и долго слѣдилъ на порогѣ, устремивъ глаза въ звѣздное небо.

Придя къ себѣ, онъ, не раздѣваясь, бросился на постель и полусонный сталъ перебирать въ своей памяти все слышанное имъ отъ Андрея. И понемногу въ его воображеніи начала очерчиваться чудная страна, волшебный уголъ земли, гдѣ добывается главная сила, главный рычагъ всемірной машины; рычагъ, который заставляетъ все въ мірѣ вертѣться. Волшебная страна, гдѣ полной рукой можно черпать сырье, изъ котораго дѣлаются эти чудные, блестящіе кружки, имѣющіе такую волшебную, все сокрушающую, силу и такой чудный звукъ—звукъ, ни съ чѣмъ несравнимый.

— Туда! обязательно туда! Всѣми силами нужно стремиться туда!—Раздалось въ далекомъ уголкѣ его души,—и воображеніе унесло его въ недосягаемую высь.

Ему чудилось, что послѣ упорнаго, терпѣливаго труда, наконецъ то, онъ достигъ высоты въ мірѣ житейской суеты.

Онъ почувствовалъ, что онъ больше не помощникъ волостного писаря, а что-то особенное, что то совсѣмъ новое. Словомъ, какая-то сила, которой все подчиняется и все доступно.

Уносясь воображеніемъ все выше, онъ незамѣтно уснулъ. И снится ему, будто онъ въ обширномъ залѣ, на многолюдномъ собраніи участниковъ какого-то колоссальнаго коммерческаго предпріятія; на широкомъ удобномъ креслѣ, на мѣстѣ предсѣдателя, сидитъ на небольшомъ возвышеніи толстая, жирная свинья въ золоченномъ пенснэ на безобразномъ рылѣ, въ крахмальной бѣлоснѣжной сорочкѣ, въ бѣломъ атласномъ галстухѣ, въ бѣломъ жилетѣ; на немъ толстая массивная золотая цѣпь, концы которой прячутся за борта чернаго изъ тонкаго сукна фрака.

Акакій Акакіевичъ въ недоумѣніи повелъ глазами по рядамъ присутствующихъ, чинно сидящихъ за большимъ столомъ, и въ этой массѣ ему показалось нѣсколько знакомыхъ лицъ.

Второй, направо отъ предсѣдателя, важный сановникъ, котораго онъ видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда тотъ пріѣзжалъ ревизовать губернію.—Какой важный, строгій былъ у него тогда видъ, а сейчасъ? съ какимъ подобострастнымъ почтеніемъ смотритъ онъ въ глаза предсѣдателю—и даже свинной запахъ нисколько не смущаетъ этого щеголя-сановника.

Далѣе сидитъ знаменитый столичный адвокатъ-криминалистъ, онъ его тоже хорошо знаетъ. Доктора, нѣсколько земцевъ, инженеровъ... Всѣ они сидятъ въ полуоборотъ къ предсѣдателю и съ особымъ вниманіемъ ловятъ каждый звукъ, вылетающій изъ его устъ.

Акакій Акакіевичъ долго и съ любопытствомъ всматривался въ эту картину, наконецъ онъ понялъ! И подъ вліяніемъ этой ясности, въ душѣ его разлилось чувство блаженства и довольствія, такъ нечаянно постигнутой истины. Голова его закружилась,—онъ всталъ и во все горло заревѣлъ: ку-ку-ре-ку!!

Отъ собственнаго голоса Акакій Акакіевичъ проснулся. Весь этотъ и слѣдующій день онъ выглядѣлъ больнымъ, растеряннымъ, чего съ нимъ никогда не бывало раньше. Наконецъ, онъ рѣшилъ безповоротно ѣхать... и началъ собираться. Главныя хлопоты заключались въ собираніи денегъ, которыя были пущены имъ въ оборотъ подъ хорошіе проценты.

Наконецъ, все было кончено. Акакій Акакіевичъ записалъ съ разсказовъ Андрея цѣлую книжку именами, фамиліями и названіями лицъ и мѣстъ, съ которыми ему придется встрѣчаться,—и отправился въ дорогу. Не будемъ описывать его путешествіе отъ Нижняго до Благовѣщенска, а начнемъ наше повѣствованіе съ того момента, когда пароходъ, пыхтя и стуча, довезъ нашего героя до Благовѣщенской пристани.

Скажемъ нѣсколько словъ о прошломъ Акакія Акакіевича. Родителей своихъ Акакій Акакіевичъ не помнилъ,

—онъ помнилъ только дальняго родственника, мучного торговца въ Нижнемъ, у котораго росъ до 10-лѣтняго возраста.

Затѣмъ старикъ умеръ—и мальчугану пришлось искать себѣ угла и пропитанія. Онъ вскорѣ поступилъ на сплавную баржу и добрался на ней до Астрахани; тамъ нѣсколько мѣсяцевъ болтался безъ дѣла; затѣмъ попалъ разносчикомъ въ пароходскую контору; въ конторѣ прослужилъ недолго. Изъ конторы опредѣлился въ трактиръ низшаго разряда,—тамъ замѣченный въ кражѣ былъ избитъ и выгнанъ. Долго шлялся онъ безъ дѣла. Чѣмъ онъ существовалъ, чѣмъ питался и на что одѣвался—трудно сказать. Затѣмъ, проболтавшись такъ порядочное время, былъ взятъ рыбопромышленникомъ и съ рыбой ушелъ на баржѣ въ Нижній, гдѣ служилъ долгое время лакеемъ въ гостинницѣ. Послѣ какого-то казуса гостинницу долженъ былъ оставить. Видѣли его часто въ кабачкахъ и дешевыхъ трактирахъ въ качествѣ сочинителя прошеній по разнымъ дѣламъ. Замѣченный полиціей въ мелкихъ мошенничествахъ, онъ административно былъ высланъ изъ города подъ надзоръ земской полиціи.

На лонѣ природы его неугомонный духъ нѣсколько успокоился. Размышленія на досугѣ дали ему возможность заглянуть критически въ свое прошлое. Въ прошломъ было много серьезнаго, что оставило глубокій слѣдъ на его характерѣ. Прежде всего онъ выяснилъ себѣ, что главная сила въ жизни—это деньги. Дуракъ съ деньгами дѣлается умнымъ, мерзавецъ—честнымъ. Деньгамъ все покоряется и деньги всѣмъ управляютъ. За деньги все можно купить и все втоптать въ грязь.

Его прошлая жизнь, полная приключеній и богатая опытомъ, когда передъ его глазами промелькнули милліоны людей разныхъ сословій—разныхъ положеній,—убѣдила его, что деньги нажить можно только случаемъ, что скапливать изо дня въ день изъ небольшихъ сбереженій—много не скопишь. А нужно поджидать случая; нужно быть чуткимъ и внимательнымъ, чтобы не прозѣвать, когда явится этотъ случай. Можно подличать,

быть мерзавцемъ, только сильно не зарисковываться, чтобы не накликать законной отвѣтственности, а честнымъ, порядочнымъ всегда успѣешь быть.

Приведя свои мысли въ стройный порядокъ и создавъ изъ нихъ для себя что-то въ родѣ кодекса, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ остепениться, ухватиться за какую нибудь должность или службу—и высматривать, выжидать, заручаясь все большимъ вліяніемъ на среду, въ которой придется дѣйствовать.

Живя въ деревнѣ, онъ живо сообразилъ, что ему слѣдуетъ пристроиться къ волостному правленію. Онъ достаточно грамотенъ, машину эту онъ скоро изучитъ.

А забравъ въ свои руки всю волость въ качествѣ писаря, ему легко подвернется случай.

Наконецъ, онъ самъ тогда можетъ создать исключительную атмосферу, въ которой явится случай.

Задумано, сдѣлано.

Поросенковъ познакомился съ писаремъ, произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, понравился женѣ писаря и получилъ занятія въ волостномъ правленіи.

Богъ знаетъ до какихъ ступеней дошелъ бы нашъ Акакій Акакіевичъ, начавъ съ этого незамѣтнаго постика, но судьба распорядилась иначе.

Голодные годы выгоняли народъ изъ среднихъ губерній искать хлѣба на чужбинѣ и многіе изъ волости ушли на дальній Амуръ,—откуда стали писать домой. Неграмотный народъ носилъ читать письма Поросенкову; изъ нихъ-то Акакій Акакіевичъ узналъ о далекой землѣ, богатой золотомъ.

И хотя письма были безсодержательны, неполны: сообщаемыя свѣдѣнія отрывочны, но развитой умъ Акакія Акакіевича объяснилъ все вычитанное и создалъ себѣ картину дѣятельности, гдѣ энергія, находчивость, а подчасъ и неразборчивость въ средствахъ могутъ увѣнчаться крупнымъ успѣхомъ.

Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему, что найдетъ онъ случай. Акакій Акакіевичъ понемногу началъ останавливаться на этой мысли, соображать, взвѣшивать всякія за и противъ. Но рѣшающаго толчка

еще не являлось. Нужно было что нибудь рѣзкое, опредѣленное, что бы толкнуло его и заставило осуществить мечту.

Этимъ рѣшающимъ обстоятельствомъ былъ пріѣздъ Андрея, привезенныя имъ деньги и разсказы, сообщенные Андреемъ Поросенкову.

Впрочемъ, Поросенковъ долженъ былъ сознаться, что ясно представить себѣ будущность онъ не можетъ. Рабочимъ, конечно, онъ не будетъ. Служащимъ? Какимъ служащимъ?

Изъ словъ Андрея онъ зналъ, что тамъ есть горные служащіе и конторскіе, но что требуется отъ тѣхъ или другихъ,—онъ понятія не имѣлъ.

Но его чуткая душа что-то предугадывала, и какой-то внутренній голосъ ему твердилъ, что стоя близко къ источнику золота, къ этому великому міровому властелину—не можетъ быть, чтобы онъ ни съ чѣмъ ушелъ.

Акакій Акакіевичъ рѣшился; сборы его были непродолжительны. Деньги у него были. Треть онъ рѣшилъ проѣхать, а двѣ трети останется на первое время, чтобы осмотрѣться на мѣстѣ. По дорогѣ онъ чутко вслушивался въ разговоры, касающіеся пріисковъ или Амура, и пока добрался до Благовѣщенска, знаніе его значительно обогатилось слышаннымъ на пути.

Онъ сознавалъ всю важность успѣха, тотъ просторъ, который откроетъ онъ ему въ жизни, а потому рѣшилъ быть осторожнымъ, внимательнымъ, чтобы не попадать въ крупныя, неисправимыя ошибки. Таковъ былъ Акакій Акакіевичъ, прибывшій въ жаркій іюльскій день въ Благовѣщенскъ съ твердымъ намѣреніемъ составить себѣ карьеру, или нажить состояніе около золота.

II.

Поросенковъ, выѣхавъ изъ Нижняго и забираясь все глубже и глубже въ новую для него страну, началъ было опасаться за свою будущность, даже были моменты, когда на него находило раскаяніе въ поспѣшности и необдуманности принятаго рѣшенія.

Прошедшее его было очень грустно; много обидъ, много оскорбленій и униженій пришлось испытать ему въ молодые годы; и хотя должность помощника волостного писаря давала ему не Богъ вѣсть какое положеніе, но онъ былъ вполнѣ обезпеченъ, у него былъ свой уголъ,—вѣрный кусокъ хлѣба; постепенно вокругъ него организовался кругъ знакомыхъ, среди которыхъ онъ пользовался уваженіемъ—и хотя этотъ кругъ составляли крестьяне, но все же самолюбіе его было удовлетворено. Поддавшись неожиданному желанію обогатиться, или хотя-бы даже составить видную карьеру въ краѣ, о которомъ онъ зналъ только со словъ и писемъ безграмотныхъ людей,—онъ бросилъ все и, сломя голову, полетѣлъ за десять тысячъ верстъ, на далекій Амуръ, о которомъ не только онъ самъ, но даже большинство просвѣщенныхъ людей Россіи имѣли очень смутное понятіе.

Въ Нижнемъ онъ имѣлъ случай видѣть сборы чиновника по переселенческому дѣлу, который ѣхалъ на Амуръ, чтобы устроить и упорядочить бытъ и передвиженіе переселенцевъ; Акакій Акакіевичъ былъ удивленъ полнымъ невѣжествомъ этого господина относительно края, куда онъ собирался. Этотъ почтенный чиновникъ, на котораго возлагались большія надежды, разспрашивалъ встрѣчнаго и поперечнаго, есть-ли въ Благовѣщенскѣ столяръ, который могъ-бы сдѣлать простую кровать, столъ или табуретку; есть-ли тамъ лавки, гдѣ бы жена его могла пріобрѣсть утюгъ, ступку или кастрюлю; и наконецъ, послѣ долгихъ и тщетныхъ разспросовъ, ничего опредѣленнаго не узналъ, махнулъ рукой и рѣшилъ взять съ собою всю свою домашность включительно до ступокъ, утюговъ, кроватей и табуретокъ. Накупилъ массу бѣлья и платья,—такъ какъ изъ разспросовъ онъ заключилъ, что чиновники на Амурѣ ходятъ въ звѣриныхъ шкурахъ страннаго покроя, сшитыхъ звѣриными жилами.

Отправляясь изъ своей волости на Амуръ, Акакій Акакіевичъ былъ просвѣщеннѣе любого чиновника; Андрей Тимофеевичъ, вернувшись съ пріисковъ, сообщенными

ему свѣдѣніями выяснилъ настоящее положеніе дѣлъ на Амурѣ, и Акакій Акакіевичъ былъ увѣренъ, что въ звѣриныхъ шкурахъ ходить ему тамъ не придется.

Благовѣщенскъ произвелъ на него смѣшанное впечатлѣніе. Не устройство города поразило его своимъ примитивнымъ характеромъ, все какъ-то здѣсь перемѣшалось; изящество шло рука объ руку съ грязью и нечистоплотностью. Ловля собакъ желѣзными клещами, полусгнившіе вонючіе мясные ряды и тутъ-же роскошное зданіе въ стилѣ „ренессансъ“ съ вычурными арабесками, барельефами и художественными статуями, освѣщенное электричествомъ, представлялось ему чѣмъ-то волшебнымъ, фантастическимъ, не имѣющимъ, повидимому, ничего общаго съ жизненной правдой, а между тѣмъ—это была правда, непоколебимая правда.

Сгнившіе, грязные ряды торговцевъ на набережной переносили его въ вонючій еврейскій городъ, заброшенный въ захолустьи. Но стоило ему перевести глаза на роскошный дворецъ, въ которомъ ютился магазинъ „торговаго дома“—и ему казалось, что онъ на Тверской въ Москвѣ, или на Малой Морской въ Петербургѣ. Нѣтъ, это обманъ,—думалъ онъ, такого контраста и богатая фантазія не могла бы сама допустить, и чтобы провѣрить свое впечатлѣніе, онъ отправлялся въ лавки, и по отвратительному запаху разлагающагося мяса, по грязи, которую ощущалъ пальцами на прилавкахъ, онъ убѣждался, что это дѣйствительно лавки, запущенныя, грязныя, до которыхъ никому нѣтъ никакого дѣла. Затѣмъ онъ шелъ въ другую сторону, приближался къ зеркальнымъ окнамъ, за которыми красовались изысканные предметы роскоши, удобства и щегольства, — и ему не вѣрилось. Онъ гдѣ-то читалъ о фата-морганѣ и ему думалось, что онъ находится лицемъ къ лицу съ этимъ страннымъ атмосфернымъ явленіемъ, онъ щупалъ пальцами толстое стекло, и все его убѣждало, что это дѣйствительность, а не сонъ, не фантазія.

Онъ вошелъ въ магазинъ; тамъ все было на своемъ мѣстѣ, какъ должно быть въ богатомъ магазинѣ. Изысканные щеголеватые прикащики съ выраженіемъ застыв-

шаго чувства внутренняго самодовольствія, съ вьющимися кудрями и безъ кудрей, въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ галстукахъ, важно двигались по узорному каменному полу, точь въ точь какъ въ столичныхъ первоклассныхъ магазинахъ; на полкахъ въ шкапахъ, въ витринахъ виднѣлась масса роскошныхъ дорогихъ товаровъ; въ бакалейномъ отдѣленіи — дорогія вина, чудные пряники. Сравнивъ все это съ вонючими мясными лавками, съ грязными улицами, рѣшилъ, что въ этомъ удивительномъ городѣ заботятся больше о роскоши, изяществѣ, чѣмъ о здоровой свѣжей пищѣ и элементарныхъ удобствахъ обыденной жизни.

Странный уголокъ нашей обширной Россіи! Ну что-же? Можетъ быть такъ и слѣдуетъ, чтобы щеголихи мѣстнаго бомонда, разодѣвшись въ шелкъ и бархатъ-который привозится изъ-за далекихъ морей услужливыми торговцами, шлепались по колѣно въ грязи и наполняли свои нѣжные желудки мясомъ, зараженнымъ всякими микробами, обнюханное кошками, собаками и другими четвероногими.— А что дѣйствительно эти созданія питаются отвратительной, нездоровой пищей и дышутъ зараженнымъ воздухомъ, въ этомъ Акакій Акакіевичъ не сомнѣвался; общая блѣдность, худосочіе и худоба дамъ города Благовѣщенска при первомъ впечатлѣніи бросилась въ глаза Акакія Акакіевича, и онъ рѣшилъ, что причина жалкаго болѣзненнаго вида Благовѣщенскихъ женщинъ кроется въ этихъ полуразрушенныхъ мясныхъ лавкахъ, пропитанныхъ насквозь зловоніемъ, въ грязныхъ улицахъ, дворахъ и въ крайне негигіеничныхъ квартирахъ.

Уловивъ эту истину, Поросенковъ преисполнился страстнымъ желаніемъ открыть глаза обывателямъ; онъ даже почувствовалъ что то вродѣ вдохновенія, приливъ неудержимаго краснорѣчія, порывался бѣжать въ редакцію мѣстной газеты, чтобы ему было отведено приличное мѣсто на столбцахъ этого почтеннаго органа, гдѣ бы онъ могъ убѣдительными статьями остановить этихъ несчастныхъ, отравляющихъ себя всякою гнилью. Въ безсонныя ночи онъ составлялъ витіеватыя фразы для

будущихъ статей; но видя равнодушіе окружающихъ его людей, и имѣя случай разговориться на эту тему съ представителемъ города, который на его доводы махнулъ рукой и отвѣтилъ:

— Э, батенька! мы привыкли ко всей этой вони, намъ въ ней хорошо, она для насъ мила, удобна, а привычка великое дѣло!

Акакій Акакіевичъ тоже махнулъ рукой; — „да мнѣ какое дѣло? пусть они роются въ грязи хоть по самую шею! мнѣ то что?! я стремлюсь къ золоту, гдѣ думаю устроиться!“

— Эхъ, Акаша, Акаша! глупое же у тебя сердце и дурацкій умъ, упрекнулъ онъ себя,—тебѣ надо закрыться непроницаемой бронью, надо быть холоднымъ, какъ сталь; сердце твое должно биться исключительно для тебя лично, а ты разнюнился!

И онъ отправился на берегъ Амура, чтобы освѣжиться, —но не успѣлъ онъ подойти къ бульвару, какъ по носу его ударило, словно полѣномъ, отвратительнымъ запахомъ; онъ заткнулъ платкомъ носъ и ротъ и не зналъ въ какую сторону броситься, чтобы убѣжать отъ зловонія; въ это время онъ увидѣлъ разодѣтую миловидную дамочку, кокетливо ступающую подъ руку съ щеголемъ въ цилиндрѣ и пенснэ; и дама такъ ясно улыбалась, видимо, была такъ довольна собой, своимъ кавалеромъ и всѣмъ окружающимъ, какъ будто она ступала по душистымъ розамъ, упиваясь ихъ ароматомъ.

— Да, дѣйствительно, привычка!—подумалъ онъ,—и быстрыми шагами направился въ сторону отъ берега.

Провѣряя пережитыя Акакіемъ Акакіевичемъ впечатлѣнія, мы уклонились отъ нити нашего разсказа, но это было необходимо. Для насъ интересно, даже въ высшей степени поучительно прослѣдить впечатлѣнія свѣжаго, новаго человѣка, произведенныя обстановкой, средой и тѣми условіями, въ которыхъ мы живемъ. Странное, право, существо человѣкъ! онъ можетъ вѣка жить въ грубомъ невѣжествѣ, въ невылазной грязи, въ отвратительныхъ условіяхъ, не замѣчая того безобразія, среди котораго онъ валяется. Онъ самъ можетъ

распространять кругомъ себя растлѣвающее нравственное вліяніе, или самъ можетъ быть цѣлые года подъ этимъ вліяніемъ; кругомъ его разыгрываются раздирающія душу драмы, слышатся стоны, вопли, а онъ будто не видитъ и не слышитъ.

Но стоитъ только изобразить на картинѣ красками эту отталкивающую обстановку, поставить передъ его глазами—и онъ содрогнется, онъ будетъ спорить, что ничего подобнаго въ дѣйствительности быть не можетъ, что это фантазія, преувеличеніе, хотя картинка будетъ только блѣдной копіей жизненной правды. Такъ-же стоитъ болѣе или менѣе даровитому драматургу написать драму, позаимствовавъ сюжетъ изъ нашей обыденной жизни, обставить эту драму искусственной обстановкой, вложить слова въ уста талантливаго артиста,—и незамѣченная нами въ дѣйствительной жизни драма, разыгравшаяся на нашихъ глазахъ, не произведя своей правдой никакого впечатлѣнія,—на театральныхъ подмосткахъ, при искусной декораціи кажется намъ потрясающей,—и не рѣдко даетъ толчекъ для серьезныхъ размышленій.

Очень возможно, читатель, что тебѣ прійдется увидѣть свой портретъ въ настоящемъ разсказѣ; что же дѣлать? избѣжать этого никакъ нельзя! жизнь общественная слагается изъ частныхъ жизней Титъ Титовичей, Вездѣпоспѣловыхъ и другихъ членовъ общества. Каждый изъ насъ вноситъ въ эту общую жизнь что нибудь свое, личное, индивидуальное—и чѣмъ сильнѣе въ интеллектуальномъ смыслѣ личность, тѣмъ большее вліяніе она производитъ на окружающую ея среду.

Какъ бы ни была узка сфера дѣятельности каждаго изъ насъ, но никто не можетъ утверждать, что эта сфера ограничивается исключительной нашей личной жизнью. Гдѣ есть общество, тамъ есть связь невидимая, но внимательнымъ наблюденіемъ уловимая логическая цѣпь фактовъ, связывающая всѣхъ членовъ общества въ одно цѣлое и дѣятельность одного такъ или иначе отражается на другихъ.

Поэтому, задавшись цѣлью дать картину нашей мало извѣстной и крайне оригинальной жизни и условій ея

окружающихъ, я не могу избѣжать описанія тѣхъ оригинальныхъ типовъ, которые создала наша тайга и въ которыхъ могутъ быть узнаны ея дѣятели. Это неизбѣжное обстоятельство не должно быть принимаемо за желаніе со стороны автора затрогивать личности и ихъ личную, однихъ ихъ касающуюся, жизнь. Людей у насъ такъ немного, что нельзя избѣжать, чтобы кто нибудь изъ выводимыхъ мною персонажей не былъ похожъ на живущихъ и дѣйствующихъ у насъ людей. Да и какую цѣнность имѣлъ-бы мой разсказъ, если-бы никто изъ моихъ героевъ не былъ-бы похожъ въ томъ или иномъ отношеніи на живыхъ аборигеновъ нашихъ палестинъ.

III.

Время было предобѣденное и около закусочнаго стола моднаго французскаго ресторана „Самжени" собралась разношерстная публика: офицеръ, прикащикъ, пріѣзжій комми-вояжеръ, одинъ или два адвоката, актеръ; а въ сторонѣ за столикомъ, подъ группой пальмъ, окруженный прихлебателями, сидѣлъ мѣстный тузъ, милліонеръ-золотопромышленникъ. Онъ говорилъ и всѣ его слушали; онъ говорилъ очень характерно, почему-то подчеркивая отдѣльныя фразы, богато уснащая свою рѣчь междометіями и было ясно, что онъ любовался своимъ голосомъ. Не прерывая рѣчь, онъ по временамъ осматривалъ свою холеную полную руку, большой бриллiантъ, горѣвшій тысячью огнями на его мизинцѣ, и ему казалось, что эта рука—самая красивая рука въ мірѣ; а также самой красивой въ мірѣ казалась ему и нога его, обутая въ лакированный изящный башмакъ, которою онъ изрѣдка демонстративно помахивалъ.

— Чекъ!... позвалъ онъ проходившаго мимо лакея, —еще бутылку замороженнаго... чтобы въ иголочку и миндалю жаренаго...—и сдѣлавъ это распоряженіе, онъ продолжалъ прерванную рѣчь—да, господа, нечего читать!... опошлилась современная литература:—Чехова читать положительно невозможно: скучный, одно-

образный, тянетъ безъ конца какую-то сѣренькую канитель; нѣтъ, не хвалю его... Горькій описываетъ какихъ-то мерзавцевъ, оборванцевъ, безпросыпныхъ пьяницъ, которые въ жизни намъ давно уже надоѣли. Нѣтъ, господа, все это не то!... Писатель долженъ быть съ огонькомъ, долженъ подносить читателю блюда-съ, такъ сказать, подъ пикантнымъ соусомъ, да—съ!... прочтешь и у тебя сейчасъ воображеніе взыграетъ... знаете того-съ... юбочки, панталончики, стройныя, красивыя ножки, трепетныя груди и все такое прочее завертится въ умѣ... ну, и подавай значитъ Катю, Вѣрьку, Амальку и пр. Смотришь и время хорошо проведешь.

„Я тотъ, которому внимала ты!"—ворвался вдругъ черезъ открытую дверь изъ кабинета сочный и свѣжій еще баритонъ.

Поросенковъ сѣлъ за отдѣльный столикъ и велѣлъ подать себѣ обѣдъ.

Въ ресторанъ вошелъ господинъ, коротко остриженый; на его жирномъ, лоснящемся лицѣ покоилась полупрезрительная, полусальная улыбка,—и весь его костюмъ, отъ воротничка крахмальной сорочки включительно до башмаковъ на его ногахъ, имѣлъ сальный и грязный видъ. Въ особенности противны были его жирныя, большія руки съ толстыми пальцами, всегда грязныя, съ черными ногтями. Онъ фамильярно поздоровался со всѣми, выпилъ двѣ рюмки водки за буфетомъ,—и приказавъ подать московскую солянку, сѣлъ за столъ противъ Поросенкова.

Вошедшій былъ городской врачъ Дивичъ,—спеціалистъ по венерическимъ болѣзнямъ. За леченіе онъ имѣлъ обыкновеніе брать съ пріискателей золотомъ, съ прикащиковъ виномъ, съ женщинъ натурой. Если паціентъ могъ хорошо и долго платить, то Дивичъ обыкновенно затягивалъ леченіе, или растравлялъ болѣзнь, —и это продолжалось пока паціентъ не замѣчалъ намѣреній врача; тогда дѣло кончалось крупнымъ скандаломъ, включительно до мордобитія. Дивичъ завѣдывалъ домами терпимости и обиралъ ихъ немилосердно; создавалъ черную оспу на пароходахъ, составлялъ са-

нитарные протоколы и бралъ съ кого только могъ и чѣмъ попало. Въ семейной жизни Дивичъ былъ страшнымъ деспотомъ, хотя, собственно говоря, у него и семьи не было. Жену онъ выгналъ изъ дому за то, что она позволила себѣ оскорбить солдатку, съ которой открыто жилъ докторъ, а затѣмъ выгналъ и взрослую дочь, которая не захотѣла подчиниться отцовской любовницѣ.

— Вы—пріѣзжій, обратился почтенный эскулапъ къ Поросенкову,—тэкъ-съ... ну, и какъ вамъ городъ понравился?

Поросенковъ вкратцѣ передалъ то тяжелое, удручающее впечатлѣніе, какое произвелъ на него своимъ неустройствомъ городъ.

— Да-съ... такъ вы возмущены, вы негодуете. Но, позвольте васъ спросить: зачѣмъ вы пріѣхали на нашъ далекій Амуръ? Неужели васъ толкнуло желаніе двинуть этотъ край и поработать на пользу его благоустройства? Да на кой чортъ намъ его благоустройство? Развѣ нѣтъ вамъ благоустроенныхъ мѣстъ на земномъ шарѣ, гдѣ вы, я и другіе могли бы прекрасно пожить, пользуясь всѣми благами цивилизаціи? Конечно, есть! Но, для того, чтобы устроиться въ такихъ уютныхъ уголкахъ, гдѣ вы могли бы кататься, какъ сыръ въ маслѣ, нужны средства, нужны деньги, которыя тамъ, въ уютныхъ-то уголкахъ, не такъ легко наживаются, какъ здѣсь, въ дикомъ и неустроенномъ краѣ. И вотъ мы всѣ сюда и стремимся, чтобы набить свои карманы. А набивши—убраться по добру по здорову, оставивъ мѣсто другимъ. Вѣдь нашъ городъ, да и весь Амуръ —это что-то вродѣ большого вокзала, гдѣ вы видите все новыя и новыя лица,—гдѣ каждый бережетъ свой чемоданъ, но въ то же время зорко слѣдитъ за чужимъ, чтобы во-время и ловко его подтибрить изъ рукъ зазѣвавшагося пассажира. Я не говорю въ прямомъ смыслѣ этого слова. Теперь чужіе чемоданы можно подтибривать вполнѣ дозволительными и всѣми разрѣшенными способами,—было бы только красиво и хорошо, а главное умно и современно и тогда безусловно всѣ васъ

похвалятъ. Вы всмотритесь хорошенько въ лица окружающихъ васъ людей. Я увѣренъ, что ни на одномъ вы не подмѣтите ни одной мысли гуманнаго общественнаго характера. Напротивъ, всѣхъ снѣдаетъ жажда скорѣйшаго обогащенія. Именно жажда „подтибрить", нажиться какимъ бы то ни было способомъ и убраться туда, гдѣ растутъ апельсины, гдѣ вы можете жить въ полное свое удовольствіе. Конечно, эта черта свойственна всѣмъ народамъ и всѣмъ людямъ, но здѣсь она проявляется въ большей степени, потому что здѣсь человѣкъ стоитъ ближе къ источнику возможнаго и скорѣйшаго обогащенія. Во всѣхъ другихъ городахъ нашей обширной Россіи, напр., докторъ представляетъ изъ себя только лишь доктора, онъ только и занятъ своей спеціальностью, своими паціентами, а здѣсь онъ непремѣнно золотопромышленникъ; а спеціальность—это такъ себѣ, что-то второстепенное, такъ сказать, форма, внѣшній мундиръ. Адвокатъ и въ то же время золотопромышленникъ. Возьмите любую профессію: учитель, сапожникъ, портной, колбасникъ—золотопромышленность всегда и у всякаго на первомъ планѣ. И каждый не глупый человѣкъ, съ успѣхомъ подвизаясь на избранномъ имъ поприщѣ, въ тоже время старается всѣми силами попасть въ золотопромышленники. Ну, зачѣмъ, скажите, хлопотать о какихъ-то общественныхъ вопросахъ, когда эти хлопоты только отвлекаютъ отъ прямой и положительной цѣли? Конечно, мы тоже собираемся обсуждать разнаго рода матеріи общественнаго свойства и даже какъ будто серьезно споримъ и отстаиваемъ наши мнѣнія. Но не вѣрьте, Акакій Акакіевичъ, въ нашу серьезность. Это мы такъ, въ „шутку", такъ сказать, повинность отбываемъ, или же, какъ маленькія дѣти, играемъ въ общественность, подражая болѣе взрослымъ, болѣе развитымъ нашимъ братьямъ. Да какъ же не въ „шутку"! Вѣдь всѣ эти вопросы цѣлыми годами стоятъ открытыми, не смотря на наши въ высшей степени серьезныя засѣданія, на которыя мы собираемся по нѣсколько разъ въ году, чтобы трактовать о разныхъ общественныхъ вопро-

сахъ. А если какой нибудь вопросъ и проскочитъ въ дѣйствительную жизнь, то въ такой уродливой формѣ, что лучше бы мы его и не разрѣшали. Самимъ даже совѣстно дѣлается, глядя на плодъ нашихъ потугъ на почвѣ общественности.—„Какъ-же это такъ?"—спрашиваемъ себя въ недоумѣніи,—„вѣдь мы это кажется „въ шутку", а оно вышло въ серьезъ! Вотъ, право, оказія! Нѣтъ, надо быть осторожнѣе!" Конечно, мы по своему достаточно культурны, нельзя сказать, чтобы мы не понимали необходимости общественной работы, чтобы мы лишены были смекалки,—на этотъ счетъ общепризнано, что русскій человѣкъ одаренъ большой сметкой на всѣ, какъ говорится, руки. Но....

Здѣсь рѣчь Дивича была внезапно прервана невыразимымъ шумомъ, раздавшимся вдругъ за запертой дверью кабинета, изъ котораго не такъ давно раздавалась партія Демона. Слышался бой посуды, стеколъ, зеркалъ, ревъ голосовъ. Въ ресторанѣ всѣ повскакали и, въ ожиданіи чего-то ужаснаго, впились глазами въ роковую дверь. Наконецъ дверь съ шумомъ открылась, половинки ея съ трескомъ ударились о стѣны и въ нее вылетѣлъ, брошенный кѣмъ-то со страшной силой, господинъ плотный, здоровый, одѣтый весьма прилично, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ. Его свѣтлая лѣтняя пара была изорвана. За первымъ такимъ-же порядкомъ вылетѣлъ второй и третій. На пути своемъ они опрокидывали столы, посуда падала, ломалась. За послѣднимъ господиномъ въ дверяхъ показалась мощная фигура мѣстнаго булочника Сафонина. Его широкія плечи вздрагивали, ноздри раздулись, глаза налились кровью и отъ всей его крѣпкой фигуры вѣяло страшной, сокрушающей силой. Онъ былъ безъ сюртука и стоялъ молча, тяжело дыша, оперевъ засученныя руки въ колоды дверей. И своимъ ростомъ и этой позой онъ страшно напоминалъ Самсона въ храмѣ въ моментъ, когда тотъ пробуетъ свою силу, уперевъ руки въ колонны. Илюзія была до того полная, что всѣмъ сдѣлалось страшно за цѣлость стѣнъ и потолка, въ томъ случаѣ, если-бы Сафонину пришла въ голову дикая фантазія распрямить руки, надавивъ ими колоды.

Три потерпѣвшихъ господина искоса взглянули на своего обидчика и молча поплелись въ другой кабинетъ, чтобы привести себя въ порядокъ.

— Вотъ вамъ картинка для иллюстраціи мѣстныхъ нравовъ, а можетъ быть даже для иллюстраціи нашего разговора,—замѣтилъ Дивичъ, — здѣсь безусловно дѣло идетъ о чужомъ чемоданѣ. Судя по составу дѣйствующихъ лицъ, нельзя предположить другого повода. Эти три господина, вылетѣвшіе въ дверь, давно уже хлопочутъ, чтобы завести свои чемоданы, или слямзить чужіе; но до сего времени это имъ никакъ не удается. Ба, ба, ба!... ну, теперь все понятно!... видите за спиной этого геркулеса красное лицо господина: это и есть кость раздора. Пивоваръ, панъ Застрѣльскій—онъ пять лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ единственныхъ старыхъ штанахъ и кривыхъ, поношенныхъ сапогахъ, а на дняхъ продалъ мѣстному купцу Сукину пивоваренный заводъ за сто тысячь руб. на наличныя. По немъ-то теперь и палятъ, какъ по глухарю, разные охотники до чужихъ чемодановъ. Ну, простите, Акакій Акакіевичъ, не могу, чтобы не разузнать все до тонкости, — и Дивичъ удалился.

Поросенковъ вышелъ на улицу. Было жарко, пыльно; его потянуло въ общественный садъ, который зеленѣлъ по ту сторону улицы, противъ ресторана, суля ему отдыхъ и прохладу.

IV.

Если тебѣ, обыватель, надоѣстъ городская сутулока, лѣтняя невыносимая пыль и жара города Благовѣщенска, если ты педагогъ и можешь пользоваться каникулярнымъ временемъ; если ты чиновникъ—располагающій правомъ получить двухмѣсячный отпускъ; или ты, можетъ быть, путешественникъ и любопытство занесло тебя на берега далекаго Амура, — то рекомендую прокатиться вверхъ по Зеѣ, въ раіонъ пріисковъ, гдѣ встрѣтятъ тебя любезно, радушно и гдѣ ты увидишь много интереснаго.

Только совѣтую выбрать время хорошей воды.

Горе тебѣ, если ты попадешь въ мелководіе. Тогда на всю жизнь въ твоей памяти запечатлѣется цѣлый рядъ перекатовъ: Умликанъ, Поперечный, Шилка, Плевна... запомнишь очертаніе острова „Купца“, гдѣ зловѣщіе камни заградятъ тебѣ путь и заставятъ тоскливо проводить дни въ ожиданіи подъема воды.

Но прежде всего совѣтую помѣститься на пароходъ „Зоя“. Пароходъ этотъ имѣетъ много преимуществъ передъ другими.

На немъ ты найдешь удобства, до какихъ только могли додуматься амурскіе и зейскіе пароходчики.

Разумѣется, на американскихъ пароходахъ по Миссисипи не въ примѣръ удобнѣе; но вѣдь я говорю объ Амурѣ, а не объ Америкѣ. Америка уже сказала свое послѣднее слово, тогда какъ Амуръ пока думаетъ: сказать-ли ему первое слово—или еще сто годковъ пообождать, а до послѣдняго ему страшно далеко. Развѣ только твоимъ внучатамъ придется его услышать! И то едва ли, сомнѣваюсь!

Кромѣ удобствъ, ты встрѣтишь на „Зоѣ“ идеальную предупредительность, любезность, прекрасный столъ; тебя будутъ кормить, какъ говорится, „на убой“. Утромъ чай съ пирожками, затѣмъ завтракъ, обѣдъ, легкая закуска, ужинъ, чай. Но кромѣ этой программы въ антрактахъ ты можешь потребовать, что тебѣ угодно,—и твое требованіе немедленно исполнится. И какъ исполнится? Оно исполнится такъ любезно, съ такой предупредительностью и вниманіемъ, что ты буквально будешь озадаченъ.

Ты начнешь думать, что все, что кругомъ тебя дѣлается,—все это дѣлается исключительно для тебя, что ты центръ всего. Тебѣ понемножку начнетъ казаться, что даже пароходъ существуетъ для тебя лично, что колесо его хлопотливо вертится для тебя, что машина пыхтитъ и стучитъ для тебя.

— Да иначе и быть не можетъ,— рѣшишь ты,—все это исключительно для меня.

А такое сознаніе чего нибудь да стоитъ!... Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и ни при какихъ условіяхъ ты его не

испытаешь. Напротивъ, вездѣ и всегда ты будешь чувствовать, что ты лишній, никому ненужный человѣкъ. Мало того, тебѣ вездѣ даютъ понять, что всѣмъ ты надоѣлъ и отъ тебя хотятъ отвязаться. — Зовешь-ли ты извощика — онъ подаетъ тебѣ нехотя. Заходишь-ли въ магазинъ, спрашиваешь хорошихъ сигаръ — тебѣ подаютъ японскую кофту. Несешь телеграмму, торопишься, —тебя заставляютъ ждать цѣлый часъ, наконецъ берутъ нехотя, съ полнымъ пренебреженіемъ къ твоей персонѣ; нужно тебѣ поговорить по телефону съ твоимъ докторомъ—тебя непремѣнно соединятъ съ тюрьмой или частнымъ приставомъ I части.

И такимъ образомъ, среди испытываемаго всюду пренебреженія къ своей личности, ты самъ начинаешь себя сознавать ни къ чему и ни на что ненужнымъ и негоднымъ!...

На пароходѣ „Зоя“ ты чувствуешь къ себѣ вниманіе, уваженіе къ твоей личности, и невольно ты самъ преисполняешься сознаніемъ, что имѣешь какую то цѣнность, что-то изъ себя представляешь.

Найти этотъ пароходъ среди другихъ очень легко; онъ обыкновенно стоитъ выше мола, противъ Графской улицы. Если ты близорукъ и не можешь разобрать надпись, состоящую изъ трехъ черныхъ буквъ: „Зоя“, то узнаешь его по слѣдующей примѣтѣ: труба его дымится, онъ третьи сутки собирается уйти—и все уйти не можетъ. Нагрузился онъ „по уши“, больше уже некуда грузить, но на берегу у парохода еще цѣлая груда всякаго груза: ящики, бочки, тюки, кули и цѣлая толпа пассажировъ третьяго класса. Они сидятъ на своемъ скарбѣ и ждутъ сигнала, по которому могутъ занять мѣста на пароходѣ. Они третьи сутки сидятъ, терпѣливо ждутъ и ни малѣйшаго ропота!...

На пароходѣ давка, классныхъ пассажировъ полно, преимущественно мелкіе золопромышленники зейской системы, или ихъ служащіе, нѣкоторые съ семьями. Командиръ стоитъ у рубки, склонившись къ периламъ и что-то соображаетъ.—Нѣтъ, онъ не уйдетъ, не взявши этотъ грузъ! — Наконецъ, онъ круто поворачивается,

идетъ въ каюту, зоветъ помощника, велитъ подтянуть баржу. Онъ рѣшилъ помѣстить этотъ грузъ на баржу и съ нею идти.

Начинается возня—подтягиваютъ баржу. Ты идешь на пароходъ заручиться мѣстомъ; командиръ съ улыбкой отказываетъ. Онъ ссылается на отсутствіе мѣстъ, но въ тоже время соображаетъ: куда-бы тебя помѣстить? Наконецъ сообразилъ и нехотя соглашается, но проситъ извинить, если ты будешь испытывать неудобства.

Пароходъ его обладаетъ удивительнымъ свойствомъ: на немъ, по надобности, прибавляются каюты. Для этого предусмотрительно приспособлены брезенты, имѣются запасныя кровати и въ 15 минутъ каюта устраивается (на палубѣ!).

На пароходѣ все было готово къ отходу. Команда хлопотала около лебедки, очищала мѣсто для якорной цѣпи,—убирались сходни. Кочегаръ энергично подшуровывалъ, поглядывая на монометръ, на которомъ стрѣлка тихо поднималась, приближаясь къ красной чертѣ, гдѣ должна была основиться. Командиръ похаживалъ у рубки, отдавая отрывочныя приказанія.

Акакій Акакіевичъ стоялъ на верхней палубѣ у класснаго помѣщенія и короткими фразами перекидывался съ провожавшими его земляками, которыхъ онъ встрѣтилъ вскорѣ по пріѣздѣ въ городъ.

Всего мѣсяцъ прожилъ Акакій Акакіевичъ въ городѣ, но этотъ мѣсяцъ употребилъ онъ съ пользой.

Лѣто подходило къ концу, приближалась осень, а въ это время мелкіе золопромышленники десятками пріѣзжаютъ въ городъ реализировать золото и сдѣлать необходимыя на зиму закупки. Такимъ образомъ, Поросенковъ успѣлъ познакомиться съ многими, а съ двумя —тремя онъ даже сблизился. Изъ такихъ близкихъ двое ѣхали на этомъ же пароходѣ: Вездѣпоспѣловъ Степанъ Владиміровичъ, замѣтно горбатый, въ большой шляпѣ и крылаткѣ, и Иванъ Ивановичъ Незѣвайкинъ, низенькій, полный мужчина неопредѣленныхъ лѣтъ, изъ запасныхъ писарей.

Вездѣпоспѣловъ произвелъ на Поросенкова сильное впечатлѣніе богатыми пріисками, которыми онъ владѣлъ, по его словамъ. Одна гора, въ которой, по его предположенію, лежали сотни пудовъ золота, и для извлеченія котораго онъ купилъ въ Америкѣ чудовищныя машины, должна была впослѣдствіи страшно его обогатить; а крупные коммерческіе обороты, которые онъ ведетъ по всей тайгѣ! Впослѣдствіи Поросенковъ узналъ, что Вездѣпоспѣловъ нахальный хвастунъ и враль, но въ первые дни знакомства онъ съ уваженіемъ относился къ этому маститому представителю мелкой золотопромышленности,—и часто, слушая его разсказы объ удачныхъ спекуляціяхъ въ золотомъ дѣлѣ, давалъ себѣ слово въ душѣ, что онъ будетъ дѣйствовать именно такъ, какъ дѣйствуетъ Степанъ Владиміровичъ.

Конечно, скромный вслѣдствіе невѣденія Поросенковъ далекъ былъ отъ мысли, что въ недалекомъ будущемъ онъ перещеголяетъ Вездѣпоспѣлова, Незѣвайкина и другихъ художниковъ золотого дѣла.

Прибывъ въ городъ, Поросенковъ прежде всего долженъ былъ рѣшить вопросъ: остаться ли ему въ городѣ или ѣхать въ раіонъ пріисковъ.

Положеніе комиссіонеровъ крупныхъ золотопромышленныхъ компаній его соблазняло. Покупка хлѣба, овса, покупка скота и разныхъ товаровъ по магазинамъ для пріисковыхъ компаній на сотни тысячъ рублей—былъ вкусно начиненный пирогъ, около котораго можно было поживиться. И Поросенковъ, какъ неглупый малый, скоро разузналъ, какимъ способомъ извлекалась начинка въ свою собственную тарелку. Но добраться до этого тепленькаго мѣстечка, которое давало возможность жить открыто, кататься на дорогихъ лошадяхъ, а главное опериваться въ перушки личнаго благосостоянія, не представлялось такой легкой задачей. Приходилось, какъ узналъ Поросенковъ, пройти длинную дорожку всевозможныхъ мытарствъ, начавъ съ маленькаго служащаго въ пріисковой конторѣ и подниматься все выше и выше, угождая всѣмъ по очереди, стоящимъ на сту-

пенькахъ лѣстницы пріисковой администраціи,—чтобы въ удачный моментъ сдѣлаться подручнымъ комиссіонера. Да и въ этой роли приходилось ждать долгое время, пока глава комиссіонерства не возмечтаетъ сдѣлаться уполномоченнымъ всего дѣла, или другимъ способомъ откроется желательная вакансія.

При томъ-же и внѣшность играла въ этихъ случаяхъ немаловажную роль: умѣніе понравиться женамъ заправилъ дѣла.

А внѣшность Акакія Акакіевича немножко подгуляла. Менѣе чѣмъ средняго роста, съ жирнымъ лоснящимся лицомъ, на которомъ рѣдкіе усы и такая же рыжая бородка дѣлали его самымъ зауряднымъ смертнымъ, незамѣтнымъ и терявшимся въ толпѣ.

А при томъ-же дѣла крупныхъ компаній начинали пошатываться: одна рѣшилась продать или хотя-бы отдать въ аренду свою роскошную, выстроенную съ барскими затѣями, резиденцію—а комиссіонера пристроить въ болѣе скромное помѣщеніе; у другой на очереди сталъ вопросъ совсѣмъ упразднить комиссіонерство и произвести серьезныя экономическія реформы; третья какъ-то сама собой упразднилась.

Нѣтъ, ему не въ компаніяхъ начинать карьеру, которыя, повидимому, разлагаются!

Гуляя какъ-то по набережной, онъ услышалъ, что его зовутъ по имени, оглянулся и увидѣлъ приближающагося Васю Курносова, котораго онъ зналъ на Волгѣ рулевымъ на баржѣ, на которой плылъ онъ самъ изъ Нижняго въ Астрахань.

Разговоръ между ними начался быстрыми перекрестными вопросами, изъ которыхъ Поросенковъ узналъ, что Курносовъ служитъ баржевымъ старостой въ пароходномъ обществѣ „Не плачу долговъ“. Курносовъ посвятилъ Поросенкова за бутылкой пива въ своей каютѣ во всѣ свои мытарства со времени отъѣзда съ Волги и узнавъ, что Акакій Акакіевичъ ѣдетъ на Зейскій складъ, предложилъ ему рыбу въ бочкахъ лѣтняго засола, которую онъ провезъ изъ Николаевска контрабандой, т. е. не платя за провозъ, благодаря особымъ от-

ношеніямъ командира парохода къ его молодой миловидной супругѣ.

Поросенковъ согласился, сошлись цѣной—и рыба въ тотъ-же день была нагружена на пароходъ „Зоя“—и это обстоятельство ускорило выѣздъ Акакія Акакіевича изъ города.

Вечерѣло. Сходни были убраны. Лоцманъ и нѣсколько матросовъ стояли на носу парохода, въ ожиданіи команды: „выхаживай якорь“. Паровая лебедка застучала, толстая цѣпь натянулась и пароходъ началъ двигаться.

Якорь выхоженъ. Концы отданы. Пароходъ, описывая кривую линію, началъ тихо поворачиваться—и выбравшись на фарватеръ, мѣрно покачиваясь отъ произведеннаго имъ же волненія, пошелъ полнымъ ходомъ.

Набережныя постройки, одна за другой, начали мелькать передъ глазами пассажировъ. А вотъ и старая городская бойня, грязная, похилившаяся на бокъ, тоскливо поглядывала на веселый пароходъ, выжидая своей кончины, заброшенная и забытая всѣми.

Пароходъ повернулъ влѣво, затѣмъ круто вправо, приближаясь къ устью Зеи; тутъ онъ на мѣстѣ, остопоривъ ходъ, опять повернулъ влѣво и тихо началъ подвигаться вверхъ по Зеѣ. Толкнулся въ банку, подался назадъ; опять вправо—и такъ лавируя, отыскивая вѣчно мѣнявшійся фарватеръ, наконецъ прошелъ злополучный баръ и самонадѣянно полнымъ ходомъ направился впередъ, унося Вездѣпоспѣлова, Незѣвайкина и другихъ, съ ихъ надеждами, хлопотами и заботами, жаждущихъ скорой наживы, а въ томъ числѣ и нашего Акакія Акакіевича, стремящагося найти благопріятный случай и обогатиться „около золота“.

V.

Пройдя зейскій баръ, „Зоя“ пошла впередъ, не ожидая, повидимому, никакихъ препятствій, но командиръ, опытный глазъ котораго, останавливаясь на разныхъ примѣтахъ, незамѣтныхъ для постороннихъ, пришелъ къ тому заключенію, что пески ему не пройти ночью и по-

тому рѣшилъ остановиться въ двадцати верстахъ отъ города — и только завтра съ разсвѣтомъ двинуться дальше.

Въ каютъ-компаніи, обширной и удобной, на двухъ столахъ накрывали къ ужину. Большинство пассажировъ разошлось по своимъ каютамъ размѣстить покупки ввидѣ коробокъ, узелковъ и другого ручного багажа. Полная, добродушная Марія Никитишна—мать командирша наблюдала за прислугой: китайцемъ Михаиломъ и миловидной горничной Дуней, суетившимися около столовъ. Но это не мѣшало ей слѣдить за пассажирами, угадывать ихъ затрудненія и во время приходить имъ на выручку.

— Марія Васильевна, вы о чемъ хлопочите? обратилась она къ высокой худощавой дамѣ, проходившей съ озабоченнымъ видомъ по каютѣ.

— Коля приученъ у меня пить теплое кипяченое молоко на ночь, а сегодня тѣмъ болѣе ему это нужно, — онъ простылъ, спать хочетъ и начинаетъ капризничать. Я совсѣмъ упустила это изъ виду и не запасла молока на дорогу.

— Не безпокойтесь, Марія Васильевна, молоко есть, Дунѣ приказано скипятить, и оно уже готово. Дуня! неси молоко въ каюту.

Марія Никитишна была одинаково внимательна ко всѣмъ пассажирамъ, не смотря на ихъ общественное, матеріальное и другое положеніе. Она знала, что всѣмъ требуется удобное помѣщеніе, всѣ подчинены необходимости поѣсть и попить во время, у каждаго есть свои, лично пріобрѣтенныя, привычки и вкусы, которые необходимо удовлетворить по мѣрѣ наличныхъ условій. Большинство пассажировъ были ей хорошо знакомы: многіе не ѣздили на другихъ пароходахъ кромѣ „Зои“ и часто просиживали цѣлыя недѣли на Зейскомъ складѣ, или въ городѣ, ожидая „Зою“, чтобы на ней помѣститься.

Кромѣ привиллегированныхъ классныхъ пассажировъ „Зоя“ принимала сотни палубныхъ, и въ этой массѣ Марія Никитишна всегда умѣла найти нѣсколько человѣкъ, которымъ нужна была ея опека и заботливость.

Пройдя по палубѣ среди разныхъ котомокъ и узловъ, на которыхъ обыкновенно располагались палубные пассажиры, Марія Никитишна, внимательно разсматривая разновидную толпу, находила одну—двѣ женщины съ ребятишками, или старика изнуреннаго болѣзнью, — и прислуга тотчасъ же получала приказаніе оставлять отъ стола супъ, жаркое, чтобы накормить намѣченныхъ ею людей. Но чаще всего этихъ намѣченныхъ было такъ много, что приходилось выдавать особую провизію и для нихъ готовить особо. И все это дѣлалось такъ просто и непосредственно, какъ будто исполнялись ея неуклонныя обязанности. Все хозяйство на пароходѣ лежало на ея плечахъ.

Въ тоже время Марія Никитишна была незамѣнимой комиссіонершей для женъ золотопромышленниковъ.

— Марія Никитишна, пожалуйста, свѣжихъ яицъ привезите изъ города, немного—ну хотя три—четыре сотни. Вѣрите-ли?—нигдѣ здѣсь нельзя достать. На Бамбукахъ у К. всегда есть яйца, такъ, — подумайте только — по гривеннику яйцо продаетъ!

— Капусты мнѣ шинкованной, Марія Никитишна, вотъ такой же, какую въ прошломъ году вы привозили. Ахъ, какая капуста! давно мы ее съѣли, а все забыть не можемъ. Огурцовъ хотя боченокъ.

— Арбузы поспѣютъ къ вашему приходу въ городъ. Бутьте добренькія, Марія Никитишна, полсотни арбузовъ! „Мой“ страшно любитъ соленые арбузы: знаете, по молокански приготовленные.

— Марія Никитишна, полдюжины сосокъ купите для моего Миши, — обращается къ ней молодая счастливая мать съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, — Мишутка страшно ихъ рветъ, просто запастись не могу. У него, знаете, зубы прорѣзались. Какъ-же! прорѣзались. Вотъ уже двѣ недѣли, и какіе острые! Вчера, представьте, кормлю его а онъ меня зубами какъ схватитъ! Сердце зашлось, чуть было не уронила.—Тутъ она поворачиваетъ своего пышнаго, краснощекаго мальчугана и показываетъ Марьѣ Никитишнѣ его острые, двухнедѣльные зубы.

Къ отходу парохода у Маріи Никитишны полонъ регистръ всякихъ порученій. Огурцы, капуста, соски, яйца, ботинки, чулки и пр., словомъ—„полсвѣта“ всякихъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ закупается ею въ городѣ и везется по назначенію на пріиски.

Лука Федоровичъ Акимовъ, такъ звали командира „Зои“, былъ полный контрастъ Маріи Никитишнѣ. Низкаго роста, сухощавый, подвижной, съ быстрымъ взглядомъ, умными, веселыми глазами, онъ отличался радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Долгіе годы, проведенные имъ на рѣкѣ въ качествѣ командира, выработали находичивость, рѣшительность и быструю сообразительность.

Попавъ въ мелководіе, что часто случалось по Зеѣ, онъ долго не сдавался; его подвижная натура не могла смириться съ покоемъ, въ который ставило его мелководіе, и при полной невозможности пройти мелкій перекатъ, онъ все таки былъ упрямъ: завозилъ концы,— концы лопались, заряжалъ стрѣлы, — стрѣлы ломались, и когда всѣ снасти были перепорчены, принимался за отгрузку парохода. Въ это время, какъ нарочно, вода поднималась и грузъ обратно погружался на пароходъ; во время мелководія, когда команды другихъ пароходовъ отдыхали, у него усиленно работали и они самъ не давалъ себѣ покоя и отдыха.

Для мелкихъ золотопромышленниковъ онъ былъ истиннымъ кладомъ. Не будь Луки Федоровича, многіе изъ нихъ должны были бы прекратить свои дѣла, или вѣрнѣе сказать вовсе ихъ не начинать. Акимовъ нанималъ имъ рабочихъ, покупалъ товары и припасы для пріисковъ и доставлялъ на своемъ пароходѣ. Для нуждающихся устраивалъ кредиты, бралъ ссуды подъ золото, въ крайнихъ случаяхъ расплачивался своими деньгами, — и терпѣливо ждалъ, пока кліентъ въ состояніи будетъ расчитаться съ нимъ. За всѣ эти комиссіи и порученія онъ не бралъ никакого вознагражденія; но за то его „Зоя“ никогда не нуждалась въ грузѣ, и въ то время, когда другой пароходъ искалъ себѣ работы, „Зоя“ всегда была обезпечена. Условія перевозки всегда были одинаковы, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда меко-

водіе принуждало ходить съ половиннымъ грузомъ, онъ поднималъ провозную плату въ равныхъ размѣрахъ, не возбуждая упрековъ со стороны своихъ кліентовъ.

Положеніе дѣла каждаго изъ его кліентовъ ему было извѣстно. Въ каждую данную минуту онъ прекрасно зналъ, кому нужно было мясо, кому мука, или овесъ. Не рѣдко случалось, что доставивъ грузъ на Зейскій складъ, Акимовъ нанималъ вощиковъ, самъ ихъ расчитывалъ и привезенный имъ грузъ доставлялся золотопромышленнику на пріискъ. Исторія развитія мелкой золотопромышленности въ зейской системѣ тѣсно связана съ дѣятельностью парохода „Зоя“.

Для Титъ Титыча Лука Федоровичъ былъ серьезнымъ конкурентомъ. Много крови онъ ему испортилъ. И долго думалъ Титъ Титычъ, какія мѣры принять, чтобы выжить Акимова съ рѣки Зеи. Наконецъ рѣшилъ завести свои пароходы, но пароходное дѣло для него было ново —и опасаясь потерять въ немъ, Титъ Титычъ привлекъ въ свое пароходство нѣсколько человѣкъ участниковъ, выбравъ конечно для себя полезныхъ: уполномоченнаго крупной компаніи, комиссіонера той же компаніи и опытнаго, хотя изъ молодыхъ, командира.

Дѣло пошло хорошо, компаніоны усиленно работали на пользу дѣла; участникъ — комиссіонеръ даже въ ущербъ компанейскимъ пароходамъ снабжалъ пароходы Титъ Титыча грузами. Дивиденды получались хорошіе. Но Титъ Титычу не по сердцу было, что дивиденды приходилось дѣлить на нѣсколько участниковъ. И какъ ни хитро комбинировалъ онъ навигаціонные отчеты, а все таки изрядную сумму приходилось выдѣлять на сторону.

А у Титъ Титыча аппетитъ былъ волчій, карманы обширные и въ нихъ свободно могли исчезнуть не только дивиденды отъ его двухъ пароходовъ, но даже вся прибыль, получаемая отъ всѣхъ пріисковъ зейской системы. Зачѣмъ же ему компанія?

— И чортъ же меня сунулъ пригласить въ вѣрное и прибыльное дѣло участниковъ!—негодовалъ про себя Титъ Титычъ. Первое время онъ задался мыслью выку-

рить своихъ компаніоновъ, но послѣ тщательныхъ усилій долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ особенности не давался ему Юсъ — командиръ. Тогда онъ рѣшилъ продать свои пароходы и завести свой собственный, не прибѣгая уже къ компаніямъ; такимъ образомъ у него явился „Петергофъ", пароходъ колоссальныхъ размѣровъ, которымъ онъ надѣялся задавить если и не всю мелкую зейскую флотилію, то покрайней мѣрѣ значительную часть ея. Но вышло то, чего Титъ Титычъ совсѣмъ не предвидѣлъ: пароходъ его оказался не по рѣкѣ, и въ то время, когда мелкіе пароходы весело ходили, оживляя Зею, „Петергофъ", новенькій какъ съ иголки, съ электрическимъ освѣщеніемъ, забравшись между двухъ перекатовъ и не имѣя возможности ни вверхъ, ни внизъ идти, стоялъ неподвижно, наводя тоску на окружающую мѣстность.

— Господа,—обратился къ присутствующимъ Вездѣпоспѣловъ,—честь имѣю представить нашего будущаго товарища, Акакія Акакіевича Поросенкова. Ѣдетъ къ намъ съ намѣреніемъ заняться золотопромышленностью, человѣкъ коммерческій, предпріимчивый,—рыбу везетъ на первый случай. А вѣдь вы, батенька, сейчасъ можете съ рыбой раздѣлаться! Вотъ вамъ Антипъ Георгіевичъ Здравомысловъ, золотопромышленникъ — арендаторъ. Знаю, знаю... рыбки то у васъ мало, Антипъ Георгіевичъ! а китайцевъ до трехъ сотъ человѣкъ, поди, на пріискѣ будетъ.

Антипъ Георгіевичъ лѣниво повернулъ голову въ сторону Вездѣпоспѣлова, и сверхъ золотыхъ очковъ взглянулъ на Поросенкова.

— Н-да... рыбы дѣйствительно мало, въ городѣ пока привоза не было, такъ вотъ, видите-ли, можно купить. А у васъ какая рыба? копченая или лѣтняя—соленая? Копченая, видите-ли, нужнѣе—вьюкомъ прійдется везти, хотя и лѣтняя тоже требуется. Садитесь, Акакій Акакіевичъ, потолкуемъ.

Антипъ Георгіевичъ, человѣкъ положительный, считающій себя персоной съ вѣсомъ, долгое время служилъ въ N-ской золотопромышленной компаніи, гдѣ онъ боль-

шею частью сверлилъ горы буромъ Войслова, разыскивая рудное золото. Скважинъ насверлилъ онъ много за свою службу, но руднаго золота не могъ найти. Надо полагать, его не было въ этихъ горахъ, а то-бы какъ не найти! Назначенный становымъ, онъ почувствовалъ себя не на мѣстѣ, но крѣпился, надѣясь, что и на его долю въ этомъ мірѣ должна полагаться часть удачи, а когда пріискъ подработался, взялъ участокъ въ разрѣзѣ на золотники. Жутко было первое время безъ поддержки и безъ собственныхъ средствъ. Къ Титъ Титычу обратиться онъ не дерзалъ, прекрасно сознавая, что тотъ свысока на него взглянетъ и кредита ему не откроетъ, — ужъ очень маленькой величиной онъ былъ въ то время.

Но Антипъ Георгіевичъ не унывалъ. Тогда еще было доброе старое время: обѣ компаніи пока еще процвѣтали, и Антипъ Георгіевичъ повелъ тонкую политику съ заправилами обоихъ дѣлъ. Не роняя своего достоинства, онъ умѣлъ себя такъ выгодно поставить въ ихъ глазахъ, что тѣ сами навязывались съ разными мелкими услугами, и Антипъ Георгіевичъ, у кого муки занявъ во время, у кого мясо, повелъ дѣло довольно удачно. А тутъ и Титъ Титычъ обратилъ на него вниманіе.

— Что же это ты, Антипъ Георгіевичъ, со мной знаться не хочешь! Бычковъ тебѣ надо? Есть и бычки, пошлю съ удовольствіемъ; пароходы, видишь-ли ты, задумалъ строить, давай выписку—все завезу тебѣ на операцію.

— А цѣны какія будутъ, Титъ Титычъ? а то вѣдь, видите-ли, какъ-бы въ неоплатный долгъ не залѣзть,— тутъ онъ закатилъ глаза къ небу, — эта гримаса ему почему-то очень нравилась и онъ ее часто продѣлывалъ.

— Вотъ чудакъ-то! выдумалъ про цѣны спрашивать. Вѣдь берешь-же припасы въ компаніяхъ! Они тебѣ какъ подсчитываютъ? Знаю,—по таксѣ подносятъ. А у меня какая же такса? дешевле куплю, дешевле и продамъ; да что тамъ говорить—сочтемся. Все у тебя во время за то будетъ. Тебѣ сколько-же? тысячъ на тридцать поди требуется на операцію. Какъ ни считай, а меньше тридцати никакъ не обойдешься. Пасховскій

пріискъ тоже вѣдь взялъ въ аренду.—Знаю, тамъ-то у тебя дѣльце ладное будетъ. А только изъ однихъ рукъ брать прійдется, оно и дешевле, да и удобнѣе будетъ. Сейчасъ ты мнѣ документикъ по предъявленію на всю сумму выдай, а я тебѣ все въ лучшемъ видѣ представлю; а тамъ по золоту считаться будемъ. Ассигновки рабочимъ тоже на меня пиши, пусть у меня получаютъ.

Антипъ Георгіевичъ смутно сознавалъ, что закабалитъ онъ себя на нѣсколько лѣтъ и прійдется ему на Титъ Титыча работать, но выхода другого не было, новая аренда требовала крупной заготовки. Пришлось выдать документъ и положиться на Титову совѣсть; а совѣсть у коммерсантовъ какая-то особенная; говорятъ, они ее аршинами отмѣриваютъ: кому по вершкамъ, а кому по четверти отпускаютъ, глядя по покупателю.

Послѣ сдѣлки съ Титъ Титычемъ, у Антипа Георгіевича работа пошла; амбары на пріискѣ полны, въ деньгахъ тоже нужды особенной не видится. Только въ товарѣ по временамъ обнаруживается какое-то неблагополучіе: то рыба съ душкомъ, то ситцы подмочены, мука затхлая. Задумался было Антипъ Георгіевичъ и написалъ вѣжливое, осторожное письмо Титъ Титычу.

— И чудакъ же ты Антипъ Георгіевичъ, заговорилъ съ нимъ при случаѣ Титъ Титычъ,—рыбу съ душкомъ да затхлую муку не ты же станешь ѣсть, а ситцы не жена твоя носить будетъ! Для тебя лично я боченокъ пупковъ да икры свѣжей запасъ, мука для тебя отложена одесская, четырехъ нолевая; завтра съ транспортомъ отправлю. Зайди въ магазинъ—свѣжіе товары пришли; да ты бы лучше жену на пристань послалъ, она бы тутъ все себѣ и выбрала; а ужо выбрать есть съ чего; подборъ нынѣ у меня хорошій! Сосѣди-то мои, все вѣдь заваль да гниль сюда прудятъ, чего сбыть въ городѣ не могутъ, а я вѣдь весь тутъ, здѣшній, вашъ, для васъ только хлопочу. Посмотри, нынѣ зимой бухгалтерша какъ щегольнетъ,—у меня взяла; а твоя чѣмъ хуже, свое вѣдь дѣло имѣешь, не по службамъ таскаешься...

Покровительствуемый Титъ Титычемъ, Антипъ Георгіевичъ нѣсколько лѣтъ велъ дѣло, и хотя бухгалтеръ

онъ былъ плохой, но получая счета Титъ Титыча, видѣлъ что дѣло не совсѣмъ благополучно обстоитъ. Долго онъ ихъ разобрать не могъ, а затѣмъ въ дрожь его отъ нихъ бросило, жарко сдѣлалось, наконецъ голова кругомъ пошла. Ужъ очень много статей въ нихъ было, въ особенности комиссіонныхъ. За оплату ассигновокъ —комиссія, за расчетъ возчикамъ—комиссія, и все комиссія; а тутъ пошли какіе то проценты, провизіонныя за дисконтъ, экстраординарные расходы. Совсѣмъ непонятныя вещи! хоть бухгалтера нанимай, чтобы разобраться. Конторщикъ усиленно старался объяснить ему всѣ эти мудрыя названія, но Антипъ Георгіевичъ ясно понималъ, что не въ названіяхъ тутъ дѣло. По сданному Титъ Титычу на комиссію золоту деньги должны быть за нимъ, а тутъ все долгъ стоитъ съ цифрой въ четыре нуля; а золото все значится на комиссіи, даже съ прошлой операціи; а документы аккуратно замѣняются.

Антипъ Георгіевичъ затосковалъ, какая то мерехлюндія на него навалилась,—ни спать, ни ѣсть онъ не можетъ, женѣ невпопадъ отвѣчаетъ. Да такъ бы онъ кажется съ этой мерехлюндіей весь свой вѣкъ долженъ былъ-бы проходить,—къ счастью жена у него была бойкая баба. Марія Васильевна сейчасъ смѣтила отчего загрустилъ ея старикъ. Угадавъ причину, она стала не на шутку его пилить; а кому неизвѣстно, какъ эти воздушныя созданія пилятъ! На голову Титъ Титыча посыпались нареканія. Антипъ Георгіевичъ вышелъ изъ терпѣнія и, собравшись съ духомъ, порвалъ съ своимъ благодѣтелемъ всякія отношенія. Титъ Титычъ смирился. Онъ сообразилъ, что кліента ему не удержать въ прежнихъ рамкахъ, ужъ сильно онъ окрѣпъ за это время. И хотя расчеты по старымъ сдѣлкамъ и до сего времени еще между ними не закончены, но отношенія остались приличныя. Антипъ Георгіевичъ съ сего времени ведетъ свои дѣла самостоятельно, не нуждаясь въ чужомъ покровительствѣ.—На Пасковскомъ пріискѣ живетъ онъ какъ зажиточный помѣщикъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ главной дороги, но къ нему заѣзжаютъ

съ удовольствіемъ, встрѣчая радушіе и гостепріимство со стороны хлѣбосольныхъ хозяевъ.

Была полночь. На „Зоѣ“ все погрузилось въ глубокій сонъ. Пароходъ словно отдыхалъ въ полночной тишинѣ, запасаясь силами для завтрашняго дня, колесо его неподвижно стояло, только вода, переливаясь гдѣ-то внизу подъ бортомъ, журча, нарушала общую тишину.

Вахтенный—устроившись на кругу толстаго каната, дремалъ, по временамъ нервно срываясь, обводя окружающее сонными глазами и опять погружался въ дремотное состояніе.

VI.

На „Зоѣ“ все было спокойно; все отдыхало въ глубокомъ снѣ. Вахтенный—молодой парень, по прежнему, дремалъ, срываясь по временамъ и обводя заспанными глазами окружающіе его предметы. Онъ только сейчасъ видѣлъ во снѣ свою родную деревню, привольно раскинувшуюся по берегу матушки Волги.

Уборка сѣна... Обширные, ровные, сухіе луга усѣяны народомъ. Все молодежь. Какое веселье, сколько молодого задора! Мѣстами слышится пѣсня. А сколько проказъ, сколько шалостей на этой работѣ! Вотъ Митюха тихонько подкрался къ его сестренкѣ, толстой Парашѣ, схватилъ ее въ охапку, да и бацъ ее со всего маху въ копну свѣжаго душистаго сѣна, только голыя пятки вверху засверкали, юбки широко раздулись по вѣтру. Парни и дѣвки съ хохотомъ бросились, да такъ обоихъ и закидали сѣномъ; возня поднялась невообразимая: валятъ другъ друга въ одну кучу.

Не работа, а забава, пра! И онъ потянулся, вздохнулъ, глубоко вздохнулъ; этотъ вздохъ часто выдавалъ его тяжелую безсознательную тоску по лугамъ, по полямъ привольнымъ, гдѣ онъ росъ, гдѣ каждый кустъ, каждое деревцо ему было знакомо, близко, родное, словно одной душой онъ жилъ съ этой родной, знакомой ему природой.

И для чего онъ бросилъ эти милыя его сердцу мѣста? Золото потянуло! думалъ около золота счастье найти!

Чтобъ имъ пусто было,—этимъ писарямъ, которые расписываютъ большіе заработки и хорошую жизнь на Амурѣ!

Онъ уже пять лѣтъ на Амурѣ,—и за эти пять лѣтъ ни одного такого радостнаго яснаго денька, какіе онъ помнитъ на своей родинѣ. Онъ и здѣсь былъ на сѣнокосахъ, съ маньчжурами пришлось ему косить; а съ маньчжуромъ не поиграешь, какъ Митюха съ его Парашей, даромъ что и онъ съ косой.

Вода журчитъ около борта, словно о чемъ-то говоритъ. Онъ опять засыпаетъ.

Акакію Акакіевичу не спалось. Рядомъ, за тонкой переборкой, въ сосѣдней каютѣ раздавалось мощное храпѣніе; то казалось, будто нѣсколько кузнечныхъ мѣховъ сразу работали, извергая массу вѣтра; то вдругъ густые хриплые звуки обрывались и вмѣсто нихъ вылеталъ свистъ протяжный, пронзительный съ причудливыми переливами; а то все замолкало и Акакію Акакіевичу казалось, что сосѣдъ его задохся. И тогда онъ напрягалъ свой слухъ, до боли напрягалъ, чтобы уловить какой нибудь звукъ и разсѣять свое сомнѣніе. Но въ моментъ полной тишины, когда Поросенковъ, затаивъ дыханіе, весь ушелъ въ слухъ, совсѣмъ неожиданно раздавалось храпѣніе съ такой силой, такъ близко отъ него, что онъ вскакивалъ испуганный, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ и въ темнотѣ бродилъ глазами, ожидая появленія чудовища, которое могло бы издавать такіе дикіе звуки.

— Отвяжитесь, а то закричу на весь пароходъ! Вы что это, съума сошли!... Не троньте, а то... и тутъ раздалась звонкая пощечина.

Этотъ странный монологъ съ заключительнымъ актомъ былъ произнесенъ у дверей его каюты. Поросенковъ открылъ тихонько дверь, ему показалась фигура Дуни, убѣгающей въ одномъ бѣльѣ, и вскорѣ, согнувшись вдвое, тихо прошелъ Вездѣпоспѣловъ.

Поросенковъ наскоро одѣлся и съ разгоряченной головой вышелъ на палубу. Свѣжій ночной воздухъ нѣсколько успокоилъ его растроенные нервы; онъ сѣлъ на скамейку.

Востокъ начиналъ алѣть. Легкіе порывы утреняго вѣтерка начинали шевелить воздухъ; въ кустахъ на берегу проснулись птички, раздались ихъ звучные голоса, вблизи парохода съ шумомъ пролетѣла стая утокъ и шлепнулась на воду неподалеку. Природа пробуждалась. День начинался.

Акакій Акакіевичъ окончательно успокоился.

Вотъ уже близка цѣль его далекаго путешествія, и по временамъ онъ испытывалъ внутреннее волненіе. Какъ ему тамъ повезетъ? Все вѣдь отъ случая зависитъ!

„Золотое дѣло — это стосъ, ландскнехтъ", слышалъ онъ мнѣніе нѣкоторыхъ. Но въ картахъ онъ ровно ничего не смыслилъ. Онъ зналъ, положимъ, что есть пріемы, которые обезпечиваютъ вѣрный выигрышъ — и помнилъ одинъ случай съ семеркой, имѣвшій мѣсто въ гостинницѣ, гдѣ онъ служилъ, которая страннымъ образомъ для Поросенкова измѣнилась въ шестерку. Инцидентъ этотъ завершился крупнымъ скандаломъ, дошло до свѣдѣнія высшаго начальства. Кто подсунулъ въ колоду удивительную семерку, осталось невыясненнымъ; даже для Акакія Акакіевича этотъ вопросъ остался неразрѣшеннымъ, несмотря на то, что онъ все время находился вблизи игроковъ съ салфеткой подъ мышкой.

Нѣтъ, карты ему были противны, онъ даже питалъ къ нимъ полное отвращеніе.

На счастіе онъ никогда не полагался; счастіе—удѣлъ дураковъ, эту философію онъ извлекъ изъ собственной жизни.

А вотъ Титъ Титычъ, онъ вѣдь не счастьемъ составилъ себѣ милліонное состояніе. А вѣдь интересно познакомиться съ его біографіей? Въ высшей степени интересно шагъ за шагомъ прослѣдить трудовую дорожку Титъ Титыча. Вотъ гдѣ много поучительнаго можно извлечь! Цѣлая наука!

Онъ обязательно этимъ займется. Первымъ дѣломъ онъ постарается сойтись съ Титъ Титычемъ. Онъ зналъ за собой способность снискивать расположеніе нужныхъ ему людей, — и до сего времени ему везло въ этихъ случаяхъ.

Кое-какія свѣдѣнія о Титъ Титычѣ онъ уже собралъ; Вездѣпоспѣловъ между прочимъ сообщилъ ему, что супруга Титъ Титыча—дочь воспитанника декабристовъ; и это обстоятельство подняло въ его умѣ цѣлую массу вопросовъ отвлеченнаго характера. Онъ положительно не могъ постичь, какимъ образомъ идеи жены могли ужиться съ прямолинейнымъ направленіемъ Титъ Титыча. Но Акакій Акакіевичъ скоро успокоился на этотъ счетъ; онъ неоднократно имѣлъ случай въ жизни убѣдиться, какъ самыя возвышенныя идеи и принципы въ порошокъ стираются подъ всесильнымъ молотомъ житейской практичности и холоднаго, трезваго разсчета; тѣмъ болѣе, если этотъ молотъ въ рукахъ такого мощнаго атлета, какъ Титъ Титычъ. И много-ли труда требуется, чтобы вышибить изъ женской головы все не нужное?

Первымъ долгомъ жену нужно откормить, какъ іоркширскую чушку, чтобы всѣ мозговыя ячейки и психомоторные центры, гдѣ гнѣздятся совсѣмъ лишнія, ненужныя и даже вредныя, по мнѣнію Титъ Титыча, идеи, залились жиромъ; затѣмъ устроить ей мягкую, широкую постель, чтобы она тамъ нѣжилась до обѣда; остальное предоставить теченію времени, которое, какъ увѣряютъ врачи—только не шарлатаны,— все излѣчиваетъ и все исцѣляетъ.

— Вахтенный! -раздался голосъ командира.

Вахтенный, разбуженный неожиданнымъ крикомъ, вскочилъ, подался на шагъ впередъ, запнулся за что-то ногой и полетѣлъ въ открытый люкъ внизъ головой и уже тамъ, со дна трюма, словно изъ подъ земли, послышалось его „есть“.

— Ты гдѣ это, мерзавецъ? спать въ трюмъ отправился! да это что съ тобой?—спросилъ онъ вахтеннаго, увидѣвъ разбитый носъ, изъ котораго алой струей сочилась свѣжая кровь.

— Обмойся холодной водой, подлецъ! буди боцмана, машиниста! сниматься будемъ!

На пароходѣ постепенно все оживало; жизнь входила въ свои обычныя права.

Акакій Акакіевичъ невольно увлекся усиливающимся вокругъ него движеніемъ и не замѣтилъ, какъ къ нему подошелъ Вездѣпоспѣловъ.

— Здравствуйте Акакій Акакіевичъ! рано же вы встаете,—это по нашему, по пріисковому. Они пожали руки.

Поросенковъ искося взглянулъ на Вездѣпоспѣлова и замѣтилъ на лѣвой щекѣ подъ глазомъ свѣжую царапину.

— „Она его значитъ съ правой руки угостила"—шевельнулось въ умѣ Поросенкова;—и ему ясно вспомнился ночной инцидентъ въ корридорѣ, у двери его каюты. Поросенковъ хотѣлъ было подшутить надъ злосчастнымъ донъ-жуаномъ, но сообразивъ, что тотъ можетъ обидѣться, воздержался. Зачѣмъ себѣ врага создавать? часто пустячныя, незначительныя обстоятельства обостряютъ отношенія безъ всякой надобности. Надо быть осторожнымъ.

— Плохо я спалъ, Степанъ Владиміровичъ; сосѣдъ до того храпѣлъ, что не далъ мнѣ уснуть ни минуты. А вы не знаете кто помѣщается рядомъ съ моей каютой?

— Какъ не знаю! Нашъ братъ золотопромышленникъ, Семенъ Михайловичъ Тартюковъ. Раньше онъ довѣреннымъ ходилъ въ поисковыхъ партіяхъ отъ N—ской компаніи, много лѣтъ ходилъ, много мѣстъ извѣдалъ и много десятковъ тысячъ извелъ; но золота кажется очень мало нашелъ. По всей нашей тайгѣ найдете вы солидныя линіи шурфовъ его развѣдки. Эти шурфы долгое время сбивали съ толку насъ, мелкихъ золотопромышленниковъ. Кому же могло прійти въ голову, искать золото въ площади, которую внизу и вверху развѣдалъ Тартюковъ. Но съ того времени, какъ Пудъ Пудычу вздумалось попробовать четверти выбитыхъ Тартюковымъ шурфовъ десять лѣтъ тому назадъ и онъ нашелъ въ нихъ богатое золото, на развѣдки Семена Михайловича не обращаютъ теперь никакого вниманія и около его линіи бьютъ свои. Сейчасъ онъ арендуетъ пріискъ въ верховьяхъ Зеи и везетъ нѣсколько сотъ

китайцевъ на „Зоѣ“. Да вы развѣ съ нимъ незнакомы? Сегодня же познакомьтесь!...—заключилъ свою рѣчь покровительственнымъ тономъ Вездѣпоспѣловъ.

— Чай поданъ,—сказалъ китаецъ-лакей.

Въ каютъ-компаніи за чайнымъ столомъ собралось порядочное общество—все больше мужчины. Марія Никитишна хлопотала около самовара, разливая чай, предлагая кому сливки, кому сливочное масло.

— Да и вы, Александръ Владиміровичъ, ѣдете—обратился командиръ къ вошедшему пожилому господину съ большой сѣдой бородой,—а я полагалъ, вы остались въ городѣ; вечеромъ я васъ на пароходѣ не видѣлъ; признаться, думалъ, вы опять отправились на Офицерскую улицу деньги мѣнять. Разскажите, какъ это вы ѣздили туда деньги мѣнять въ архіерейской каретѣ?

При этихъ словахъ все общество покатилось со смѣху. Всѣмъ былъ извѣстенъ случай, какъ Александръ Владиміровичъ, котораго въ праздничный день золотопромышленникъ хозяинъ послалъ мѣнять деньги, нужныя для задатковъ рабочимъ, чтобы исполнить данное ему порученіе, принужденъ былъ заѣхать въ одинъ изъ увеселительныхъ домовъ по Офицерской улицѣ, такъ какъ магазины были закрыты, и тамъ такъ усердно началъ мѣнять сотенныя на шампанское, конфекты и бонбоньерки для падшихъ созданій, а можетъ быть еще на что нибудь другое, что Александръ Владиміровичъ и не замѣтилъ какъ случилось, что у него не оказалось ни крупныхъ, ни мелкихъ денегъ. Хозяинъ, напрасно прождавъ до вечера, послалъ служащаго, и тотъ разыскивая своего товарища по всему городу нашелъ его наконецъ въ каретѣ, въ которой уѣхалъ Александръ Владиміровичъ, чтобы промять застоявшихся лошадей.

— Что такое? не слышу,—спросилъ, нагнувшись къ командиру, Александръ Владиміровичъ. Онъ имѣлъ привычку не слышать, когда надъ нимъ подшучивали.

— Деньги какъ вы мѣняли у Пимки? повторилъ свой вопросъ Лука Ѳедоровичъ—здѣсь есть люди, которымъ этотъ случай неизвѣстенъ; да и мы съ удовольствіемъ послушаемъ.

Александръ Владиміровичъ махнулъ рукой и усѣлся за чайный столъ. Вездѣпоспѣловъ началъ шопотомъ разсказывать этотъ анекдотъ Поросенкову.

— Будетъ ужъ вамъ шутить надъ стариками, Степанъ Владиміровичъ, укоризненно замѣтила Марія Никитишна; смотрите, какъ бы надъ вами не посмѣялись. А вы это что ночью по пароходу бродите, какъ лунатикъ, и луны-то кажется сегодня не было.

Въ это время Дуня принесла молоко, быстрымъ движеніемъ поставила на столъ и, покраснѣвъ до корня волосъ, убѣжала изъ каюты. Вездѣпоспѣловъ виновато опустилъ глаза въ стаканъ съ чаемъ. Присутствующіе вопросительно взглянули на Марію Никитишну.

Поросенковъ двусмысленно улыбался.

Раздался свистокъ. Пароходъ подходилъ къ винокуренному заводу мѣстнаго водочнаго туза, гдѣ „Зоя“ должна была нагрузить нѣсколько бочекъ спирту.

VII.

На пятыя сутки „Зоя“ благополучно пришла на Зейскій складъ. Съ Акакіемъ Акакіевичемъ на пути никакихъ особенныхъ приключеній не случилось; до „зеленаго змія“ онъ не напивался;—пилъ онъ всегда очень умѣренно, и если позволялъ себѣ лишнее, то только развѣ въ большіе праздники, или въ особо торжественные случаи своей жизни. Въ карты онъ тоже не проигрался. Какъ извѣстно уже читателю, картъ онъ не долюбливалъ, не понимая въ нихъ ровно ничего; при томъ же серьезной игры за все время не складывалось; нѣсколько разъ составлялся винтъ по маленькой, послѣ котораго Вездѣпоспѣловъ какъ-то было задумалъ забавить публику стосомъ, для чего вынулъ пачку кредитокъ, но желающихъ не нашлось и игра не составилась. Вообще этотъ разъ на „Зоѣ“ не было профессіональныхъ зейскихъ игроковъ, такъ сказать, высшей аристократіи мѣстнаго фешенебельнаго общества, которая видитъ свое преимущество передъ другими обывателями нашихъ палестинъ въ умѣніи и возможности вести большую игру,

которая нерѣдко оканчивается тысячами. Ѣхалъ сѣренькій народъ, средній классъ и потому карманы остались въ полной неприкосновенности и никакихъ особыхъ перемѣщеній капиталовъ, изъ одного кармана въ другой, не произошло.

Первое затрудненіе, въ которомъ оказался Поросенковъ, пріѣхавъ на Зейскій складъ,— это вопросъ относительно пріисканія квартиры. Вездѣпоспѣловъ очень любезно приглашалъ бывать у него, но болѣе широкаго гостепріимства, т. е. пріюта на первое время, пока Акакій Акакіевичъ съумѣетъ устроиться, не предлагалъ, да и Поросенковъ никогда бы и не воспользовался такимъ предложеніемъ. Отъ природы не общительный, а можетъ быть и жизнь выработала въ немъ замкнутый и необщительный характеръ, вслѣдствіе чего онъ всегда предпочиталъ устроиться такъ, чтобы никто ему не мѣшалъ и самому никому не быть въ тягость. Имѣя свой уголъ, какъ бы тѣсно въ немъ не было, всегда можешь чувствовать себя свободнымъ, независимымъ человѣкомъ, а, главное, можешь спокойно обдумывать свои планы и разбираться въ пережитыхъ впечатлѣніяхъ, словомъ, быть одинъ на одинъ съ собою, что для Акакія Акакіевича было очень дорого. Въ силу этихъ соображеній, Поросенковъ рѣшилъ найти комнату отдѣльную, принадлежащую ему одному, гдѣ бы онъ могъ быть полнымъ хозяиномъ. Это было для него тѣмъ болѣе важно, что, наблюдая людей, съ которыми пришлось ему плыть на пароходѣ и съ которыми, по всей вѣроятности, придется ему долгое время жить, онъ замѣтилъ въ нихъ страсть забираться въ чужую душу, выпытывать у человѣка подноготную и стремленіе копаться въ прошлой его жизни, — Акакію Акакіевичу это крайне не нравилось и въ такихъ случаяхъ онъ отмалчивался, или старался свести разговоръ на другую тему. И что, въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ разсказать своимъ новымъ знакомымъ о собственной личности? О побояхъ, пощечинахъ, которыя часто выпадали на его долю въ годы его тяжелой жизни, когда онъ безродный, брошенный всѣми, дѣлалъ первые шаги на скользкомъ пути житейскаго

мытарства... нѣтъ, объ этомъ надо молчать!... не только молчать, но даже самому надо стараться выкинуть изъ памяти воспоминаніе о тѣхъ грустныхъ случаяхъ и событіяхъ, которые роняютъ его достоинство. Какъ предвидѣть, что его ждетъ впереди? А можетъ быть счастіе ему улыбнется и здѣсь, въ этой тайгѣ, среди этихъ людей, ждетъ его удача и богатство! Тогда цѣлая толпа завистниковъ начнетъ съ любовью копаться въ его прошломъ, вылавливая всю грязь, какая попадетъ подъ руки, чтобы только очернить его и показать, кѣмъ онъ былъ раньше. Пожалуй, еще сдѣлаешься героемъ какого-нибудь мерзкаго пасквильнаго фельетона. Нѣтъ надо быть осмотрительнымъ относительно прошлаго... ничѣмъ его не выдать. Десятки тысячъ верстъ отдѣляютъ его отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прошло его дѣтство, давившее его, какъ тяжелый сонъ.

Наружность у него, сравнительно, солидная, одѣтъ онъ прилично, повидимому, на окружающихъ произвелъ впечатлѣніе дѣльца, только пока неизвѣстной профессіи. — Зачѣмъ-же знать новымъ друзьямъ, чѣмъ онъ былъ раньше?

Здравомысловъ рекомендовалъ ему меблированныя комнаты Пинскаго, гдѣ онъ самъ имѣлъ обыкновеніе останавливаться. И хотя, по разсказамъ другихъ, „chambres garnies“ г. Пинскаго были не вполнѣ благополучны въ смыслѣ удобства и личнаго спокойствія, но все же дѣваться было некуда— и Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, до пріисканія подходящаго, по его вкусу, помѣщенія, остановиться у Пинскаго. Оставалось позвать извозчика и, забравъ свой небольшой багажъ, распроститься съ пароходомъ, который черезъ часъ долженъ былъ отправиться дальше. На берегу стояло много экипажей; но извозчиковъ не было. Наконецъ ему объяснили, что на складѣ всего только два извозчика и чтобы заполучить одного изъ нихъ, необходимо его разыскать, а затѣмъ уже пріѣхать на немъ за вещами. Приходилось послѣдовать этому благому совѣту.

Поросенковъ, скрѣпя сердце, сошелъ съ парохода, въ смутной надеждѣ на благопріятный исходъ своихъ по-

исковъ. Поднявшись по каменистому крутому берегу на набережную, онъ отправился вверхъ. Пройдя церковь, онъ замѣтилъ узкій переулокъ налѣво, свернулъ въ него и скоро вышелъ на широкую, довольно многолюдную улицу. На вопросъ, какая улица, ему объяснили, что это *„Милліонная“*. Услышавъ такое громкое названіе, Поросенковъ ощутилъ невольное почтеніе, сталъ внимательно осматривать дома, тянувшіеся неровной линіей по обѣимъ сторонамъ улицы. На углу стоялъ двухъэтажный деревянный домъ, повидимому, недостроенный, хотя стѣны успѣли уже потускнѣть; въ нижнемъ этажѣ помѣщалась китайская торговля. Около дверей толпились китайцы, изъ средины толпы слышались пронзительные крики. Поросенковъ, пробившись въ толпу, увидѣлъ на землѣ двухъ валявшихся китайцевъ, безжалостно теребившихъ другъ друга за косы.

На другомъ углу, у старой похилившейся землянки, окна которой глубоко ушли въ землю, расположился торговецъ соленой рыбой. Надъ бочкой, помѣщающейся тутъ-же на улицѣ и покрытой грязной, дыроватой рогожей, кишели милліарды мухъ, пахло отъ нее ужаснымъ запахомъ разложившейся рыбы; но, несмотря на отталкивающую вонь, торговля шла бойкая, — очевидно въ рыбѣ чувствовался большой недостатокъ и покупатели, преимущественно китайцы, на расхватъ ее раскупали. Акакій Акакіевичъ спросилъ о цѣнѣ,—цѣна была высокая.

— А мясо почемъ?—спросилъ Поросенковъ.

— Мяса вовсе нѣтъ въ продажѣ. Титъ Титычъ скупилъ весь пригонъ скота и выгналъ за сорокъ верстъ на пастбище, ждетъ, чтобы цѣна еще поднялась. Рыба тоже отъ него, прошлогодняго привоза, немножко съ душкомъ, но ничего, идетъ хорошо.

— „Такъ вотъ она—система Титъ Титыча!.. А что-же? Онъ правъ по своему“,—подумалъ Поросенковъ и пошелъ дальше. Еще нѣсколько новыхъ домовъ, тоже недостроенныхъ, между новыми старые ветхіе домишки; въ нихъ преимущественно ютились китайцы.

„Оптовый складъ продажа вина и спирта“, – рельефно выдѣлялась большая, яркая, на голубомъ фонѣ вывѣска,

надъ широко раскрытыми воротами. Въ глубинѣ двора Поросенковъ увидѣлъ каменный подвалъ, вросшій въ землю; дверь подвала была открыта, изъ нее выходили по одному, по два покупатели съ бутылками и жестянками.

— „Пьютъ вино и закусываютъ протухлой рыбой“,— шевельнулось въ головѣ Поросенкова.

А извозчика все-то нѣтъ. Акакій Акакіевичъ сталъ внимательнѣе осматриваться. Наконецъ далеко, на углу, у крыльца съ вывѣской: „продажа вина распивочно и на выносъ“, ему показалось что-то въ родѣ извозчичьей пролетки. Онъ ускорилъ шаги. Но въ то время когда Поросенковъ, сосредоточивъ вниманіе на виднѣющейся впереди пролеткѣ, быстрыми шагами направился къ ней, словно ураганъ налетѣлъ на него сзади... визгъ, крики, хототъ... и въ довершеніе всего туча песку и мелкой гальки обдала его спину и затылокъ. Онъ инстиктивно отпрянулъ въ сторону и сталъ какъ вкопаный. Мимо него бѣжала нагая женщина, совершенно нагая, если не считать небольшого ситцеваго платка, которымъ была перевязана талія узелкомъ сзади. Черные распущенные волосы частью ниспадали по плечамъ, частью развѣвались по вѣтру. Она энергично размахивала руками и что-то пѣла,—или, вѣрнѣе, выкрикивала дикимъ, непріятнымъ голосомъ. Стеклянные, безсмысленные глаза, глупая, наивная улыбка, появлявшаяся по временамъ на желтомъ, обрюзгломъ лицѣ,—все ясно говорило, что это была сумасшедшая.

Большая толпа мальчишекъ съ визгомъ и крикомъ бѣжала за нею; они сбивали другъ друга съ ногъ, падали, опять поднимались, хватали съ земли песокъ, грязь и бросали въ нее сзади. Иногда несчастная останавливалась, поворачиваясь къ нимъ лицомъ, утомленная, съ трудомъ переводя духъ, тогда песокъ попадалъ ей въ лицо, въ глаза, въ ротъ; въ изнеможеніи, съ выраженіемъ отчаянія, она опускалась на землю, хватала что попадало въ руки и бросала въ пространство, стараясь отбиться отъ жестокихъ маленькихъ варваровъ; затѣмъ опять порывисто вскакивала и съ новыми

силами, съ дикимъ хохотомъ бѣжала дальше, преслѣдуемая своими гонителями. Прохожіе останавливались и равнодушно смотрѣли на эту картину. Повидимому, эта картина была для нихъ давно знакомой; холодный потъ выступилъ на лбу у Поросенкова. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ двинулся онъ дальше.

Да, это былъ извозчикъ. Онъ узналъ по номеру на бѣлой жестянкѣ; но возницы не было. Окрикнувъ нѣсколько разъ и не получивъ никакого отвѣта, онъ убѣдился, что извозчикъ долженъ быть въ кабакѣ, изъ котораго въ полуоткрытыя двери слышались голоса крупнаго разговора. Извозчикъ былъ ему нуженъ, и Поросенковъ рѣшилъ зайти въ заведеніе. За прилавкомъ стоялъ толстый, здоровый дѣтина, на указательномъ пальцѣ правой руки его виднѣлся большой массивный золотой перстень грубой работы, рядомъ съ нимъ, опершись ему же на плечо, въ полуоборотъ къ двери, стояла разжирѣвшая женщина, повидимому, жена цѣловальника. Спокойный взглядъ, расплывшаяся улыбка на упитанныхъ лицахъ обоихъ доказывала, что жилось имъ хорошо. У прилавка, налѣво, ближе къ печкѣ, стоялъ извозчикъ съ бичемъ въ рукѣ, въ другой онъ держалъ стаканъ съ пивомъ. Всѣ трое смотрѣли въ одну сторону. На скамейкѣ у стѣны, къ окну, сидѣлъ молодой пріискатель немного навеселѣ. Онъ былъ одѣтъ щеголемъ во все новое: начиная отъ кашемировой блузы, богато вышитой разноцвѣтной бумагой и кончая сапогами, все на немъ было новенькое. Его молодое, загорѣлое лицо, чисто выбритое, съ ухарски закрученными усами, смѣлый даже нѣсколько дерзкій взглядъ темнокарихъ глазъ и вся его фигура, дышащая энергіей и молодымъ вольнымъ задоромъ, ясно говорила, что это одинъ изъ удалыхъ хищниковъ, только что вышедшій изъ тайги — и, повидимому, вышедшій не съ пустыми руками. На лѣвомъ колѣнѣ онъ держалъ молодую женщину, сильно выпившую; на ней тоже все было новенькое.

— Пей, Груня! говорю пей, а то расшибу бутылку объ твою голову; не водкой, а коньякомъ тебя угощаю,

—и онъ толкалъ ей въ ротъ стаканъ, до половины налитый коньякомъ. Но Груня выпить не могла, ее душила икота, она отмахивалась рукой, хотѣла что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

— Что, подавилась, бабье отродье!—и онъ выплеснулъ ей въ лицо изъ стакана; присутствующіе разразились громкимъ хохотомъ. Кабатчица, схвативъ себя за бока, смѣялась громче всѣхъ. Отъ смѣха ея толстый животъ колыхался, судорожно вздрагивая и толкая прилавокъ, на которомъ звенѣла посуда.

При появленіи Поросенкова всѣ замолкли и повернулись къ двери.

— Ты извозчикъ?—обратился Акакій Акакіевичъ къ стоящему у прилавка.

— Я? а что?

— Садись... поѣдемъ...

— Занятъ...—и онъ принялся отхлебывать пиво изъ стакана.

— Баринъ, а баринъ!..—обратился къ Поросенкову подгулявшій пріискатель,—хошь гульнемъ съ тобой... сегодня я плачу за все,—и онъ вынулъ изъ кармана горсть золотыхъ, ударилъ ими по прилавку,—хватитъ на обоихъ... Нѣтъ, гдѣ же тебѣ со мной компанію вести!—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы,—ты баринъ! А я что?.. да и я сегодня баринъ! Деньги есть —значитъ баринъ!.. Какъ, Груня? вѣрно, баринъ! Что же ты не пьешь, расфуфыренная барыня!.. дура, коньякомъ подчую... здѣшнія барыньки—ухъ! какъ тянутъ эту штуку!.. Такъ тебѣ, баринъ, говоришь ѣхать надо!.. Филька! вези его куда надо!—обратился онъ къ извозчику,—да чтобъ все аккуратно, чинъ чиномъ, понимаешь!.. Это я его зафрахтовалъ: пока не прогуляюсь, только меня долженъ возить! Тебѣ, баринъ, уважу—подъ веселую руку ты пришелъ... Не плати! за все ему заплачено. Вези, Филька! ну... живо! куда прикажетъ, туда и вези... а послѣ къ Богданову, знаешь, въ баню... Тамъ меня жди.

Какъ ни страннымъ показались Поросенкову видѣнная имъ сцена и предложеніе пьянаго пріискателя, но дѣлать было нечего, извозчикъ былъ нуженъ.

— Спасибо,—сказалъ Акакій Акакіевичъ и вышелъ на улицу.

— Мерсю вамъ!—отвѣтилъ ему пріискатель и залился безпричиннымъ хохотомъ.

Груня въ это время оправилась и вышла на крыльцо вздохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Черезъ часъ Поросенковъ подъѣжалъ къ крыльцу меблированныхъ комнатъ Пинскаго. Крыльцо вело на терассу. Пройдя по терассѣ, приходилось повернуть налѣво, и въ двери, помѣщенныя въ углу, Поросенковъ вошелъ въ большую комнату, раздѣленную жиденькими переборками на нѣсколько мелкихъ клѣтушекъ. По серединѣ комнаты, гдѣ соединялась большая часть переборокъ, стояла круглая желѣзная печь, предназначенная, повидимому, для отопленія всѣхъ номеровъ.

— Номеръ есть?—спросилъ Акакій Акакіевичъ пожилого сѣденькаго господина, физіономія котораго обличала въ немъ семитическое происхожденіе.

— Вамъ какой, семейный или холостой номеръ?

— Для одного.

— Есть,—и открывъ дверь направо, онъ ввелъ Поросенкова въ крошечное помѣщеніе. У переборки стояла голая деревянная кровать; во многихъ мѣстахъ, по щелямъ, виднѣлись густыя пятна копоти и слѣды стеарина; у кровати—небольшой столикъ и одна табуретка. Лубочная картина, съ изображеніемъ голой женщины въ соблазнительной позѣ, украшала деревянную, не оклеенную стѣну противъ кровати. Поросенкову номеръ показался очень малымъ.

— А семейныя комнаты свободны?

Пинскій,—это былъ самъ хозяинъ, — молча открылъ дверь сосѣдней комнаты, отдѣленной переборкой изъ разсохшихся досокъ, между которыми виднѣлись широкія щели и Акакій Акакіевичъ увидѣлъ такой же по размѣру номеръ. Единственно, что только отличало его отъ сосѣдняго и давало право хозяину называть его семейнымъ, это широкая двухмѣстная кровать, тоже безъ матраца и безъ подушекъ. А на стѣнѣ, противъ кровати, висѣла такая-же лубочная картина съ изображеніемъ

мужчины и женщины, сидящихъ на скамейкѣ подъ тѣнью деревъ густой аллеи. За скамейкой надъ головами виднѣлась статуя Сатира.

Поросенковъ рѣшилъ занять холостой. Устроившись кое-какъ, распредѣливъ наскоро свои пожитки, пославъ на кровать тонкій, дорожный матрацъ и закрывъ его одѣяломъ, онъ сѣлъ и задумался. Что же ему дѣлать? Вотъ онъ и пріѣхалъ! Что же дальше? Положимъ, золото близко... Присутствіе его онъ чувствовалъ всѣми фибрами своей алчной души. Въ кабакѣ отъ того гуляки-пріискателя такъ и несло золотомъ. Этотъ разгулявшійся парень гдѣ-то въ невѣдомомъ уголкѣ обширной тайги, одинъ или можетъ быть въ артели досталъ его. И оно—это могущественное все сокрушающее золото—его первыми руками было добыто изъ сырой земли; онъ извлекъ его на свѣтъ Божій, гдѣ оно такъ соблазнительно заиграло въ лучахъ солнца. Въ его первой рукѣ оно коснулось теплаго человѣческаго тѣла, его теплой кровью оно въ первый разъ согрѣлось, извлеченное изъ мерзлой холодной земли. И затѣмъ, попавъ въ руки кабатчика, оно пойдетъ дальше, быстро переходя изъ рукъ въ руки. Сколько слезъ оно осушитъ! сколько радостей оно родитъ на своемъ пути! Но сколько грѣха, сколько преступленій оно потащитъ за собой! И ему ясно, какъ на яву, представились: милліоны, милліарды рукъ, тянувшихся къ блестящему, переливающему желтымъ отливомъ порошку, который тонкими нитями проскальзывалъ среди тучи рукъ. Руки судорожно сжимались, силясь ухватить эти нити, но нити ускользали. Нѣкоторыя болѣе цѣпкія руки успѣвали ухватить эти блестящія паутины,—но тутъ Поросенковъ увидѣлъ здоровую, жилистую руку, которая не тянулась за блестящими нитями, а впивалась своими большими, крѣпкими ногтями въ другія руки, которымъ удалось захватить золото. Завязывалась борьба, страшная, безмолвная борьба, и изъ слабой руки, сдавленной словно желѣзными клещами, между пальцами текло золото въ большую жилистую руку. „Это рука Тита Титыча“, — рѣшилъ въ душѣ Поросенковъ. Вотъ и его рука! онъ ее узналъ,

она послѣдняя, сзади за всѣми; движенія ея не смѣлы, робки. Боже, сколько труда ей предстоитъ, чтобы протолкаться чрезъ эту толпу рукъ, поближе къ золотымъ нитямъ. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что всѣ золотыя нити идутъ сверху, гдѣ пучки ихъ замѣтно съуживаются; онъ поднялъ глаза—и тамъ, вверху, увидѣлъ другую тучу рукъ. Но тѣ руки не были похожи на первыя, тѣ были мозолистыя, здоровыя, мускулистыя руки, съ толстыми короткими пальцами; онѣ рылись въ какой-то земной массѣ, изъ которой падали внизъ цѣлые потоки блестящихъ струй.

Голова у Акакія Акакіевича кружилась, онъ чувствовалъ усталость; сонъ клонилъ. Видѣніе рукъ понемногу исчезло и вмѣсто него получилось бѣлое густое облако... И вотъ понемногу изъ облака стала обрисовываться фигура голой женщины. Она бѣжитъ, черные волосы густой волной развѣваются... она бѣжитъ прямо на него, съ страшнымъ дикимъ хохотомъ, со сжатыми, поднятыми къ верху кулаками...

— А, тебѣ золото нужно! Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!... и она бросила ему двѣ горсти мелкаго, ярко блестящаго золота... Акакій Акакіевичъ протянулъ руки, чтобы поймать золото,—и очнулся.

VIII.

Въ комнатѣ было темно, когда Акакій Акакіевичъ проснулся. Онъ потянулся на жесткой постели, кровать заскрипѣла, словно хотѣла развалиться. Поросенковъ приподнялся, сѣлъ, избѣгая рѣзкихъ движеній; въ его тяжелой, разгоряченной головѣ мысли безсвязными обрывками смѣняли одна другую. Гдѣ-то недалеко отъ его номера былъ слышенъ шумъ голосовъ нѣсколькихъ собесѣдниковъ, говорившихъ въ одно и тоже время, какъ это часто бываетъ, когда собравшаяся компанія подгуляетъ — и у каждаго явится желаніе высказаться, вылить все, что у него накипѣло на душѣ—и всякій говоритъ безъ умолку, не обращая вниманія—слушаетъ-ли его кто нибудь.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, Вася! скажи, положа руку на сердце,—до чего ты добился за двадцать лѣтъ пріисковой службы?—говорилъ чистый пріятный баритонъ,—такимъ ты развѣ былъ двадцать лѣтъ назадъ, когда мы съ тобой оба явились на Витимъ, гдѣ и начали свою пріисковрю карьеру?

— Вотъ хватилъ!—двадцать лѣтъ назадъ,—отрѣзалъ довольно уже осипшій басъ.—Въ кои вѣки сошлись, а онъ разнюнился! Проповѣди думаешь читать, что-ли? Нѣтъ, братъ, пей пока пьется, а тамъ наговоримся.

Голоса смолкли, послышался звонъ рюмокъ и звукъ передвигаемой посуды.

Свѣчи на столѣ не оказалось. Поросенковъ пригладилъ кое-какъ въ темнотѣ свои волосы, зажегъ спичку и, найдя дверь, вышелъ изъ номера. Направо, въ комнатѣ, за большимъ обѣденнымъ столомъ, надъ которымъ горѣла лампа съ жестянымъ абажуромъ, сидѣло небольшое общество пріисковыхъ служащихъ, бесѣда которыхъ разбудила Поросенкова и привлекла его вниманіе.

Обладатель баритона—мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ густыми черными волосами, стоялъ у стола съ полновѣсной рюмкой въ рукѣ и вопросительно смотрѣлъ на остановившагося въ дверяхъ Поросенкова. Его курчавые, черные, какъ вороново крыло, всклокоченные волосы, блестящіе, словно уголь, глаза и въ высшей степени подвижное лицо выдавали въ немъ цыгана; въ его позѣ, въ бойкомъ, откровенномъ взглядѣ виѣлась прежняя удаль.

Мартынъ Николаевичъ Басмановъ,—такъ звали господина съ печатью цыганскаго происхожденія, только сегодня пріѣхалъ съ дальнихъ пріисковъ въ Якутской области, за Яблоновымъ хребтомъ, гдѣ онъ служилъ въ Компаніи „*Авось вывезетъ*“—и въ тотъ же день встрѣтился со своими прежними сослуживцами, съ которыми долго не видѣлся. Одинъ изъ нихъ, Василій Михайловичъ Симоненко, становой Петропавловскаго пріиска золотопромышленнаго товарищества „*Свои люди—сочтемся*“, тоже выѣхалъ послѣ окончанія операціи на Зею, освѣжиться и развлечься послѣ лѣтнихъ занятій;

нѣсколько мѣшковатый, съ черной, окладистой бородой, съ большой лоснящейся лысиной на головѣ, скорѣе плотный, чѣмъ полный, сутулый, Симоненко сидѣлъ грузно на стулѣ, подперевъ голову лѣвой рукой. Довѣренный N-ской золотопромышленной компаніи, шведскій подданный Павелъ Александровичъ Штаркъ—молодой еще человѣкъ, блондинъ съ румянымъ свѣжимъ лицомъ, ходилъ изъ угла въ уголъ, по временамъ останавливаясь у стола, стараясь примкнуть къ разговору товарищей, но это ему никакъ не удавалось; вообще не пьющему, ему было страшно неловко послѣ выпитыхъ нѣсколькихъ рюмокъ водки мѣстной очистки. Четвертый—нѣсколько ожирѣвшій отъ праздной жизни господинъ, съ чисто выбритымъ подбородкомъ, коротко остриженный, въ крахмальной сорочкѣ и почему-то въ сюртукѣ, съ лицомъ обыкновеннымъ, безстрастнымъ, ничего особенно не выражающимъ—мѣстный юристъ, сидѣлъ нѣсколько въ сторонѣ, попивая пиво, систематично, безмолвно опоражнивая одну бутылку за другой съ ярлыкомъ Калинкина, которое почему-то онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ маркамъ; пилъ онъ, повидимому, со вкусомъ, смакуя какъ любитель, для котораго пиво было въ жизни все, а остальное пустяки и мелочь.

Поросенковъ остановился въ дверяхъ, не зная на что ему рѣшиться.

— Пожалуйста, заходите,—обратился къ нему съ привѣтливой улыбкой Басмановъ,—мы здѣсь все свои, пріисковые, знакомимся просто, безъ особыхъ церемоній.

Поросенковъ, ободренный задушевнымъ тономъ приглашенія, вошелъ, представился и сталъ здороваться.

— Какъ? Поросенковъ?—замѣтилъ Басмановъ.—Чудно, право, чудно! и какихъ фамилій не бываетъ на свѣтѣ! У другого такая чудная фамилія, словно на смѣхъ ему дана, а присмотришься—и славный человѣкъ подъ смѣшной кличкой бываетъ. Фамилія не причемъ, Акакій Акакіевичъ, а вотъ душа въ человѣкѣ нужна; а души нѣтъ, значитъ и наплевать! связываться не стоитъ... дряньцо—да и только! Такъ-то вотъ, Акакій Акакіевичъ! А у кого душа, тому и пить надо; по-

тому не пить, такъ никакъ не прожить со своей душой въ этой мерзости. Право, съ ума сойдешь, или того... подлецомъ сдѣлаешься, какъ другіе. Выпьемъ, господа, что ли! „Берегись душа,—оболью“!...—и онъ сразу опрокинулъ здоровую рюмку, спеціально имъ потребованную; маленькихъ, обыкновенныхъ рюмокъ Басмановъ не „обожалъ“; вино булькнуло и плавно полилось въ горло.

— А теперь закусимъ, Акакій Акакіевичъ!—продолжалъ Басмановъ, поставивъ рюмку на столъ,—вотъ этого винегрета... оно кисленькое и соленое, право хорошо; антикъ съ гарниромъ—да и только! Какъ поживешь въ тайгѣ на солонинѣ да на тухлой рыбѣ, такъ всѣ эти фрикасесы по вкусу приходятся. Такъ вы говорите, сегодня пріѣхали! Что-же, служить на пріискахъ собираетесь?—продолжалъ допрашивать Басмановъ, набравъ въ ротъ разной закуски, какая имѣлась на столѣ.—Служба нынче не важная, Акакій Акакіевичъ! прошло золотое время... Крупныя компаніи по всѣмъ швамъ трещатъ! а остальныя все мишура... такъ себѣ, изъ хлѣба на квасъ перебиваются. По моему зря—лучше совсѣмъ бросить и картошку садить приняться. Оно, пожалуй, полезнѣе и благороднѣе будетъ. Золото надо брать силой, большими капиталами! Чтобы треску, звону, шуму много было, чтобы въ носъ ударяло, чтобы чадъ кругомъ стоялъ! чтобы душа, какъ въ бездонномъ морѣ, плавала! потому—это *золото*,—а не собираніе тряпья или старья для бумажныхъ фабрикъ! Такъ было ранѣе! а сейчасъ что? срамъ одинъ!.... Золотопромышленникъ!... а самому ѣсть нечего... солонина гнилая... рыба тухлая... муки ни фунта. Въ доброе старое время лошадей шампанскимъ поили, а нынѣ промокшему, иззябшему рабочему жалѣютъ порцію вина подать, разбавленнаго до 20^0. Я вотъ самъ служу въ компаніи „*Авось вывезетъ*“... Компанія „того-съ“, не совсѣмъ ладная; самъ даже компаніономъ состою, только безъ голоса... дескать, служи, взносовъ съ тебя не надо; служба твоя, дескать, взносами зачтется, а съ дивидентовъ получишь на свои паи. А дивидентовъ то и нѣтъ,

вотъ уже три года нѣтъ, а „манжекать“ нужно, какъ говорилъ Подкованцевъ. Ну и того... не выгодно, конечно. Да и компаніоны какъ то не по шерсти другъ другу: лебедь, щука и ракъ! Какъ у Крылова... ну и умница былъ старикашка!... запрегъ-же такихъ звѣрей въ одну телѣгу, точь въ точь какъ у насъ компанія; ни прутъ, ни тянутъ, а только топорщатся. Одинъ будто простоватъ, другой тароватъ, а третій больше по медицинѣ бобра убиваетъ; говорятъ, въ моду большую вошелъ въ городѣ. Сначала было того... съ жаромъ взялись, аппетиты разыгрались! Сразу, дескать, сотни тысячъ возьмемъ... Анъ не тутъ то было... сорвалось!.. пальчики обожгли... и полѣзли мои компаніоны въ разные углы. Я—не я... да и я—не я... и посматриваютъ изъ разныхъ угловъ другъ на дружку... кто кого—дескать, слопаетъ. А я вотъ сиди безъ взносовъ и на сухояденіи. Каково! Нѣтъ, шалишь, мусью! это не медицина, тамъ дѣло не хитрое: что визитъ—то пятитка, другой—десятка, а если еще по женской части не промахъ—и знай, значитъ, себѣ покатывайся отъ подъѣзда къ подъѣзду и собирай въ свою житницу! Чудно, право, нынѣ стало, всякая тля золотопромышленникомъ норовитъ сдѣлаться; на всякіе то фокусы идутъ. Кого не спросишь—все въ золотопромышленники мѣтитъ. Вотъ, напримѣръ, Симоненко, съ которымъ имѣли честь сейчасъ познакомиться; двадцать лѣтъ служилъ, объ одномъ только и думалъ: какъ бы жениться; такъ его вѣчнымъ женихомъ и звали. Сейчасъ послѣ долгой разлуки встрѣтились, первымъ долгомъ спрашиваю:—ну, какъ, женился?—Нѣтъ, говоритъ,—Какія же теперь, спрашиваю, твои завѣтныя думы? Золото, говоритъ, искать хочу. Понимаете? За двадцать лѣтъ жены найти не могъ, а тутъ золото найти хочетъ!.. Нѣтъ, братъ Вася! не быть намъ съ тобой золотопромышленниками! мы вѣчные съ тобой труженики, вѣчные работники, и не выйдти намъ изъ этого круга! Облѣнились мы съ тобой,—нѣтъ въ насъ прежней прыти и рвенія. Пустыя наши мечты,—вѣкъ свой на чужихъ хлѣбахъ доколачивать придется.

— Ну, опять понесъ ахинею,—остановилъ его Симоненко.

— А вы не правы, Мартынъ Николаевичъ,—вмѣшался въ разговоръ юристъ,—почему же вамъ не сдѣлаться золотопромышленникомъ? А, по моему, въ настоящее время это очень легко. Не далѣе, какъ сегодня утромъ, былъ у меня кліентъ-рабочій по дѣлу о взысканіи въ его пользу, незаконно удержанныхъ Незѣвайкинымъ, заработанныхъ имъ денегъ, и обѣщаетъ указать мнѣ богатый ключикъ въ случаѣ выигрыша. Вѣдь это все возможно,—знается онъ съ хищниками, а можетъ быть и самъ хищникъ. Мнѣ кажется вполнѣ достовѣрнымъ, что ключикъ, о которомъ онъ говоритъ, дѣйствительно, съ золотомъ.

— Ну, и валите на богатый ключикъ съ вашимъ кліентомъ, скатертью вамъ дорога!... и получайте ваши гонорары разными ключиками, посмотримъ, далеко-ли утечете!

Поднялся горячій споръ. Всѣ трое обрушились на Басманова, доказывая ему, что глупо тратить время только на одной службѣ, необходимо подумать и о себѣ; вѣдь есть же примѣры поразительной удачи среди людей, которые никогда не мечтали быть золотопромышленниками, — сама судьба заставила ихъ сдѣлаться богатыми людьми. Конечно, не будешь искать, такъ никогда ничего не найдешь.

— Эхъ! что думать о себѣ, — началъ опять Басмановъ, образъ человѣческій уберечь не смогли, опошлились, оскотинились... всю жизнь на смарку пустили! Спились до озвѣрѣнія... все доброе, все, что въ человѣкѣ дороже и цѣннѣе богатства, своими же руками въ комокъ смяли, бросили, оплевали, въ винѣ утопили!... Да! теперь только и осталось, что богатыми сдѣлаться!... И будемъ ходить, какъ разжирѣвшія свиньи въ манишкѣ, и будутъ намъ низко кланяться такіе же пошляки, какъ мы сами! Нѣтъ, господа! Все это не то... Играй назадъ!... Сколько шаркунцовъ ни навѣшай на пустую бочку, а все же она пустой останется! А въ насъ-то пустота... именно пустота! По каплѣ все изъ насъ вытекло, все,

что было красиваго, хорошаго—все утеряно. И больнѣе всего то, что самъ же ты и чувствуешь свою пустоту, самъ ее измѣрить можешь... и самому ясно, что по твоей же винѣ она образовалась... что былъ же ты человѣкомъ и человѣческій обликъ на тебѣ былъ, а не скотскій. Какъ вернешься назадъ лѣтъ за двадцать, да заглянешь въ свою душу: сколько теплаго, сердечнаго въ ней было! По истинѣ, цѣлый кладъ! Пріѣхалъ-то я на Витимъ съ сестренкой,—оба мы сиротами были. Нюта —красивая, востроглазая цыганочка; жизнь за нее тогда бы отдалъ! Берегъ пуще всѣхъ сокровищъ міра. Свататься стали. Нѣтъ, думаю, шалишь, пошляку не отдамъ. Наконецъ выискался-таки человѣкъ, — помнишь его, Вася, стоилъ онъ ее,—и то сколько ночей не спалъ, измучился—думая: а ну, если не тутъ ея счастье, если не тутъ ея судьба? И вотъ что-же? Пятнадцать лѣтъ уже прошло, а я и знать не знаю: какъ она живетъ и гдѣ обрѣтается? Значитъ — изъ души кое-что утеряно, коль скоро она иначе чувствовать стала! Да одно-ли это?... А вѣдь этихъ изъяновъ золотомъ не заткнешь. Конечно, у каждаго свои вкусы, свой идеалъ, какъ говорится въ книжкахъ. А только про себя одно скажу: не могу теперь безъ вина да и только!... и не жажда меня мучаетъ, — одинъ вредъ только отъ него, самъ это понимаю, а пить надо, пустоту залить надо. Вотъ тутъ пусто!...—и онъ звонко ударилъ кулакомъ въ грудь.

Басмановъ замолкъ. Поросенковъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на говорившаго: пламенная и отрывистая рѣчь, порывистые жесты и воодушевленные, полные жизни глаза производили на него сильное впечатлѣніе.

Симоненко поднялся.

— Будетъ этой философіи, пора къ Курицыну. У него алемурецъ (по пріисковому—лотерея), иноходца разыгрываетъ; просилъ зайти. Пойдемъ, что-ли?

— Такъ что-же, пойдемъ,—что же больше дѣлать?—отвѣтилъ Басмановъ, – и вы съ нами, конечно, Акакій Акакіевичъ. Что незнакомы? ничего, здѣсь вездѣ запросто, къ тому же у него алемурецъ—входъ, значитъ, постороннимъ открытъ.

Яковъ Васильевичъ Курицынъ въ данное время былъ моднымъ комиссіонеромъ „загремѣвшаго вдругъ“ золотопромышленнаго товарищества „Всякъ себѣ на умѣ“ и велъ жизнь открытую; въ домѣ его иногда шла игра „по большой“. Всѣ у него бывали, хотя за спиной злословили на его счетъ, стараясь доискаться, гдѣ беретъ средства Курицынъ на открытую и сравнительно роскошную жизнь. Ранѣе онъ служилъ въ конторѣ N—ской золотопромышленной компаніи, затѣмъ перешелъ въ кабакъ сидѣльцемъ къ оптовику Груздеву. Тороватый оптовикъ велъ дѣло безалаберно. Курицынъ года два хозяйничалъ безъ всякаго учета. И хотя на этой службѣ онъ ничего не нажилъ, но все же за это время научился жить болѣе широко и загибать крупныя карты; а такія привычки впослѣдствіи трудно искореняются. Квартиру занималъ Курицынъ обширную; при ней были комнаты для пріѣзжихъ таежниковъ; штатъ прислуги держалъ большой, въ особенности были хорошенькія горничныя, которыя отчасти служили приманкой для пріисковой молодежи. Вообще Курицынъ обнаружилъ недюжинныя коммерческія способности, по части устройства своихъ дѣлишекъ.

Было совсѣмъ темно, когда наши знакомые вышли на улицу, торопясь попасть на алемуръ къ Курицыну. Пройти нужно было немного, но темнота усложняла эту задачу. Путешественники задѣвали за бревна, разбросанныя по улицѣ, попадали въ лужи съ грязью; а Басмановъ, запнувшись ногами за лежащаго среди улицы, мертвецки пьянаго, пріискателя, полетѣлъ кубаремъ, посадивъ себѣ шишку на лбу, потерялъ шапку и галоши, которыя долго пришлось искать. Все это, конечно, мало способствовало умиротворенію возбужденнаго духа Мартына Николаевича,—и онъ ругался, бранился, посылалъ тысячи проклятій по адресу блюстителей порядка этой медвѣжьей берлоги, какъ онъ называлъ Зею-Пристань.

Про обнаруженную въ душѣ пустоту, которая заставляла его напиваться до озвѣрѣнія, онъ уже забылъ, и его горячее краснорѣчіе искало другихъ темъ, сбиваясь съ одной мысли на другую.

Курицынъ занималъ половину большого углового дома, въ другой половинѣ помѣщалась аптека; приходилось идти около ея дверей. Басмановъ настаивалъ зайти въ аптеку, чтобы обмыть и залѣпить пластыремъ ссадину. Подошли къ двери и начали неистово стучать. Испуганный небывалымъ шумомъ, аптекарь долго не рѣшался открыть, опасаясь злого умысла. Наконецъ, разобравъ, должно быть, что это не воры и не грабители, а просто подгулявшая компанія добрыхъ знакомыхъ, открылъ дверь и впустилъ посѣтителей. Увидѣвъ окровавленное лицо Басманова, онъ удивленно окинулъ всѣхъ взглядомъ, какъ будто желая сказать, что здѣсь не канцелярія исправника, а скромная аптека, гдѣ, кромѣ слабительнаго и душистаго мыла знаменитаго Ралле, рѣдко что могутъ найти.

Басманомъ объяснилъ, что онъ ушибся, и ему нужна помощь, т. е. обмыть и залѣпить рану и вообще привести его „зеркало души“ въ надлежащій видъ, такъ какъ онъ собрался въ гости, къ Курицыну, и вовсе не намѣренъ ради пустяковъ лишать себя этого удовольствія.

Услышавъ фамилію Курицына, аптекарь вышелъ изъ себя, сталъ бѣгать большими шагами по комнатѣ, останавливаясь передъ глухой, противоположной стѣной, энергично грозя ей кулаками, по временамъ подбѣгая къ посѣтителямъ и прямо въ лицо имъ выпаливая монологи съ рѣзкимъ польскимъ акцентомъ, въ которыхъ тѣ ровнымъ счетомъ ничего не понимали. А Поросенковъ, наблюдая разбушевавшагося аптекаря, который при входѣ показался ему очень разсудительнымъ и солиднымъ господиномъ, подумалъ, что видитъ передъ собой помѣшаннаго, — и незамѣтно сталъ пятиться къ дверямъ, боязливо посматривая на пустыя склянки, виднѣющіяся кое-гдѣ на полкахъ, полновѣсныя съ таинственными надписями черными буквами, соображая, что всѣмъ имъ придется плохо, если господину аптекарю прійдетъ вдругъ въ голову дикая фантазія пустить эти орудія въ лица посѣтителей. Наконецъ, аптекарь исчезъ и черезъ минуту явился съ клѣткой въ рукахъ, въ ко-

47618В

торой помѣщался пѣтухъ, самый обыкновенный русскій пѣтухъ, совершенно невзрачный, съ ощипаннымъ хвостомъ.

— Вотъ, господа, до чего довели человѣка!—началъ болѣе спокойно свою рѣчь аптекарь, поставивъ клѣтку на стойку.—Вѣчный шумъ, вѣчный гамъ, музыка на всевозможныхъ инструментахъ, пѣніе на всѣхъ голосахъ до козлинаго включительно, и въ довершеніе всего постоянный плачъ и визгъ грудного ребенка, который плачетъ и капризничаетъ, потому что и ему, какъ и мнѣ нѣтъ покоя! Пришлось купить пѣтуха, запереть его въ клѣтку и поставить у стѣны, чтобы чѣмъ нибудь заявить свой протестъ противъ попиранія элементарныхъ правилъ вѣжливости. Въ довершеніе моего несчастія пѣтухъ, купленный мною, оказался безъ голоса. Представьте себѣ: онъ не поетъ! Судьба меня положительно преслѣдуетъ! И вотъ, когда выведутъ изъ терпѣнія адскимъ шумомъ за стѣною, среди ночи срываюсь съ постели, становлюсь у стѣны возлѣ клѣтки и кричу пѣтухомъ! Вѣдь это ужасно, господа!! Подумайте только! Я, ученый человѣкъ, долженъ кричать пѣтухомъ!!!...

Наконецъ причина бѣшенства аптакаря выяснилась: Курицынъ былъ для аптекаря невыносимымъ сосѣдомъ; въ его квартирѣ, тутъ же за стѣной, въ большой комнатѣ стоялъ рояль, двѣ фисгармоніи, гитара и два граммофона,—и нерѣдко съ утра и до поздней ночи всѣ инструменты, разстроенные, находящіеся въ самомъ плачевномъ состояніи, звенѣли, трещали, кричали на всѣ лады, каждый по своему. Стѣна деревянная, жиденькая, къ несчастью аптекаря, не представляла никакого препятствія проникновенію какофоніи—и эти дикіе звуки густой волной заливали бѣднаго аптекаря, раздражали его слухъ, дѣйствуя убійственно на нервы. Даже раздражали пятки его ногъ, какъ онъ самъ увѣрялъ,—такъ что онъ передъ удивленными покупателями подпрыгивалъ съ ноги на ногу, дѣлая страшныя гримасы отъ мучившей его мигрени.

Несчастный аптекарь неоднократно просилъ своего сосѣда дать ему хотя ночью спокой,—но Курицынъ

смѣялся надъ его заявленіями—и гвалтъ за стѣной не унимался. Тогда бѣдный мученикъ чужого веселья рѣшилъ обратиться съ жалобой къ хозяйкѣ. Для этого случая онъ надѣлъ сюртучную черную пару, украсилъ свою шею бѣлымъ галстукомъ и, подъ видомъ визита, явился къ молодой хозяйкѣ. Засталъ ее въ утреннемъ легкомъ костюмѣ, довольно интересной. Онъ, вообще неравнодушный къ женскому полу, забывъ цѣль своего посѣщенія, наговорилъ тысячу комплиментовъ удивленной барынькѣ, галантно расшаркался и отправился во свояси, проклиная въ душѣ свое малодушіе, непозволительную слабость,—и въ эту же ночь простоялъ около стѣны болѣе часу, крича пѣтухомъ и безжалостно колотя въ неповинную ни въ чемъ стѣну, злобно толкая ногой клѣтку, въ которой сидѣлъ злосчастный и молчаливый пѣтухъ, очевидно, пораженный неподражаемымъ пѣніемъ своего хозяина.

Все это Басмановъ и его товарищи узнали изъ обстоятельнаго разсказа аптекаря, который, приводя въ порядокъ нѣсколько поврежденное „зеркало души“ Басманова, повѣдалъ имъ весьма пространно и съ самыми мелкими подробностями свое горе.

Именинникъ.

I.

Титъ Титычъ сегодня именинникъ. Еще наканунѣ этого торжественнаго дня по всей Пристани разошлась вѣсть, что Титъ Титычъ будетъ принимать съ поздравленіемъ.

Онъ рѣшилъ первый разъ въ жизни отпраздновать именины самымъ торжественнымъ образомъ. Прикинувъ наскоро въ умѣ всѣ расходы, которые придется ему сдѣлать по этому случаю, въ душѣ онъ остался крайне недоволенъ этой новой затѣей. Но онъ далъ слово женѣ, которая настойчиво требовала отъ мужа начать болѣе открытую жизнь, чѣмъ та, какую они вели до сего времени.

Времена круто измѣнились. Его торговому дѣлу явилась серьезная конкуренція со стороны вторгшихся въ его раіонъ новыхъ купцовъ и торговцевъ. Съ новыми условіями приходилось считаться. Покупателя надо ловить, задабривать, а если ожидать, когда онъ явится, какъ это прежде было, то, пожалуй, долго насидишься. До сего времени условія были такого рода, что всѣ въ немъ нуждались, и онъ прекрасно это понималъ и ухаживать за кѣмъ-бы то нибыло ему не приходилось. Съ измѣненіемъ условій пришлось мѣнять свой образъ дѣйствій. И хотя это было не по душѣ, а, главное, не въ характерѣ Титъ Титыча, но дѣлать было нечего, приходилось покориться этой необходимости.

Съ утра ворота усадьбы Титъ Титыча были широко и гостепріимно открыты. На дворѣ и въ домѣ замѣтно было особенное, непривычное оживленіе. Многіе, болѣе нетерпѣливые гости, съ десяти часовъ утра, одѣвшись

по праздничному, торопились пѣшкомъ и на лошадяхъ къ дому именинника. Но прежде чѣмъ направиться въ комнаты хозяина, они предусмотрительно забѣгали въ магазинъ убѣдиться основательно, что слухъ дѣйствительно вѣренъ. Въ магазинѣ все говорило въ пользу предстоящаго торжества. Въ этотъ день онъ даже выглядѣлъ особенно привѣтливо. Приказчики подтянулись, сбросили съ себя обычную сонливость и равнодушіе, на лицахъ ихъ игралъ отпечатокъ шаловливо-радостного чувства, колыхавшаго ихъ душу. Они бодро суетились за прилавкомъ, съ похвальной любезностью и предусмотрительностью обращались съ покупателями и, поминутно подбѣгая другъ къ другу, игриво перешептывались, при этомъ подмигивая и прищелкивая пальцами. Повидимому, въ десятый разъ мѣнялись между собою впечатлѣніями сегодняшняго утра, именно той минуты, когда, до открытія магазина, всей гурьбой направились въ домъ Титъ Титыча поздравить дорогого именинника и вручить ему подарокъ въ знакъ преданности и глубокаго уваженія. Титъ Титычъ былъ тронутъ такимъ расположеніемъ, благодарилъ за вниманіе и тутъ же далъ распоряженіе довѣренному по магазину, закрыть торговлю въ двѣнадцать часовъ, а всѣхъ служащихъ просилъ пожаловать откушать пирога.

Домъ былъ полонъ гостей, когда къ крыльцу его подъѣхалъ Акакій Акакіевичъ съ Вездѣпоспѣловымъ на его парѣ сѣрыхъ бойкихъ коней, запряженныхъ въ роскошные сани съ медвѣжьей полостью. Въ передней встрѣтилъ ихъ самъ хозяинъ. Вездѣпоспѣловъ, снимая калоши, почему то нашелъ нужнымъ извиниться, что ему пришлось опоздать. Онъ хотѣлъ прежде всѣхъ явиться къ имениннику и привѣтствовать съ торжественнымъ днемъ его ангела, но въ тотъ моментъ, когда онъ собрался надѣть шубу и сѣсть въ сани, ему подали телеграмму изъ Лондона на англійскомъ языкѣ отъ правленія крупнаго синдиката капиталистовъ, желающаго купить его пріиски.

— Представьте, Титъ Титычъ, телеграмма срочная съ отвѣтомъ!! Пришлось немедленно перевести и на-

писать отвѣтъ. Переводъ задержалъ. Въ особенности одна фраза долго не давалась. Нужно было прибѣгнуть къ словарю. А дѣло, знаете, налаживается, совсѣмъ налаживается. Милліонъ! милліонъ двѣсти тысячъ получу за свою гору! Богатое рудное золото! Вчера получилъ по телеграфу свѣдѣніе о результатѣ анализа. Сумасшедшее содержаніе! Дикое, положительно дикое! Только въ Трансваалѣ можетъ что нибудь подобное повториться. Ну, да что объ дѣлахъ... съ днемъ ангела, Титъ Титычъ! сердечно поздравляю и желаю вамъ наилучшаго въ вашихъ начинаніяхъ,—закончилъ свою тираду Вездѣпоспѣловъ, треся косматую руку Титъ Титыча.

Поросенковъ буквально былъ озадаченъ поведеніемъ своего товарища. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ Вездѣпоспѣлова въ восемь часовъ утра на улицѣ, былъ приглашенъ имъ въ домъ къ утреннему чаю и до настоящей минуты не разлучался. Никакой телеграммы Степанъ Владиміровичъ изъ Лондона не получалъ и никакого отвѣта писать ему не приходилось. Дѣйствительно, случилось обстоятельство, которое помѣшало имъ выѣхать ранѣе, но это былъ не синдикатъ лондонскихъ капиталистовъ, какъ объяснилъ Вездѣпоспѣловъ, а совершенно другое дѣло, чисто мѣстнаго характера. Въ то время, когда они собрались сѣсть въ сани, чтобы ѣхать къ Титъ Титычу, явилась артель оборванныхъ жалкихъ китайцевъ, настойчиво требовавшихъ разсчета. Китайцы въ рѣзкой формѣ обвиняли Вездѣпоспѣлова въ обманѣ.

— Твоя обмани есть! обмани... твоя люди худой. Машинка*) твоя!...—вопили яростно китайцы.—Твоя нанимай, говори тин-цза**) два бумажка половиной, а сейчасъ расчитай—тин-цза только рубль двадцать копѣекъ. Это какъ твоя дѣлай? твоя совсѣмъ машинка, худой люди! Твоя думай—наша понимай нѣту. Наша хорошо понимай! Наша ходи мирошка***).... Твоя деньги плати!

*) Мошенникъ.
**) Тин-цза—золото; рѣчь идетъ объ одномъ золотникѣ.
***) Мирошка—мировой судья.

—ораторствовалъ молодой бойкій артельщикъ, а остальные зловѣще шипѣли, стараясь, повидимому, этимъ звукомъ выразить свое негодованіе.

Вездѣпоспѣловъ не растерялся. Онъ грубо гналъ ихъ со двора, грозилъ послать за полиціей, если они не уймутся. Китайцы, шумя на непонятномъ языкѣ, обступили сани. Кони фыркали, рвались.

— Садись скорѣе, Акакій Акакіевичъ,—торопилъ его Вездѣпоспѣловъ, расталкивая китайцевъ.

Поросенковъ вскочилъ въ сани, затѣмъ усѣлся самъ хозяинъ. Кучеръ ударилъ коренника. Кони, напуганные непривычнымъ шумомъ, сразу рванули, ударивъ артельщика оглоблей въ плечо и далеко его отбросивъ, остальные китайцы въ ужасѣ разбѣжались по двору,—и Вездѣпоспѣловъ торжественно выѣхалъ на улицу. Таково было дѣйствительное обстоятельство, задержавшее ихъ пріѣздъ.

— „Откуда же эта телеграмма лондонскаго синдиката? Ничего не понимаю. Ну и народъ! и какъ скоро сочинилъ“,—думалъ Акакій Акакіевичъ, входя въ гостинную, переполненную гостями.

Посторонній наблюдатель, случайно явившійся въ домъ Титъ Титыча въ эту торжественную минуту, прислушиваясь къ краснорѣчивымъ изліяніямъ добрыхъ пожеланій по адресу именинника и всматриваясь въ радостныя и веселыя лица гостей, пришелъ бы къ неминуемому заключенію, что вся эта толпа людей разныхъ профессій и разныхъ положеній, забывъ всѣ свои дѣла и заботы, воодушевленная общимъ чувствомъ глубокаго уваженія, явилась сюда, чтобы почтить день ангела всѣми уважаемаго человѣка. Столько правды, чистосердечности и добродушнаго расположенія виднѣлось на лицѣ каждаго, обращающагося къ виновнику настоящаго торжества, что неопытный наблюдатель, недостаточно изучившій людскую породу въ разныхъ ея видахъ, пришелъ-бы, конечно, въ умилительный восторгъ отъ этой великой любви и дружбы, широкой, бурной волной разлившейся по обширнымъ комнатамъ большого дома именинника. Минутами волна всеобщаго восторга

какъ-то особенно вздымалась. Бокалы съ шампанскимъ высоко поднимались, гости толпились, толкая другъ друга, стараясь пробраться къ Титъ Титычу, чтобы имѣть счастіе чокнуться съ его бокаломъ. Не какъ нибудь чокнуться,—а съ чувствомъ, съ толкомъ, чтобы Титъ Титычъ замѣтилъ это чувство.

— Ура!.. за здоровье дорогого нашего именинника! урррра!!!—гремѣли неистово десятки голосовъ и въ этомъ всеобщемъ гамѣ рѣзко выдѣлялись пискливые голоса дамъ, старающихся почему-то показать свое особое усердіе. Музыка мѣстнаго оркестра—двѣ скрипки, контрабасъ и гармонія, помѣщающаяся въ передней, внезапно заиграла тушъ, покрывая густыми низкими звуками невообразимый шумъ голосовъ возбужденныхъ гостей. Титъ Титычъ улыбался, торопясь чокаться съ тянувшимися къ нему со всѣхъ сторонъ бакалами.

Поросенковъ, пристроившись въ сторонѣ около печки, наблюдалъ своеобразную картину всеобщаго восторга. Почти все собравшееся здѣсь общество, за исключеніемъ немногихъ, было ему хорошо знакомо. Про многихъ онъ зналъ уже нѣсколько пикантныхъ анекдотовъ. Біографіи нѣкоторыхъ присутствующихъ были ему доподлинно извѣстны. Ежедневно знакомясь съ новыми лицами, отъ нихъ онъ узнавалъ частныя мелкія подробности относительно другихъ. И свѣдѣнія эти передавались какъ-то невольно, безъ видимаго злословія,—просто и естественно.

Вообще, прислушиваясь и присматриваясь внимательно ко всему, что происходило около него съ перваго дня его появленія на Зейской Пристани, Поросенковъ пришелъ къ тому заключенію, что общества здѣсь никакого нѣтъ,—т. е. общества въ смыслѣ солидарной группы людей съ опредѣленными нравственными принципами, съ извѣстными выработанными традиціями, съ общими интересами и задачами.

Конечно, задачъ и интересовъ общихъ много, но всѣ эти задачи, всѣ эти общественные вопросы стоятъ открытыми, въ виду отсутствія солидарности и единодушія.

Среди своихъ новыхъ знакомыхъ Поросенкову рѣзко бросилось въ глаза чувство враждебности и недоброжелательности другъ къ другу. Каждый изъ нихъ съ особымъ удовольствіемъ пользовался случаемъ поглумиться надъ своимъ ближнимъ, былъ радъ чужому несчастію, чужой бѣдѣ. А между тѣмъ, по внѣшнему виду, это было общество людей, какъ будто, вполнѣ приличныхъ, солидарныхъ, готовыхъ поддержать другъ друга. Но стоило только явиться случаю для проявленія общей симпатіи, какъ сейчасъ обнаруживалась полная индиферентность и враждебность.

Удивительное, даже на первый взглядъ совсѣмъ непонятное, явленіе: казалось бы, что золотой промыселъ, по существу своему, долженъ-бы сближать людей, воспитывать въ нихъ широкую круговую солидарность, такъ какъ въ основѣ своей промыселъ этотъ не содержитъ въ себѣ рѣшительно никакихъ антагоническихъ началъ. Въ немъ не можетъ быть мѣста соревнованію, въ смыслѣ конкуренціи. Золото есть товаръ, который всегда имѣетъ свою опредѣленную цѣну, и цѣна эта нисколько не зависитъ отъ количества. Успѣхъ одного, въ смыслѣ богатой добычи этого металла, ни въ какомъ случаѣ не можетъ вредно отозваться на дѣлахъ сосѣда. Съ этой стороны золотой промыселъ особнякомъ стоитъ отъ остального промышленнаго міра, гдѣ изобрѣтательность лихорадочно, нервно работаетъ въ поступательномъ движеніи прогресса, ломая и разрушая старыя формы производства, на почвѣ жестокой борьбы и безжалостной холодной конкуренціи. Въ золотомъ промыслѣ не можетъ быть излишка производства, который нерѣдко случается въ другихъ отрасляхъ промышленности и вызываетъ часто крупные экономическіе кризисы. Такой особенностью золотого промысла объясняется отсталость пріемовъ и примитивность способовъ добычи этого металла.

Во взаимномъ пониманіи не было недостатка среди гостей, собравшихся къ Титъ Титычу. Самъ хозяинъ, любезно улыбаясь и отвѣчая на сердечныя, повидимому, симпатіи со стороны своихъ гостей, прекрасно зналъ

настоящую имъ цѣну. Заблужденіе на этотъ счетъ ни на одну минуту не затемняло его яснаго сознанія.

— „Знаю, знаю господа, — думалъ онъ въ душѣ, — на сколько вы мнѣ желаете добра и какъ понимать вашу искренность. Чортъ съ вами, наплевать, какъ вы тамъ обо мнѣ думаете. А всетаки вы собрались и кривляетесь, стараясь почему то убѣдить меня въ вашемъ расположеніи, которому я на грошъ не вѣрю.

И гости, такъ единодушно собравшіеся къ купцу, нахально лгали ему въ глаза, ни на минуту не сомнѣваясь въ томъ, что Титъ Титычъ нисколько не ззблуждается относительно искренности ихъ чувствъ. Но эта ложь, эта фальшь какъ-то удивительно уживалась въ этомъ обществѣ. Она нисколько не мѣшала взаимнымъ отношеніямъ, — напротивъ, она дополняла эти отношенія, придавая имъ какой-то особый острый характеръ. Не будь этого скрытаго, замаскированнаго разлада и люди эти безусловно искусали бы другъ друга, отъ снѣдающей ихъ скуки и мертваго, неподвижнаго однообразія. Нося въ сердцахъ этотъ мелкій разладъ, они въ немъ находили неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ пересудовъ.

Поросенковъ держалъ себя осторожно, никому особенно не довѣряясь, — онъ со всѣми былъ простъ и одинаковъ. За эти два-три мѣсяца, которые онъ прожилъ на Зейской Пристани, ему уже наклевывалось нѣсколько дѣлишекъ, онъ получилъ нѣсколько предложеній, вступить въ вѣрныя и прибыльныя дѣла (невѣрныхъ и убыточныхъ дѣлъ здѣсь вовсе не было).

На мѣстное общество онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе, въ особенности дамы обратили на него особенное вниманіе. Анна Варфоломеевна изъ высшей, мѣстной аристократіи, задававшая тонъ въ обществѣ, дама бальзаковскаго возраста, успѣла уже подобрать милаго Акакія Акакіевича, или просто „Акашу“, — какъ она его называла, подъ свое теплое крылышко съ невинной цѣлью позабавиться. Ея сорокъ лѣтъ и здоровая, сохранившаяся внѣшность, при болѣзненномъ мужѣ и отсутствіи дѣтей, нерѣдко толкали её на весьма рискованныя

предпріятія, но Анна Варфоломеевна умѣла лавировать, удачно минуя опасную Сциллу и Харибду, ловя короткія минуты нѣжныхъ восторговъ, оставляющихъ легкую и незамѣтную почти зыбь на ея безупречной репутаціи.

— Смотрите, смотрите, Пульхерія Прохоровна! куда нашъ скромникъ забрался,—аттаковала внезапно Анна Варфоломеевна Поросенкова, подходя къ нему съ женой богатаго золотопромышленника и грозя ему вѣеромъ.

— Будетъ вамъ невинность разыгрывать, пойдемъ къ столу, выпьемъ съ вами наливки, — отъ шампанскаго меня уже тошнить стало. Бѣда моя — никакъ не могу къ нему привыкнуть,—и Пульхерія Прохоровна энергичнымъ движеніемъ, подхвативъ Акакія Акакіевича подъ руку, увела его въ столовую.

Подали пирогъ, даже не одинъ, а три съ разной начинкой. Гости съ шумомъ двинулись въ столовую къ грудѣ тарелокъ и вооружились ими, пошли приступомъ къ дымящимся пирогамъ, спѣша и толкая другъ друга. Хозяйка торопливо раскладывала полновѣсные куски пирога на тарелки, но многіе, не дожидая очереди, саморучно спѣшили захватить свои порціи, и расходились по разнымъ угламъ, стараясь найти себѣ мѣсто.

— Графинчикъ!... графинчикъ захвати съ водкой, Степанъ Владиміровичъ! обратился кто-то къ Вездѣпоспѣлову, устраивая себѣ мѣсто около піанино на кругломъ столикѣ, съ котораго онъ предварительно снялъ ноты.

— А, докторъ! добрѣйшій докторъ! къ намъ пробирайся.... мѣсто найдется, зоветъ Павелъ Петровичъ молодого брюнета—доктора, остановившагося среди комнаты съ тарелкой въ одной рукѣ и со стаканомъ бульона въ другой.

Всѣ усѣлись. Началась ѣда. Ѣдятъ въ столовой, ѣдятъ въ кабинетѣ, въ гостинной, въ спальнѣ. Всѣ торопятся, спѣшатъ. Всѣмъ хочется скорѣе насытиться и приняться за карты. Нѣсколько человѣкъ интересуются составится-ли ландскнехтъ?

Въ гостинную, гдѣ всего больше народа, входитъ Иванъ Петровичъ Гармоньщиковъ. Этотъ полуграмотный госпо-

динъ, любилъ разыгрывать оригинала, — и для этого обыкновенно заберется подъ стулъ и кричитъ пѣтухомъ, думая, что этимъ онъ страшно похожъ на Суворова. Гармонщиковъ раньше былъ нарядчикомъ, но затѣмъ сдѣлалъ случайно открытіе богатой розсыпи, за что выговорилъ себѣ участіе и попудныя деньги Титъ Титычъ успѣлъ участіе Гармонщикова перевести на себя, заплативъ ему старымъ завалящимся товаромъ.

— Господа, прошу замолчать! прошу слова! хочу рѣчь сказать нашему дорогому, почтенному имениннику! Титъ Титычъ, да гдѣ же ты, чортъ возьми!... реветъ пьяный Иванъ Петровичъ,—а вотъ!... такъ вотъ, господа, вѣдь не поля насъ насѣяны!... поздравляю васъ, Титъ Титычъ, отъ всего общества и желаю вамъ всегда имѣть въ вашемъ домѣ такихъ дорогихъ гостей, какіе собрались въ сей торжественный день!... вѣдь не поля насъ насѣяны! не рощи насажены!... выкрикиваетъ пьяный Гармонщиковъ свои любимыя поговорки. — Вспомните Титъ Титычъ, кѣмъ вы были, когда вы начали вашу жизнь!... а теперь вы что?... вы персона, да! вы теперь знатная особа!... кто васъ сдѣлалъ этой персоной? а ну-ка, Титъ Титычъ, шевельните вашимъ безпредѣльнымъ и всепокоряющимъ умомъ и отвѣтьте: кто васъ сдѣлалъ важной персоной?... къ примѣру сказать, если-бы вы попали въ стадо свиней... Я вѣдь такъ, только къ примѣру, обижаться тутъ нечего, — такъ вотъ... и вы-бы тамъ тоже хорошо устроились, и вы-бы, конечно, были тамъ, т. е. на свиномъ дворѣ, самой толстой, самой жирной свиньей, — ну и только!... Но вы попали въ наше общество, въ общество благородныхъ людей... не рощи насъ насажены!... и это мы васъ вскормили и вспоили —и мы теперь съ гордостью на васъ смотримъ, потому что вы наше дѣтище. Десятки лѣтъ мы трудились, мы и теперь трудимся и мы видимъ, что наши труды не пропали даромъ... умирая, мы дѣткамъ своимъ закажемъ, чтобы они продолжали наше дѣло и вскармливали васъ такъ-же добросовѣстно, какъ ихъ отцы это дѣлали, потому что безъ Титычей никакъ нельзя въ этой жизни... Ур-р-р-а-а-а!... Это „ура“ подхватили всѣ присутству

ющіе; получилось что-то невѣроятное. Многіе неистово стучали ногами. Иванъ Петровичъ, выпивъ залпомъ вино, бокалъ съ силой бросилъ объ полъ; затѣмъ, должно быть отъ избытка чувствъ, онъ ловкимъ манеромъ забрался подъ столъ и прокричалъ пѣтухомъ. Голосъ пѣтуха былъ до того вѣрно переданъ, что многіе въ недоумѣніи оглянулись и, увидавъ выкинутый Гармонщиковымъ фортель, разразились хохотомъ.

Не успѣлъ еще Иванъ Петровичъ выбраться изъ подъ стола, какъ въ комнату влетѣлъ, словно бомба, Алеша Бормота, или Алексѣй Ивановичъ, старый спившійся, выжившій изъ ума рабочій Энской компаніи. Онъ много лѣтъ былъ истопникомъ въ домѣ главнаго управляющаго, а въ настоящее время состоитъ пенсіонеромъ компаніи, получая отъ нее жалованіе и числясь сторожемъ при больницѣ. Въ старыхъ, истоптанныхъ пимахъ, въ ватномъ пальто, изъ дыръ котораго во многихъ мѣстахъ торчала грязная вата, подпоясанный веревкой, съ копной сѣдыхъ волосъ на головѣ и такой-же всклокоченной бородой, немытый и нечесанный, онъ представлялъ собою странное грязное пятно на фонѣ черныхъ фраковъ, сюртуковъ, бѣлыхъ галстуховъ, чисто выбритыхъ и вымытыхъ лицъ присутствующихъ гостей.

— Ты что-же подъ столъ забрался,—вотъ чудакъ!— обратился Алеша къ Ивану Петровичу, — но послѣдній успѣлъ уже вскочить и, схвативъ Алешу за фалды драповаго пальто, сталъ неистово крутить вокругъ себя по комнатѣ. А затѣмъ, закрутивъ его достаточно, выпустилъ фалды и несчастный, потерявъ равновѣсіе, грохнулся около піанино, опрокидывая столикъ, за которымъ сидѣлъ Вездѣпоспѣловъ.

II.

Было три часа ночи. Большая часть гостей успѣла уже разойтись. Остались одни игроки.

Въ гостинной за двумя столами расположились исключительно дамы. Занявъ свои мѣста съ двѣнадцати часовъ дня, онѣ просидѣли слишкомъ полсутокъ и

на ихъ изнуренныхъ, усталыхъ лицахъ трудно было замѣтить желаніе кончить игру и разойтись по домамъ.

Наталія Алексѣевна Перепелицина жена, довѣреннаго, находящагося въ данное время въ поисковой партіи, съ желтымъ, измученнымъ отъ безсонныхъ ночей, лицомъ, нервно раздавала карты, когда къ стулу ея подошла заспанная Нюта—дѣвочка одиннадцати лѣтъ, ея старшая дочь.

— Мама, когда-же домой?.... Колю давно кормить пора,—сказала она робко, нагнувшись черезъ спинку стула къ правому уху матери.

— Безъ тебя знаю. Нечего мнѣ напоминать. Сядь на диванъ и дожидай, когда тебя позовутъ.

— Что козыри, Наталія Алексѣевна? рѣзко спросила Елизавета Петровна—пожилая дама, страстная стуколщица, повидимому недовольная постороннимъ разговоромъ.

— Бубны, я уже сказала. Сколько же разъ прикажете повторять,—и она уставила сердитые глаза въ лицо сосѣдки.—Что же, стучите или нѣтъ? не задерживайте.

— Безъ меня.

— Давно бы такъ!

Разыгрывался ремизъ Наталіи Алексѣевны въ нѣсколько десятковъ рублей и нѣтъ ничего удивительнаго, что она была не въ духѣ. Ей послѣднее время страшно не везло. Она пробовала бросать стуколку и нѣкоторое время играла въ кунгуръ. Но, проигравъ наканунѣ именинъ Титъ Титыча въ домѣ начальника почтовой конторы большую сумму въ кунгуръ и притомъ задолжавъ многимъ, Перепелицина возненавидѣла кунгуръ и поклялась никогда больше не измѣнять стуколкѣ. Но въ этотъ вечеръ ей особенно не везло. Она уже въ сотый разъ перекладывала платокъ съ лѣвой стороны стула на правый, на которомъ сидѣла. Прятала деньги въ сумку, то опять ихъ вынимала, закрывала подсвѣчникомъ, пепельницей или папиросницей, но всѣ эти мѣры рѣшительно ни къ чмеу не вели и деньги таяли у нейна глазахъ. Она уже кое у кого

изъ мужчинъ успѣла перехватить и, размѣнявъ послѣднюю занятую сотню, лихорадочно соображала: у кого же еще занять? Наконецъ, въ головѣ ея блеснула геніальная мысль. Это непремѣнно поможетъ! Счастіе перемѣнится и она, конечно, отыграется и вернетъ весь свой проигрышъ.

— Нюта! бери стулъ, садись около меня, да ближе! держи сумку; на столѣ ей нѣтъ мѣста. И затолкавъ деньги въ кожанную сумку, сунула ее въ рученки заспанной дѣвочки.—„Изъ дѣтскихъ рукъ, пожалуй, не такъ скоро уйдутъ",—подумала Наталія Алексѣевна, и побѣдоноснымъ взглядомъ окинула играющихъ.

— Намъ оказывается съ вами только приходится разыгрывать. Ну, ходите, Наталія Алексѣевна, отстаивайте вашъ ремизъ. Обратилась къ ней Елизавета Петровна,—и въ голосѣ ея прозвучала язвительная нотка.

Перепелицина нервно подергивала карты; у ней была дама съ валетомъ козырей и третья посторонней масти. Наконецъ, она выбросила на столъ постороннюю. Елизавета Петровна торжественно покрыла малымъ козыремъ и открыла туза съ королемъ. Перепилицина, не ожидая такого „пассажа", подпрыгнула на стулѣ и ноги ея невольно заплясали подъ столомъ.

— Иди на диванъ, говорю тебѣ, мерзкая дѣвченка и жди когда позовутъ!—И она вырвала изъ руки Нюты сумку съ деньгами.

Нюта широко открыла сонные глаза и, съ удивленіемъ взглянувъ на мать, тихо отошла и усѣлась на прежнемъ мѣстѣ.

— Возьмите ваши пятьдесятъ пять рублей.

— А гдѣ же еще пять? Съ васъ шестьдесятъ слѣдуетъ,—возразила Елизавета Петровна.

— А вы забыли? Пять то рублей мнѣ задолжали у исправника, на встрѣчѣ новаго года. Такъ до сихъ поръ и молчите о нихъ. Гдѣ же вамъ помнить!

— Да что вы, Наталія Алексѣевна! Я ихъ вамъ на Пасхѣ отдала. У доктора мы тогда съ вами играли.

— Тѣ пять рублей, которые на Пасху... То опять другой счетъ. А у исправника? У исправника пять руб-

лей вы задолжали. Думаете я объ нихъ забыла! Вы всегда разсчитывали на забывчивость. И обѣ дамы встали, нахохлились и, стоя уже, начали осыпать себя взаимно всевозможными упреками. А въ матеріалѣ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны недостатка не было. Мужья ихъ около двѣнадцати лѣтъ служили въ одной компаніи и женамъ нерѣдко приходилось жить на одномъ стану. Одно время онѣ были въ большой дружбѣ. Одна безъ другой жить не могла. Ихъ сблизила и соединила общая страсть къ сплетнямъ. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онѣ находились въ страшной и непримиримой враждѣ, хотя эта вражда не мѣшала имъ проводить ночи вмѣстѣ за игрой въ стуколку, гдѣ онѣ неизбѣжно каждый разъ ссорились. Но въ данномъ случаѣ Наталія Алексѣевна сообразила, что заводить исторію изъ-за такихъ пустяковъ не стоитъ. Игра можетъ разстроиться и она лишится возможности вернуть свой проигрышъ, а потому, раскрывъ поспѣшно сумку, выбросила изъ нея пятирублевую бумажку.

— Берите ваши пять рублей! Вамъ больше нужно. Сдавайте! Кому же сдавать? Вѣдь мой ремизъ идетъ. Наталія Алексѣевна прекрасно знала, что пока ремизъ не разыграется, игру не бросятъ.

— „Боже мой! у кого же денегъ занять!“—думала Перепелицина, обводя всѣхъ глазами. Наконецъ, замѣтивъ въ другой комнатѣ Груздева, она направилась къ нему, твердо рѣшившись прихватить у него сотни три, въ крайности хотя одну. Груздевъ рѣдко кому отказывалъ, тѣмъ болѣе дамамъ, съ которыми онъ всегда велъ какіе-то особенные счеты, и Наталія Алексѣевна съ торжествующимъ видомъ вернулась къ столу и заняла свое мѣсто.

Съ вечера шелъ снѣгъ. Первое время ночной сторожъ аккуратно сметалъ подъѣздъ и тротуаръ около дома Титъ Титыча. Затѣмъ, повидимому, это ему надоѣло, или, можетъ быть, часто заходя на кухню, гдѣ прислуга, пользуясь именинами хозяина, тоже не забывала угощаться, ловко подбирая со стола именинника недопитыя бутылки, не смотря на зоркій глазъ Титъ

Титыча,—и онъ перехватилъ малую толику. Довольно того, что къ двѣнадцати часамъ сторожъ былъ мертвецки пьянъ и мертвецки спалъ у воротъ на скамьѣ, зарывшись въ овчинный тулупъ.

Въ прихожей шумъ и толкотня. Нѣкоторые не могутъ найти своихъ шубъ, другіе растеряли шапки. Наконецъ, послѣдніе гости вышли на широкую, просторную терассу и начали сходить по ступенькамъ съ крыльца. Поросенковъ былъ среди первыхъ. Тутъ, не знаю какъ случилось: толкнулъ-ли его кто, или онъ просто поскользнулся на свѣжемъ снѣгу и полетѣлъ съ верхней ступеньки, неловко подвернувъ подъ себя ногу. Онъ бодро всталъ и, не чувствуя никакой боли, благополучно дошелъ до своей квартиры, улегся и скоро уснулъ. Утромъ проснулся отъ невыносимой боли въ колѣнкѣ. Ощупавъ и осмотрѣвъ колѣно, на немъ онъ замѣтилъ сильную опухоль и зловѣщее багровое пятно. Все это-бы еще ничего, но вся суть въ томъ, что онъ не могъ пошевелить ногою, до того чувствовалась сильная боль при малѣйшемъ ея движеніи.

Пришлось послать за фельдшеромъ. Явившійся вскорѣ фельдшеръ, завѣдующій больницей N-ской компаніи, ничего опаснаго не нашелъ, но призналъ нужнымъ сдѣлать согрѣвающій компрессъ. Была принесена изъ аптеки марля. клеенка, фланель и компрессъ былъ положенъ.

— Теперь вамъ слѣдуетъ лежать и держать ногу попокойнѣе. И съ этими словами фельдшеръ ушелъ.

Въ продолженіи дня нѣсколько человѣкъ знакомыхъ посѣтило злосчастнаго больного. Былъ Басмановъ въ сильно возбужденномъ состояніи. Онъ бранился, ругался, негодуя на своихъ компаніоновъ, которыхъ ему никакъ не удавалось свести въ одно мѣсто, чтобы сообща обсудить положеніе дѣлъ товарищества „Авось вывезетъ“ и вырѣшить вопросъ, что дѣлать дальше. Каждый компаніонъ порознь безусловно съ нимъ соглашался, что необходимо всѣмъ собраться и съ полной готовностью изъявлялъ согласіе явиться къ назначенному часу. Конечно, аккуратнѣе всѣхъ приходилъ самъ Басмановъ, но обыкновенно не находилъ никого изъ своихъ компані-

оновъ, не исключая и самого хозяина, который изъ опасенія, что компаніоны въ самомъ дѣлѣ могутъ собраться, запирался въ спальню, предупредивъ домашнихъ, объяснить Басманову, что долженъ былъ отлучиться изъ дому по весьма важному дѣлу и вернется, должно быть, поздно, а потому проситъ рѣшить всѣ вопросы безъ него.

— Съ кѣмъ же, чортъ ихъ возьми, я рѣшать буду? гремѣлъ Басмановъ и, просидѣвъ въ тщетномъ ожиданіи нѣсколько часовъ въ пустой комнатѣ, уходилъ въ свирѣпомъ настроеніи, не зная на комъ сорвать накипѣвшую злобу.

Поздно вечеромъ забѣжалъ къ больному докторъ Степанъ Александровичъ, слышавшій, что Акакій Акакіевичъ ушибъ ногу и лежитъ въ постели.

— Что съ вами?

— Да вотъ случай, Степанъ Александровичъ.

— А, ну-ка, покажите. Да, у васъ бинтъ, — это хорошо. А вы вотъ что, велите принести льду и все время прикладывайте льдомъ. Самое лучшее льдомъ. Бинтъ само собою, можетъ быть суставъ не на мѣстѣ, а сверху льдомъ. Я вамъ пошлю резиновый пузырь.

Черезъ полчаса принесли пузырь. Пинскій распорядился достать льду и Акакій Акакіевичъ началъ усиленно прикладывать ледъ сверхъ согрѣвающаго компресса. Дѣло въ томъ, что почтенный докторъ не разсмотрѣлъ предательскаго компресса, искусно скрытаго подъ бинтомъ. Ногу стала сводить судорога. Въ продолженіи всей ночи Поросенковъ не могъ сомкнуть глаза.

На слѣдующій день въ десять часовъ утра пріѣхалъ къ Акакію Акакіевичу отдать визитъ Ипполитъ Александровичъ Зотинъ, управляющій пріисками N-ской золотопромышленной компаніи, которому Поросенковъ, благодаря своей сдержанности, очень понравился. Кромѣ того Ипполитъ Александровичъ — артистъ въ душѣ и охотникъ устраивать любительскіе спектакли, намѣтилъ уже Акакію Акакіевичу какую-то роль въ одной изъ комедій Островскаго, которую онъ намѣренъ былъ поставить на Зейской пристани въ пользу Пушкинской школы. Къ слову сказать, школа эта, не смотря на спек-

такли и вечера, устраиваемые для ея осуществленія въ продолженіи нѣсколькихъ уже лѣтъ, все еще не могла устроиться. Дѣло объ ней завелось большое, объемистое и въ теченіе долгаго времени вопросъ о школѣ никакъ не можетъ выбраться изъ бумажнаго фазиса и начать болѣе реальную форму своего существованія.

Ипполитъ Александровичъ внимательно выслушалъ разсказъ Акакія Акакіевича относительно случая съ ногою,—и узнавъ, что одинъ лечитъ согрѣвающимъ компрессомъ, а другой сверхъ компресса велитъ прикладывать ледъ къ ногѣ, страшно возмутился.

— Ну, вотъ! шарлатаны, мальчишки! Ну, вотъ вамъ нашъ докторъ! Ледъ вздумалъ прикладывать, и не посмотрѣлъ даже, что тамъ компрессъ лежитъ! Да что же это такое! Ему только въ карты играть и за чужими женами волочиться! Плюньте вы на нихъ! Ну при чемъ тутъ ледъ?.... Я вамъ пошлю мазь, прекрасная мазь! У меня на пріискахъ лошадей лечатъ этой мазью. Прекрасное средство! Черезъ три дня встанете. Да какое черезъ три дня! Сегодня же почувствуете облегченіе.

И дѣйствительно, черезъ часъ на тѣхъ же лошадяхъ пріѣхала къ Акакію Акакіевичу Екатерина Николаевна массажистка, она-же и акушерка, служащая на N—ской компаніи, по порученію Ипполита Александровича съ конской мазью, оказать немедленное содѣйствіе больному.

— Вотъ уже никакъ не ожидала, Акакій Акакіевичъ, что мнѣ васъ лечить прійдется! весело заговорила Екатерина Николаевна—молодая бойкая барышня, недавно пріѣхавшая изъ Петербурга, гдѣ она получила спеціальное образованіе.

— Показывайте вашу ногу, не стѣсняйтесь! Я полагаю вы не изъ тѣхъ стыдливыхъ въ родѣ прекрасной Маріи Бургундской, которая умерла вслѣдствіе того, что не позволила хирургу осмотрѣть рану, или какъ нѣкая дѣвица, которой пришлось вскрыть артерію сквозь чулокъ.

— Да что вы, Екатерина Николаевна! Да какъ же можно! нога, положимъ, болитъ, но опаснаго рѣшительно ничего нѣтъ. Ну, посудите сами, стоитъ ли вамъ для такихъ пустяковъ безпокоиться.

— Полно Лазаря строить! нечего мнѣ судить. Вы смотрите на меня, какъ на доктора, который можетъ принести вамъ извѣстную пользу, да кромѣ того чудная мазь! Она многихъ лошадей излечила. Ха-ха-ха... Вѣдь такъ кажется вамъ объяснили? Нѣтъ, шутки въ сторону, но меня послалъ къ вамъ Ипполитъ Александровичъ—и я ослушаться его никакъ не могу. Велѣно натереть вашу ногу и я должена это сдѣлать. Ну, давайте вашу противную ногу.

— Да, вы ее льдомъ охлаждаете! Значитъ васъ еще кто-то лечитъ.

— Докторъ Степанъ Александровичъ.

— Счастливчикъ вы, Акакій Акакіевичъ! не успѣли пріѣхать, а сколько вамъ уже вниманія оказываютъ. А это что?... бинтъ какой-то?... Боже мой! да у васъ компрессъ. Ледъ и компрессъ!.. Неужели все это докторъ?

— Компрессъ сдѣлалъ мнѣ фельдшеръ больничный.

— Ха-ха-ха... не могу... не могу... отпустите ради Бога, Акакій Акакіевичъ! ха-ха-ха... да что жъ это такое въ самомъ дѣлѣ?... Еще не хватаетъ нашего пріисковаго врача!... Онъ обязательно прописалъ бы вамъ успокоительныя капли,—и Екатерина Николаевна, откинувъ голову на спинку стула, залилась звонкимъ заразительнымъ смѣхомъ.

Поросенковъ, забывъ про нестерпимую боль въ ногѣ, хохоталъ отъ души вмѣстѣ съ ней.

— Ну, будетъ этого веселья; шутки въ сторону, а вы должно быть сильно страдаете, я это вижу по вашему лицу. Вы ужасно измѣнились. Мазь эту мы, конечно, отставимъ въ сторону, пусть она лошадей исцѣляетъ, а что касается компресса и льда, то во всякомъ случаѣ не одновременно же ими пользоваться. Я со своей стороны нахожу нужнымъ и весьма полезнымъ массажъ въ данномъ случаѣ и каждый день буду пріѣзжать и массажировать вашу ногу. Только, конечно, постараюсь не встрѣтиться ни съ докторомъ, ни съ фельдшеромъ. А если пріѣдетъ къ вамъ Ипполитъ Александровичъ, то, само собой разумѣется, вы ему выскажете искреннюю благодарность за мазь, отъ которой вы почувство-

вали нежданное облегченіе. Эта невинная ложь можетъ оказать вамъ въ будущемъ большія услуги. Зотинъ, не смотря на свои странности, человѣкъ съ большимъ вѣсомъ въ здѣшнихъ дѣлахъ, и если вы желаете успѣха въ нашей тайгѣ, то безусловно должны дорожить его расположеніемъ. А этотъ случай съ ногой, гдѣ онъ можетъ примѣнить свою мазь, облегчитъ вамъ путь къ его расположенію. Вы, я вижу, человѣкъ не глупый и сумѣете воспользоваться этими пустячками. А заручиться вниманіемъ сильныхъ никогда не мѣшаетъ. Счастливчикъ вы, право, Акакій Акакіевичъ! У насъ въ больницѣ десятки больныхъ, между которыми есть даже очень тяжелые; они нерѣдко тщетно ждутъ кого нибудь изъ насъ по цѣлымъ суткамъ; а вы не успѣли заболѣть и четыре врача торопятся одинъ передъ другимъ вылѣчить васъ и каждый со своимъ спеціальнымъ средствомъ. Но, первый сеансъ оконченъ, а теперь спѣшу къ Аннѣ Варфоломеевнѣ. Она уже знаетъ, что вы ушиблись и страшно безпокоится.—„Ну, говори, какъ Акаша?".—она меня первымъ дѣломъ спросить. Право, вы счастливчикъ, Акакій Акакіевичъ! Черезъ часъ будетъ у васъ фельдшеръ, вы ему ни-ни про мои массажи. А вечеромъ, по всей вѣроятности, будетъ и Степанъ Александровичъ. Къ его пріѣзду побольше льду припасите. У насъ, у врачей, ужасное самолюбіе; это наше самолюбіе истинный бичъ для больныхъ. Часто бываетъ, что не понявъ болѣзни, назначаемъ лѣкарство и ни за что не измѣнимъ первоначальнаго назначенія, тѣмъ болѣе, если товарищъ обнаружитъ нашу ошибку; въ душѣ, конечно, сознаемъ, что ошиблись, но изъ самолюбія ни за что не измѣнимъ. Тутъ какая-то особая этика, истиннаго смысла которой я никакъ не могу доискаться. Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ сейчасъ нашего пріисковаго доктора! Непремѣнно валерьяновыя капли далъ бы вамъ, чтобы вы спокойнѣе спали. До свиданія, удивительный паціентъ! А мазь все-таки на видномъ мѣстѣ поставьте. Ничего, если Степанъ Александровичъ увидитъ ее. Передъ этой мазью и онъ спасуетъ. Зотинъ все-таки сильный человѣкъ и многое

можетъ, а нашъ добрѣйшій докторъ, хотя и молодой еще, но хорошо знаетъ, что покровительство сильныхъ не послѣдняя вещь для человѣка, хотя бы даже и съ докторскимъ дипломомъ. Будьте здоровы,—и съ этими словами Екатерина Николаевна, весело улыбнувшись больному, выпорхнула изъ его скромнаго номера, оставивъ послѣ себя легкій запахъ тонкихъ духовъ.

По зимовьямъ.

I.

Иванъ Иванычъ Незѣвайкинъ только вчера пріѣхалъ съ пріиска. Онъ имѣлъ обыкновеніе останавливаться у Пинскаго.

Плотный, средняго роста, неопредѣленныхъ лѣтъ господинъ, онъ ранѣе, до занятія золотопромышленностью былъ базарнымъ торговцемъ въ городѣ N, гдѣ дѣла его шли блестяще. Покровительствуемый однимъ изъ патроновъ довольно крупной торговой фирмы, онъ пользовался по мѣрѣ надобности кредитомъ въ магазинахъ фирмы и недурно обдѣлывалъ свои дѣлишки. Лавка его, расположенная на бойкомъ мѣстѣ около городскихъ вѣсовъ, притягивала разнообразіемъ и умѣлымъ подборомъ товаровъ простоватыхъ мужиковъ, привозившихъ зерна на продажу въ городъ.

Распространившаяся золотая лихорадка не обошла и его.

Незѣвайкинъ смѣтилъ, что на золотомъ дѣлѣ онъ— такой ловкій и юркій дѣлецъ, можетъ въ годъ заработать больше того, что дастъ ему базарная торговля за всю жизнь при всей его изворотливости и умѣньи вести дѣла. А потому, не долго думая, ликвидировалъ торговое дѣло и, переведя товаръ на деньги, направилъ ихъ въ золотопромышленность. Но ему какъ-то сразу не повезло, должно быть не въ удачный часъ онъ задумалъ новое предпріятіе. Компаніонъ его, которому принадлежалъ пріискъ, не хотѣлъ даваться ему въ руки и Незѣвайкинъ никакъ не могъ повернуть дѣло такъ, какъ ему это лично хотѣлось. Пошли нелады, дѣло дошло до суда и было рѣшено все-таки въ пользу Незѣвайкина.

Сдѣлавшись единственнымъ хозяиномъ пріиска, Незѣвайкинъ рѣшилъ поставить дѣло на широкую ногу. Но изъ базарнаго торговца, какъ показало время, не скоро выходитъ хорошій золотопромышленникъ. А къ тому же, благодаря тяжбѣ, первоначальный капиталъ его изсякъ. Пришлось трудненько. Незѣвайкинъ прибѣгъ къ залогу своей недвижимости, находившейся въ городѣ. Къ счастью его, въ это время появились кредитные, земельные банки и залогъ, благодаря умѣлымъ дѣльцамъ, быстро былъ обдѣланъ. Къ тому же и рѣшеніе суда, по которому пріискъ переходилъ въ его руки, подняло его кредитъ. Ужъ одинъ фактъ, что пріискъ сдѣлался объектомъ судебнаго разбирательства, внушило довѣріе къ его полной благонадежности.

Кто же будетъ оспаривать пустую площадь?

Покровительствующій ему патронъ богатой фирмы открылъ кредитъ большой, не по базарному. Банки, признавъ вдругъ его подпись благонадежной, тоже широко открыли ему свои двери. И Незѣвайкинъ, которому счастіе развернуло свои теплыя объятія, вошелъ въ моду, передъ нимъ заискивали. Даже дамы, обладающія болѣзненно развитымъ вкусомъ къ изящнымъ нарядамъ—не по карману своихъ мужей, стали строить томные глазки счастливому Донъ-Жуану, щекоча его воображеніе прелестью своихъ формъ. И Незѣвайкинъ, волею капризной фортуны извлеченный изъ грязной базарной лавки, очутился на высотѣ блаженства и возможнаго на землѣ счастія.

Скажите, пожалуйста, у кого не закружится голова отъ такой неожиданной метаморфозы?... Бабочка, выйдя изъ куколки въ своемъ роскошномъ нарядѣ, летитъ безразсудно на огонь, гдѣ ждетъ её неминуемая гибель.

Незѣвайкинъ въ своемъ воображеніи видѣлъ себя въ скоромъ будущемъ богатымъ золотопромышленникомъ и, не дожидая будущихъ милліоновъ, рѣшилъ приняться за постройку большого каменнаго дома вмѣсто старыхъ, невзрачныхъ, деревянныхъ.—Ему казалось, что золотопромышленникъ безъ большого каменнаго дома,—что-то незаконченное, невнушительное. Но такъ какъ по-

стройка дорогого дома, равно и другія необдуманныя затѣи были основаны на дорогомъ кредитѣ, то въ скоромъ времени все это дало себя почувствовать,—и Незѣвайкинъ усумнился въ правдивости поговорки, которая гласитъ, что лучше имѣть большой каменный домъ, чѣмъ маленькую каменную болѣзнь. Бывали моменты, когда онъ готовъ былъ перефразировать эту поговорку.

Дѣла на пріискѣ шли изъ рукъ вонъ плохо. Незѣвайкинъ, дѣйствительно, повелъ дѣла на широкую ногу, купилъ дорогихъ лошадей и поставилъ хозяйскія работы. Но, нанимая управляющаго и служащихъ, онъ руководился базарной практикой: подешевле и попроще. Въ результатѣ оказалось, что первый годъ, вмѣсто ожидаемыхъ большихъ барышей, принесъ крупный убытокъ.

Патронъ, такъ поспѣшно акредитовавшій злосчастнаго золотопромышленника, задумался. Наконецъ позвалъ его для интимной бесѣды къ себѣ на домъ, и убѣдившись, что Незѣвайкинъ совсѣмъ въ плохихъ душахъ, посовѣтовалъ ему представить векселя къ учету въ одинъ изъ довѣрчивыхъ банковъ, обѣщавъ провести въ учетномъ комитетѣ, гдѣ онъ состоялъ членомъ.

— Бланкеровъ не найду,—возразилъ Незѣвайкинъ.

— Все равно,—кто нибудь, это не важно; только торопитесь, пока еще не разошелся слухъ, что ваши дѣла плохи.

И дѣйствительно, векселя въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей прошли благополучно, благодаря крѣпкому вліянію почтеннаго коммерсанта на своихъ товарищей въ комитетѣ.

— Вамъ теперь слѣдуетъ закрыть старый счетъ съ нашей фирмой, тѣмъ болѣе годъ у насъ кончается. Это даже подниметъ вашу кредитоспособность въ глазахъ главнаго хозяина. И фирма стѣснять васъ кредитомъ не будетъ.

Незѣвайкинъ, выслушавъ теплыя слова своего покровителя и не подозрѣвая въ нихъ никакого коварства, уплатилъ по счету весь долгъ, на что убилъ всѣ деньги, полученныя имъ отъ учета векселей.

На другой день Незѣвайкинъ явился въ магазинъ съ весьма внушительнымъ видомъ. Вѣдь это было событіе

уплатить такую сумму долга. Въ магазинѣ ему сказали что на отпускъ товаровъ нужно разрѣшеніе.

— Пожалуйте въ контору, — предупредительно заявилъ ему приказчикъ.

— „Должно быть новые порядки“, — подумалъ про себя Незѣвайкинъ и, не теряя фора, поднялся по роскошной лѣстницѣ въ обширную и дѣловую контору.

— Когда-же ѣдете? — обратился къ нему очень любезно его покровитель.

— На этихъ дняхъ думаю ѣхать. Только товаръ бы отобрать. У васъ, кажется порядки новые, безъ разрѣшенія не отпускаютъ.

— А вамъ зачѣмъ-же здѣсь товаръ? вѣдь онъ вамъ на пріискѣ нуженъ.

— Да здѣсь-бы хотѣлось взять.

— Напрасно, напрасно. Вы тамъ у насъ возьмите. Тѣмъ болѣе запасовъ здѣсь нѣтъ. Все подобралось, ждемъ привозу. А на Зеѣ все имѣется, даже въ большомъ количествѣ.

— Такъ вы бы тогда письмомъ меня снабдили къ вашему довѣренному, я вѣдь не велъ еще съ нимъ дѣла.

— Что вы, Иванъ Ивановичъ! распоряженіе уже сдѣлано по телеграфу. Зачѣмъ вамъ письмо? поѣзжайте, поѣзжайте и больше золота намъ везите. Поклонъ передайте вашей супругѣ.

Прибывъ на Зею и сойдя съ парохода, Незѣвайкинъ немедленно отправился къ довѣренному фирмы. Вопросъ о кредитѣ былъ для него первой важности. Въ кредитѣ онъ, конечно, не сомнѣвался, но для него важна была цифра, указанная довѣренному.

Довѣренный, въ высшей степени спокойный, ожирѣвшій господинъ, принялъ Незѣвайкина съ сознаніемъ полнаго своего достоинства. Иванъ Ивановичъ сразу приступилъ къ дѣлу.

— Товаръ мнѣ нуженъ.

— Что же можно, только на наличныя.

— Позвольте. Да вы получили распоряженіе изъ города относительно кредита для меня.

— Я? распоряженіе? относительно вашего кредита?— и онъ удивленно вытаращилъ на Незѣвайкина маленькіе, заплывшіе жиромъ глаза.

— Вы должны были получить даже по телеграфу.

— Да,... въ самомъ дѣлѣ, кажется, есть что-то. Потрудитесь присѣсть. — И, порывшись въ письменномъ столѣ. досталъ телеграмму, прочелъ ее предварительно, улыбнулся, затѣмъ протянулъ ее Ивану Ивановичу. „Незѣвайкину въ кредитъ не отпускать ни на рубль. Все, что отпустите ему, будетъ отнесено на вашъ личный счетъ",—гласила телеграмма.

Такого удара Иванъ Ивановичъ не ожидалъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, предметы завертѣлись. Столъ письменный и сидящій за столомъ довѣренный казались ему гдѣ-то далеко-далеко,—совсѣмъ маленькими, точь-въ-точь какъ это бываетъ, когда мы взглянемъ въ бинокль не съ того конца. А за головой довѣреннаго показалось ему лицо его покровителя, патрона фирмы, подпись котораго стояла на телеграммѣ, съ улыбающимися глазами и высунутымъ большимъ языкомъ.

Незѣвайкинъ провелъ рукой по лбу, какъ будто что-то соображая, проснувшись послѣ долгаго тяжелаго сна. Затѣмъ всталъ и какъ-то растерянно, не простившись съ хозяиномъ, вышелъ изъ кабинета. Очутившись на улицѣ на свѣжемъ воздухѣ, онъ нѣсколько пришелъ въ себя. — „А, впрочемъ, наплевать! извернусь... золото есть, выручитъ. Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ". И Иванъ Ивановичъ подтянулся, прибодрился и повелъ свою новую линію.

Лошадей, таратайки и все, безъ чего съ успѣхомъ можно было вести на пріискѣ золотничныя работы, онъ продалъ и даже выгодно. И, повернувъ дѣло на коммерческій ладъ, сталъ выцарапываться по немногу изъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыя такъ безразсудно, сломя голову, влетѣлъ. Только постройка дома черезчуръ его донимала. —„Нѣтъ, ужъ лучше, пожалуй, каменная болѣзнь, чѣмъ такой каменный домъ",— нерѣдко приходила ему на умъ извѣстная поговорка въ извращенномъ смыслѣ.

Незѣвайкинъ пріѣхалъ на пристань Зейскую вслѣдствіе внушительнаго требованія мирового судьи. Онъ даже не зналъ, по какому дѣлу его вызываютъ, до того много дѣлъ накопилось у него за время занятія золотопромышленностью. Онъ до того свыкся со всякими неудачами, неожиданностями и осложненіями, что они его мало волновали. А ожидаемое новое узаконеніе относительно свободнаго обращенія золота подняло его духъ, раскрывъ будущіе широкіе горизонты, какъ онъ самъ выражался. И причемъ тутъ теперь кредиторы, думалось ему. Они для него нисколько теперь не страшны, Золото--свободный товаръ, имѣющій всегда свою цѣнность,—и деньги теперь вовсе не нужны. Прямо на наличное золото все буду покупать, а кредиторы останутся до болѣе счастливыхъ временъ. Дѣло будетъ несравненно проще.

Но, все-таки, ему былъ нуженъ компаніонъ, хотя съ небольшимъ капиталомъ. Перебирая всѣхъ своихъ знакомыхъ, онъ почему то остановился на Поросенковѣ. Странное дѣло. У всѣхъ создалось мнѣніе, что Акакій Акакіевичъ съ порядочными деньгами. Этому отчасти способствовали разсказы Вездѣпоспѣлова, который многимъ передавалъ, что Акакій Акакіевичъ съ большими деньгами, что неоднократно ему приходилось перехватывать по нѣсколько тысячъ рублей на время. И хотя вообще Вездѣпоспѣлову никто ни на іоту не вѣрилъ, до того онъ заврался, но въ этомъ случаѣ почему-то всѣ сразу повѣрили. Это можно объяснить отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь почти всѣ поголовно нуждались въ деньгахъ. А нуждающійся человѣкъ всегда вѣритъ, если говорятъ, что у того-то есть деньги. У него тогда является шансъ занять въ случаѣ большой крайности; т. е. шанса, можетъ быть, и вовсе никакого нѣтъ, но онъ все-таки вѣритъ.

Незѣвайкинъ хотѣлъ предварительно пригласить Поросенкова къ себѣ на пріискъ, а тамъ уже, дома у себя, завести съ нимъ дѣловой разговоръ. Этотъ планъ пришелъ ему въ голову дорогой, когда онъ ѣхалъ,—и онъ ему очень обрадовался. Именно Поросенкова: эти но-

вички, въ особенности изъ Россіи, не понимая золотого дѣла, не могутъ себѣ представить, что такое пудъ золота? А если ему скажешь, что у меня въ площади лежитъ сто пудовъ золота, такъ это ему покажется чѣмъ-то колоссальнымъ. Возъ сѣна, сажень дровъ, даже сто, тысячу саженей дровъ... да любой предметъ возьмите—они скоро сообразятъ, поймутъ. Но пудъ золота—это для нихъ чудовище. „Непремѣнно Поросенкова"!—рѣшилъ въ окончательной формѣ Незѣвайкинъ.

II.

Было десять часовъ утра, когда къ Поросенкову въ номеръ ворвался Незѣвайкинъ, одѣтый по дорожному: въ татаркѣ на лисьемъ мѣху, подпоясанный шелковымъ поясомъ, въ новыхъ семифунтовыхъ валенкахъ на ногахъ.

— Ѣдемъ, Акакій Акакіевичъ! лошади уже поданы. Давайте вашу подушку, одѣяло,—больше ничего не надо.

Незѣвайкинъ только вчера покончилъ кое-какъ со своими дѣлами у мирового судьи. Нѣкоторые иски были отложены, по другимъ пришлось ему заплатить. Нѣсколькихъ истцовъ изъ рабочихъ ему удалось задобрить и они согласились ждать уплаты денегъ до лѣтней операціи, когда начнется добыча золота, за что Иванъ Ивановичъ обѣщалъ дать имъ лучшія дѣлянки на своемъ пріискѣ.

Продавъ удачно татарину Палитову три фунта золота, привезеннаго секретно съ пріиска, на вырученныя деньги купилъ что понеобходимѣе и успѣлъ уже отправить съ возчиками на пріискъ.—„Хоть бы мѣсяцъ пробиться, а тамъ, что Богъ дастъ",—думалъ онъ про себя и успокоился. Незѣвайкинъ сильно разсчитывалъ на Поросенкова; „если и не удастся залучить его компаніономъ, то можетъ быть перехвачу у него денегъ на время",—тѣшилъ себя этой надеждой Иванъ Ивановичъ и былъ веселъ.

Большая рогожная кошева, запряженная тройкой нанятыхъ лошадей, дожидала у крыльца гостинницы Пинскаго. Конечно, такая ѣзда была не по чину Незѣвайкину и не по его расшатаннымъ дѣламъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить на одномъ конѣ, безъ конюха. Но теперь везъ къ себѣ Поросенкова, на которого имѣлъ свои виды, и потому приходилось щегольнуть.

Дулъ холодный сѣверный вѣтеръ. На улицахъ снѣгу не было; грязными тонкими слоями онъ лежалъ кое-гдѣ у забора. Съ Милліонной, повернувъ въ узкій Косой переулокъ, выѣхали на Третью улицу.

На углу, у кабака, пьяный рыжій здоровый мужикъ безъ шапки, въ рваномъ потертомъ полушубкѣ, надѣтомъ на одну руку, неистово билъ тщедушную худую бабу. Обмотавъ около лѣвой руки головной платокъ вмѣстѣ съ жидкими волосами несчастной женщины, онъ правымъ большимъ кулакомъ наносилъ ей увѣсистые удары, стараясь попадать по щекамъ и въ губы. Баба дико взвизгивала, захлебываясь теплой кровью, лившейся ручьемъ изъ носу и рта. Мальчикъ лѣтъ шести, въ рваной женской кацавейкѣ, съ платкомъ на головѣ вмѣсто шапки, въ дырявыхъ, истоптанныхъ женскихъ башмакахъ, ухватившись красными замерзшими рученками за грязную ситцевую юбку матери, оралъ во все горло, судорожно притопывая маленькими ножками, усугубляя ужасъ этой звѣрской картины. Человѣкъ десять, между которыми были сильно пьяные, съ интересомъ слѣдили за сценой этой дикой расправы. На лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было замѣтить выраженіе удовольствія, испытываемаго ими отъ каждаго удачнаго удара расходившагося мужика надъ беззащитной жертвой.

— Ты ее въ лёнъ... въ лёнъ старайся попадать, да покрѣпче, чтобы съ мѣсяцъ головой не могла шевельнуть,—совѣтовалъ сытый кабатчикъ, высунувъ голову сквозь полуоткрытую дверь своего заведенія.

— Эка звѣрство какое!—замѣтилъ ямщикъ, ткнувъ кнутомъ въ сторону кабака.—А вѣдь совсѣмъ пришибетъ бабенку, смотри какъ надсажается... право,

духъ вышибетъ, - продолжалъ онъ, сдержива ялошадей и повернувшись къ сѣдокамъ.

— Пошелъ! крикнулъ ему Незѣвайкинъ.

Кони тяжело тянули кошеву по голой землѣ. Желѣзные полозья непріятно визжали по галькѣ.

— Мамка, уйдемъ! мамка, уйдемъ!-- слышался дѣтскій голосъ ребенка.

Выѣхали на площадь, изрытую ямами. На ней одиноко торчала заброшенная карусель, съ лежавшими на боку раскрашенными вагончиками. Въ сторонѣ виднѣлся сарай вольной пожарной дружины, при ней высилась деревянная каланча, построенная Богъ вѣсть для какой цѣли, такъ какъ сторожа на ней никогда не было видно. Ограды не было. И сарай, и сторожка при немъ, и глупо торчавшая башня, построенная наскоро, жиденько, носила отпечатокъ незрѣлой, незаконченной мысли. Два худыхъ, старыхъ коня, съ потертыми боками, лохматые, бродили тутъ же, пощипывая желтую, сухую траву, кое-гдѣ виднѣвшуюся изъ подъ снѣга.

Проѣхавъ площадь, кошева повернула по Четвертой улицѣ, которой заканчивалась Зейская пристань. По сторонамъ улицы расположилось нѣсколько недостроенныхъ домовъ. Одинъ съ вычурнымъ конькомъ, рѣзными карнизами и такими же наличниками, но безъ рамъ, съ заколоченными окнами и дверями, стоялъ пустой; два другихъ безъ крыши, съ набросанной землей на потолкѣ, сверхъ которыхъ торчали тонкія желѣзныя трубы, повидимому, были заняты жильцами. Кругомъ не выкорчеванные пни, ямы, мусоръ. Судя по тщательной работѣ, съ которой были начаты эти дома, можно было предположить, что они строились въ надеждѣ на уютную въ нихъ жизнь, но, повидимому, надежда почему-то неосуществилась и эти недостроенные дома своимъ заброшеннымъ, незаконченнымъ видомъ наводили тяжелую думу. Трудно было вѣрить, что эта картина не дозрѣлой, оборванной жизни, втиснутая словно въ рамку, въ раіонъ золотыхъ пріисковъ, должна составлять центръ кипучей дѣловой жизни, куда стремились рабочіе со своими заработками, хищники съ добытымъ зо-

лотомъ, золотопромышленники и служащіе ихъ послѣ лѣтнихъ трудовъ. Не только окраины широко раскинувшейся пристани, но даже главная набережная улица носила характеръ необдуманной, лихорадочной, первоначальной работы,—но затѣмъ лихорадка миновала, созидательная мысль и энергія или изсякла на полпути, или же направилась въ другую сторону, руки опустились и недостроенные дома сумрачно торчатъ, какъ будто спрашивая прохожаго, зачѣмъ ихъ оставили въ такомъ недоконченномъ видѣ. Только постройки Н—ской компаніи да еще нѣсколько домовъ мѣстныхъ торговцевъ пріятно вырисовываются на общемъ фонѣ застывшей и не развившейся жизни.

А между тѣмъ недавно, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мѣстные обыватели, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ горячихъ головъ, сильно засуетились, задумавъ пересоздать свое неоффиціальное селеніе въ посадъ; были собраны деньги, было исписано много бумаги, приводились очень вѣскіе аргументы, даже была назначена особая коммиссія, словомъ канцелярская машина завертѣлась во всю. И сейчасъ еще слышатся вопросы: „когда-же дождемся посада?“ Повидимому, мечта эта еще копошится. Но чѣмъ руководствовались иниціаторы этой затѣи, сказать трудно. А между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса такъ же просто, какъ просто рѣшеніе любой ариѳметической задачи. Всякій организмъ, будь это животный или общественный, тогда только имѣетъ право на самостоятельную жизнь и на личное самоуправленіе, когда онъ обладаетъ необходимыми органами, совокупность которыхъ дѣлаетъ его недѣлимымъ. Кромѣ того онъ долженъ находиться въ условіяхъ, гарантирующихъ его личное питаніе безъ покровительственной системы.

Конечно, вся Зейская система съ райономъ своихъ пріисковъ представляетъ изъ себя вполнѣ самостоятельное цѣлое. Этотъ организмъ имѣетъ свою голову—это управленія компаній, отдѣльные самостоятельные золотопромышленники и сотни служащихъ, подъ руководствомъ которыхъ производятся работы. Онъ имѣетъ свое сердце — это тысячи рабочихъ; онъ имѣетъ свои

пищеварительные органы — это машины и всякія другія приспособленія, съ помощью которыхъ производятся работы. Наконецъ, организмъ этотъ имѣетъ свой источникъ питанія — это золотоносныя розсыпи, изъ которыхъ онъ извлекаетъ нужную для своего существованія пищу. И если всѣ эти органы дѣйствуютъ солидарно, правильно, то жизнь организма течетъ нормально.

Но что же представляетъ изъ себя Зейская пристань? Она есть ничто иное, какъ оконечность организма, голова и сердце котораго въ тайгѣ. И если этотъ организмъ страдаетъ худосочіемъ, малокровіемъ, темпъ сердца уменьшается,—это прежде всего отражается на оконечностяхъ; онѣ стынутъ, мертвѣютъ, ихъ движенія дѣлаются вялыми. Самостоятельнаго питанія Зейская пристань не имѣетъ и имѣть не можетъ: она ничего не производитъ. Наличность резиденціи крупной компаніи главнымъ образомъ поддерживаетъ ея существованіе. Три или четыре торговыхъ фирмы и сотни мелкихъ торгашей; четыре оптовыхъ склада и два десятка кабаковъ; къ этому прибавьте еще нѣсколько публичныхъ заведеній подъ иностраннымъ флагомъ; сотни всевозможныхъ притоновъ, въ чисто національномъ духѣ, съ выпивкой, закуской и наслажденіями физіологическаго порядка, при невозможной грязи и нечистоплотности, съ облегченіемъ чужихъ кармановъ, ломкой реберъ и сворачиваніемъ скулъ. Вотъ все, что представляетъ изъ себя Зейская пристань; больше мы ничего не видимъ. Положимъ, проѣзжая по широкимъ и длиннымъ улицамъ, вы кое-гдѣ увидите одну или двѣ захудалыхъ кузницы, въ другомъ дворѣ мелькнетъ колесный станокъ.

Вы изъ любопытства заходите къ кузнецу. Въ избѣ не топлено, холодно, грязно, хрюкаетъ голодная свинья съ поросятами гдѣ-то въ углу за загородкой; по холодному полу ползаютъ голодные, полунагіе ребята, сыро, жутко. Вы въ недоумѣніи обводите глазами. На печкѣ, за полуразвалившейся трубой, шевелится овчинный тулупъ, высовываются старые истоптанные валенки, затѣмъ понемногу показывается человѣкъ съ опухшимъ лицомъ, красными отъ пьянства глазами, глядитъ ими на васъ

тупо, безсмысленно. Поросята пищатъ, дѣти плачутъ; вы теряетесь, не знаете, что вамъ тутъ дѣлать; вы зашли узнать, какъ живется этому будущему плательщику ожидаемаго посада, но вамъ безъ словъ дѣлается все ясно.

— Ну, какъ, работы много?

— А что, развѣ на пріиска нанимаете?

— Нѣтъ, не нанимаю, — пришелъ узнать, какъ живется? Много-ли работы? можно-ли кормиться?

— Да... любопытствуете; дѣлать, видно, вамъ нечего... такъ и безпокоить нечего,—и онъ опять заползаетъ за трубу, натягивая на себя рваный тулупъ.

Унья, Бомъ, а главнымъ образомъ Милліонный ключъ, обогатили въ свое время сотню или двѣ хищниковъ, десятка два спиртоносовъ, да столько же разныхъ темныхъ людей и большинство изъ нихъ принялось строиться, но вскорѣ лихорадка миновала, богатые ключи были закрѣплены за легальными золотопромышленниками, шальная добыча прекратилась, новоиспеченные обыватели частью убрались въ Маньчжурію, въ Харбинъ, частью разбрелись по тайгѣ, или ушли въ другія системы искать „фарта“, а недостроенные дома гніютъ безъ крышъ и безъ оконъ.

Пристань осталась назади. Кони быстрѣе понеслись по узкой, прихотливо вьющейся дорожкѣ, бѣгущей среди пней и вывороченныхъ вѣтромъ деревьевъ къ главному тракту. Направо мелькнула поскотина, налѣво виднѣлись пузатые зароды сѣна; сквозь дымку голубого воздуха показались столбы телефонной линіи, — и, наконецъ, кошева выѣхала на пріисковую дорогу, на которой длинными черными полосами виднѣлась голая земля. Ямщикъ ругался, сворачивая лошадей то въ одну, то въ другую сторону дороги, стараясь держаться снѣжнаго слѣда. На шестой верстѣ начался подъемъ. Дорога шла березнякомъ, снѣгу стало больше.

Скучный однообразный пейзажъ выгорѣвшей, жалкой тайги навелъ тяжелую тоску на Поросенкова. Незѣвайкинъ уже спалъ, зарывшись головой въ подушку; по временамъ онъ порывисто всхрапывалъ, бормоча что-то сквозь сонъ. Лошади тихо плелись на крутую гору.

Встрѣтился обратный транспортъ компанейскихъ лошадей. Сытые кони, украшенные шаркунцами, колокольчиками и тяжелыми мѣдными подвѣсами, ступали степенно, чинно потряхивали головами, оживляя скучную тайгу звукомъ сотни колокольчиковъ, сливающимся въ одну дребезжащую гамму; конюха лѣниво поднимали головы, поглядывая на проѣзжающихъ. Наконецъ, тяжелый подъемъ кончился и кони пошли легче, спускаясь подъ гору.

— Пошевеливай, милыя!—Ги-ги! Эхъ, удалыя, шевелись!—покрикивалъ ямщикъ, весело помахивая кнутомъ надъ спинами разгоряченныхъ лошадей.

Быстрая ѣзда и раскрывшаяся даль горизонта нѣсколько ободрила Акакія Акакіевича. Внизу разстилалась широкая марь, прорѣзанная прямой узкой дорогой. Ея однообразный видъ, испещренный кое-гдѣ одиноко стоящими, низкорослыми, узловатыми лиственицами, замыкался мягкими увалами и холмами, надъ которыми изрѣдка поднимались оголенныя скалы, въ видѣ какихъ-то старинныхъ древнихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о титанической борьбѣ стихій въ доисторическую эпоху. Какой-то трагической тайной вѣяло отъ этихъ молчаливыхъ свидѣтелей давно минувшихъ вѣковъ. При взглядѣ на глыбы камней съ причудливыми формами, вамъ кажется, что вы видите головы титановъ, все туловище которыхъ ушло глубоко въ землю, а головы непокорно и гордо смотрятъ въ высь голубого неба. Но пройдутъ вѣка, и эти каменныя глыбы, остатки мощныхъ горныхъ кряжей, разсыпятся въ прахъ, — и на ихъ мѣсто вползетъ уродливая карлица-лиственъ.

Таковъ законъ природы: все великое, преисполненное силы и величія, исподволь, но неуклонно, рушится подъ неумолимой рукой безпощаднаго времени, а на могилѣ этихъ падшихъ титановъ зарождается новая, мелкая жизнь паразитовъ. Величавые титаны пали въ неравной борьбѣ со стихіями и на ихъ мощныхъ, хотя мертвыхъ тѣлахъ, появившіяся въ силу какой-то загадочной тайны, тысячи новыхъ мелкихъ жизней изощряются въ взаимной борьбѣ, ожесточенно уничтожая другъ друга.

За увалами и холмами тянулись цѣпи горъ, фантастически громоздясь одна на другую; поднимаясь все выше, онѣ уходили куда-то въ даль, подернутыя лилово-фіолетовой дымкой. На всемъ протяженіи широко развернувшагося горизонта, на сколько глазъ могъ хватить, не видно ни жилья, ни малѣйшаго признака человѣческаго присутствія. Одна только дорога, по которой скользили сани, и линія телефонныхъ столбовъ указывали на работу человѣческой мысли въ этой безпредѣльной тайгѣ, словно отдыхавшей въ своемъ зимнемъ покоѣ.

Сани быстро скользнули подъ гору и, наконецъ, врѣзались въ марь. Кольцо горъ съузилось. Оставалось восемь верстъ до перваго станка.

— Ги—ги! Эхъ, милыя, пошевеливай!

— А вотъ и Ячменка скоро!—сказалъ Незѣвайкинъ, проснувшись и усаживаясь поудобнѣе.

Кони, чувствуя близкую остановку, везли дружно и скоро; кошева подкатила къ станку; проѣхавъ мимо ямщицкой, она круто повернула и остановилась у крыльца большого заѣзжаго дома.

— Опять въ развѣдку, Иванъ Ѳедоровичъ?

— Опять въ развѣдку,—отвѣтилъ Незѣвайкину Вейнфельдъ, вѣчный золотоискатель въ Зейской тайгѣ, — я какъ Агасферъ не вижу покоя, хожу и хожу, и буду ходить, пока не найду, наконецъ, богатое золото.

Удивительный человѣкъ былъ этотъ Вейнфельдъ. Рижскій нѣмецъ — водочный мастеръ по спеціальности — онъ былъ выписанъ заводчикомъ Бутинымъ для постановки новаго очистительнаго аппарата. Окончивъ контрактный срокъ своей службы и имѣя нѣсколько тысячъ рублей въ карманѣ, онъ бросилъ свою спеціальность, несмотря на хорошія предложенія, и принялся искать золото. За десять лѣтъ поисковъ, полныхъ всевозможныхъ приключеній, Иванъ Ѳедоровичъ нашелъ нѣсколько золотосодержащихъ площадей, изъ которыхъ одинъ или два пріиска работались со слабымъ содержаніемъ и потому они его не удовлетворяли и онъ продолжалъ искать, въ полной надеждѣ найти рѣчку съ богатой розсыпью, по крайней мѣрѣ пудовъ на тысячу золота.

Ему было лѣтъ сорокъ. Съ сильной просѣдью, бодрый, здоровый, закаленный въ тайгѣ, онъ легко переносилъ тяжелыя лишенія и упорно шелъ къ своей цѣли. Деньги у него давно вывелись, но онъ не падалъ духомъ и стойко переносилъ всякія затрудненія. Вся его партія обыкновенно состояла изъ него и лошади, такой же выносливой, такъ же привыкшей къ голоду и холоду, какъ и онъ.

Съ началомъ зимы, какъ только санная дорога установится и рѣчки замерзнутъ, Иванъ Ѳедоровичъ отправлялся въ партію; нѣсколько разъ выходилъ изъ тайги на Зейскую пристань за провизіей и опять уходилъ въ тайгу, и только въ концѣ зимы, а нерѣдко уже весной, возвращался, закончивъ зимніе поиски.

На возу у него было все необходимое для лошади, для него и для одного или двухъ случайныхъ рабочихъ, которыхъ онъ нанималъ въ тайгѣ большею частью изъ хищниковъ. Возъ укладывался систематически, съ такимъ разсчетомъ, чтобы, не разбивая, можно было достать изъ него все, что въ данный моментъ понадобится. „Спутникъ золотопромышленника“ и „Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности въ Россіи“ имѣли свое опредѣленное мѣсто и Ивану Ѳедоровичу стоило только просунуть руку въ чуть видное отверстіе подъ кульки съ мукой,—и онъ вытаскивалъ оттуда кожаную сумку, гдѣ хранились уставы, копіи заявокъ и другіе документы. Увѣряя, что всѣ болѣзни происходятъ отъ разстройства желудка, онъ возилъ съ собою соль Гендра въ внушительномъ количествѣ и не только себя, но и коня своего лечилъ всегда этимъ лекарствомъ. Забравшись подальше отъ пріисковъ, останавливался на рѣчкѣ и принимался за развѣдку. Нужные рабочіе всегда попадались ему на пути. Условія найма были очень простыя.

— Вотъ тебѣ хлѣбъ, мясо, рыба, буду тебя кормить, а ты гони шурфы. Платы никакой не получишь, найдемъ золото, старайся тутъ же въ шурфѣ; золото приму у тебя по 4 руб. 50 коп., а платы съ меня не спрашивай.

И голодный, оборванный хищникъ охотно оставался съ Иваномъ Өедоровичемъ, горячо принимаясь за работу. Строили на скоро юртанъ, ставили желѣзную печку и принимались за шурфовку. Иванъ Өедоровичъ работалъ наравнѣ со своимъ рабочимъ, ѣлъ съ одного котла и спалъ въ одномъ съ нимъ юртанѣ. — Съ одной рѣчки переходили на другую. Запасы постепенно уменьшались и по мѣрѣ этого уменьшалась ежедневная варка. Иванъ Өедоровичъ съ каждымъ днемъ все тревожнѣе заглядывалъ въ мѣшокъ съ мукой. Наконецъ приходилъ моментъ, когда необходимо было бросить все и бѣжать въ жилое мѣсто. Снабдивъ рабочаго сухарями дня на два или на три, онъ отпускалъ его на всѣ четыре стороны, а самъ торопился на Пристань за новыми запасами. Весной онъ и конь его выходили измученные, худые, оба разочарованные. Спиртомъ Иванъ Өедоровичъ не торговалъ, золота чужого не скупалъ. Онъ упорно шелъ своей дорожкой золотоискателя, съ непоколебимой вѣрой, что его труды въ концѣ концовъ увѣнчаются успѣхомъ.

Иванъ Өеодоровичъ прекрасно зналъ грани чужихъ пріисковъ, въ особенности пріисковъ принадлежащихъ Э-нской золотопромышленной компаніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Джалиндѣ ему удалось застолбить вскрытые пески за широтой пріиска компаніи, арендуемаго Сѣногноевымъ. Безпечный арендаторъ, не провѣривъ грань пріиска и слѣдуя за жилой золота, забрался за широту. Иванъ Өеодоровичъ выждалъ, и когда торфа были вскрыты и все было готово для начала промывки, поставилъ заявочный столбъ; Сѣногноевъ вскипѣлъ, но, убѣдившись въ своей оплошности, смирился и предложилъ сдѣлку Вейнфельду.

— Не могу себѣ простить моего великодушія съ Сѣногноевымъ,—часто повторялъ Иванъ Өеодоровичъ. Надѣясь на его благородство, я снялъ свой столбъ и далъ ему возможность заявить широту, а онъ вмѣсто благодарности съ того времени не перестаетъ дѣлать мнѣ разныя непріятности, гдѣ только можетъ.

III.

Незѣвайкинъ и Поросенковъ пріѣхали на Ячменку въ 3 часа дня. Не смотря на такое раннее время, приходилось заночевать: лошадей надо было выдержать и накормить, а для этого потребуется по меньшей мѣрѣ полсутокъ.

Помѣщеніе для проѣзжающихъ состояло изъ прихожей и одной большой комнаты съ чугунной большой печью. Обѣ комнаты раздѣлялись тонкой, грязной переборкой изъ досокъ. Въ прихожей въ углу на гвоздѣ висѣлъ грязный мѣдный умывальникъ; подъ нимъ стоялъ жестяной тазъ съ мыльной водой; на краяхъ его толстый слой жирной грязи; у переборки помѣщалась старая деревянная кровать; на ней лежалъ ворохъ лохмотьевъ и старый истоптанный валенокъ. Пахло печенымъ хлѣбомъ, гнилой картошкой и еще какимъ-то промозглымъ запахомъ.

Вторая комната, просторная, свѣтлая, была не чище первой. Два стола, три или четыре табуретки, два деревянныхъ простой работы дивана, выкрашенные коричневой краской, составляли всю незатѣйливую меблировку этой комнаты. На стѣнахъ виднѣлись картинки съ изображеніемъ эпизодовъ изъ послѣдней китайской войны; на столѣ кипѣлъ самоваръ.

У дверей, ведущихъ въ другую половину дома, гдѣ помѣщался зимовщикъ Рыжковъ съ семьей, стояла Степановна, жена Рыжкова, толстая, жирная женщина съ больными ногами, и, ковыряя въ носу, наблюдала пріѣзжихъ. Отъ вошедшихъ понесло здоровымъ, ядренымъ морозомъ.

Поросенковъ, сбросивъ съ себя черную овчинную шубу съ сѣрымъ воротникомъ, обтаивалъ около топившейся печки сосульки на усахъ и бородкѣ. Всматриваясь въ него, Степановна старалась угадать, кто будетъ этотъ новый, неизвѣстный ей еще господинъ. Маленькій черный котенокъ, вылѣзшій изъ подъ печки, ухватившись лапкими за валенокъ на ногѣ Поросенкова, потягивался, выгибая спину.

— Здравствуй, Степановна! пельменей бы намъ сварганить... да поживѣе!—торопилъ Незѣвайкинъ.

— Ужъ и поживѣе...—замѣтила Степановна, и направилась утиной походкой въ прихожую, куда были внесены мѣшки съ закусками и пельменями.

Станокъ Ячменка принадлежалъ Э-нской золотопромышленной компаніи; построенный когда-то на широкую ногу, съ конюшней, амбаромъ, кухней и казармой для транспортныхъ конюховъ и рабочихъ, въ данное время, не поддерживаемый и заброшенный, онъ былъ жалокъ въ своемъ полуразрушенномъ видѣ. Въ прежнее время на немъ стояло не менѣе двухъ-трехъ троекъ для проѣзжихъ; сейчасъ лошадей не было, а только въ виду проѣзда кого нибудь,—судьи, исправника или служащихъ компаніи, посылались на станки подставы, которыя затѣмъ сейчасъ же убирались.

Зимовщикъ Рыжковъ получалъ жалованье отъ Э-нской компаніи. Крестьянинъ Иркутской губерніи, онъ производилъ впечатлѣніе деревенскаго аристократа, пріобрѣвшаго степенную важность на должности волостного старшины, которую онъ правилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. При постройкѣ желѣзной дороги ему удалось зашибить нѣсколько тысченокъ рублей очень легкимъ и незамысловатымъ способомъ. Умѣя подписывать свою фамилію, Рыжковъ подписалъ дюжины двѣ счетовъ, за что въ видѣ благодарности участковый начальникъ выплатилъ ему пять или шесть тысячъ рублей. Но легко нажитыя деньги въ прокъ не пошли. Въ то время, по пятамъ строющейся желѣзной дороги, двинулись въ непросвѣщенную Сибирь изъ Европейской Россіи разные шуллера и авантюристы; попавъ въ общество этихъ просвѣтителей, Рыжковъ въ одну ночь спустилъ всѣ свои деньги, примазавъ къ нимъ лошадей, скотъ и почти всю движимость, нажитую цѣлыми годами у мірского пирога. Послѣ этого отъ стыда онъ бѣжалъ на Амуръ, въ надеждѣ поправить свои дѣла и сдѣлаться по прежнему обстоятельнымъ хозяиномъ.

Непривычный къ тяжелому труду, онъ нанялся рабочимъ въ компанію и, выпросивъ мѣсто зимовщика,

вскорѣ поселился на Ячменкѣ, гдѣ вслѣдствіе мобилизаціи открылась вакансія.

Зимой работы на станкѣ было много. Большое движеніе транспортовъ и проѣздъ разныхъ лицъ, начинавшійся съ открытіемъ зимняго пути, прекращался только весною, съ началомъ навигаціи по Зеѣ. Въ особенности много проходило китайцевъ, а каждый изъ нихъ за ночлегъ въ тепломъ помѣщеніи долженъ былъ платить по 10 копѣекъ. Кромѣ того получался хорошій доходъ отъ продажи разнаго мелкаго товара, хлѣба, рыбы, а главнымъ образомъ отъ вина, которое у предусмотрительнаго зимовщика всегда было въ запасѣ.

Лѣтомъ китайцы и транспорты останавливались выше или ниже Ячменки подъ открытымъ небомъ и Рыжковъ съ женой праздно бродили отъ окна къ окну, высматривая проѣзжаго, или большею частью спали.

Послышались колокольчики и вскорѣ за тѣмъ вошелъ Здравомысловъ. Онъ ѣхалъ въ городъ, стараясь попасть къ предстоящему съѣзду золотопромышленниковъ. Судя по куржаку, покрывавшему все его лицо, на которомъ съ трудомъ можно было замѣтить тусклые золотые очки, на дворѣ стоялъ крѣпкій морозъ.

Разглядывая сидѣвшихъ за столомъ, Здравомысловъ началъ не спѣша раздѣватся; размотавъ длинный шелковый кушакъ, онъ сбросилъ доху и, снявъ очки, сталъ ихъ протирать платкомъ.

— Далеко направились?—спросилъ вошедшаго Незѣвайкинъ.

— Въ городъ ѣду, хочу на съѣздѣ побывать. Вѣдь, видите-ли, есть важные вопросы... хочу возбудить.

— Да, вопросы намѣрены возбуждать,—замѣтилъ, саркастически улыбаясь, Вейнфельдъ, прихлебывая чай съ блюдца.—Мнѣ ѣхать некогда да и не на что, а надобы поѣхать: у меня тоже есть вопросы. Въ особенности, одинъ очень важный вопросъ. Такъ, пожалуйста, Антипъ Георгіевичъ, и мой вопросъ пріобщите къ своимъ заодно.

— Отчего-же, можно, если онъ только касается общихъ нуждъ мѣстной золотопромышленности,—согла-

шался Здравомысловъ.—Вѣдь, видите-ли, мы тамъ будемъ рѣшать вопросы исключительно первостепенной важности.

— Помилуйте! у меня вопросы все важные, кажется, и придумать важнѣе-то ничего нельзя. Хорошо, если бы съѣздъ изобрѣлъ какія-нибудь мѣры противъ сытыхъ и зажирѣвшихъ золотопромышленниковъ, чтобы они поменьше тѣснили нашего захудалаго, голоднаго брата. Только едва-ли... пожалуй, ничего не выйдетъ,—подумавъ, добавилъ Вейнфельдъ.—Дѣло въ томъ, что на съѣздѣ собирается все болѣе сытая золотопромышленность, а наша голодная братія туда совсѣмъ не попадаетъ. А вопросы все больше около нужды вертятся. Я даже, право, не знаю, какіе тамъ вопросы рѣшаются? У сытаго человѣка какіе могутъ быть вопросы?

Всѣ подняли глаза на Ивана Ѳеодоровича. Здравомысловъ сверхъ очковъ испытующе глядѣлъ на говорившаго.

— А это, Иванъ Ѳедоровичъ, надо думать, про отводъ говоритъ, что за широтой Вольдемаровскаго пріиска,—вмѣшался въ разговоръ Рыжковъ, державшійся въ сторонѣ около печки.

Рыжковъ имѣлъ обыкновеніе прислушиваться къ разговорамъ проѣзжающихъ и ему многое было извѣстно, что относилось къ міру золотопромышленниковъ. Долголѣтняя служба волостнымъ старшиной выработала въ немъ интересъ къ общественнымъ вопросамъ и онъ невольно слѣдилъ за окружающей его жизнью. На станкѣ постоянно кто-нибудь останавливался а иногда собиралось цѣлое общество, какъ въ данномъ случаѣ,—и въ длинные зимніе вечера тянулись бесѣды. Каждый говорилъ о томъ, что у него болитъ, или дѣлился своими успѣхами. О заявкѣ широты Вольдемаровскаго пріиска и о томъ, что онъ уже восьмой годъ не можетъ получить отвода, Вейнфельдъ разсказалъ Рыжкову за часъ до пріѣзда Незѣвайкина.

— Развѣ вамъ все еще не отвели за широтой Вольдемаровскаго?—заинтересовался Незѣвайкинъ.

— Въ томъ то и дѣло, что не отвели. Шесть человѣкъ рабочихъ держалъ двѣ недѣли въ ожиданіи от-

вода, а отвода все-таки не получилъ. Отводчикъ не могъ возстановить граней Вольдемаровскаго пріиска; три недѣли бился бѣдный и ничего не вышло. Начнетъ это онъ отъ починной грани, отъ перваго румба, да и полѣзетъ за стрѣлкой куда то на гору—чуть ли не на отвѣсную скалу забирается, а пріискъ совсѣмъ въ сторонѣ остается.—„Ничего, говоритъ, не понимаю"; а тутъ чего, кажется, не понимать? все, кажется, ясно. Вольдемаровскій пріискъ принадлежитъ богатой Э-нской компаніи, а я весь тутъ на лицо, да еще „рыжка" мой, который тащитъ возъ въ тридцать пудовъ... вотъ и вся наша компанія, и оба мы часто голодаемъ. Ну, какъ же стрѣлка магнитная не пойметъ этого: даромъ, что инструментъ, а онъ тоже понимаетъ и отъ голоднаго отворачивается, все тянетъ на сторону сытаго.—„Отвода сдѣлать вамъ нельзя,—говоритъ мнѣ отводчикъ,—составлю актъ и доложу высшему начальству".—Такъ и уѣхалъ.

— Вѣдь, видите-ли, стрѣлка можетъ не дѣйствовать, если въ землѣ желѣзный колчеданъ имѣется,—авторитетно замѣтилъ Здравомысловъ.

— Колчеданъ, конечно, само собой, а вкусные, сытые обѣды тоже она хорошо понимаетъ. Спрашиваю отводчика: давно этотъ инструментъ ѣздитъ по отводамъ?—„Да лѣтъ двадцать, пожалуй, будетъ". Ну, конечно, за двадцать лѣтъ кое къ чему присмотрится и усвоитъ извѣстныя правила.

Восемь лѣтъ тому назадъ Иванъ Ѳедоровичъ заявилъ свободную площадь за широтой Вольдемаровскаго пріиска. Онъ долго провѣрялъ грань пріиска, наконецъ, убѣдившись, что компанія заработалась за грань, свалила на непринадлежащую ей мѣстность отвалы и поставила постройки, рѣшился заявить, тѣмъ болѣе, что золото тянулось въ отлогость. Явочный столбъ онъ поставилъ посрединѣ коннаго двора; какъ удалось ему поставить столбъ на такомъ мѣстѣ,—сказать трудно, но все было сдѣлано законно и придраться не было никакой возможности. Управляющій Вольдемаровскаго пріиска Ѳедоръ Ивановичъ Бубновъ, узнавъ про такую

дерзость захудалаго золотопромышленника, вышелъ изъ себя. А онъ, къ слову сказать, былъ весьма горячій человѣкъ, состарившійся на службѣ въ Э-нской компаніи и принимавшій ея интересы близко къ сердцу.

— Пресвятая Богородица! да это что же такое. Подумайте только: на конномъ дворѣ столбъ поставилъ!! что-же конюха, сторожа дѣлали? Конечно, за одно съ нимъ подлецы!... гнать ихъ сейчасъ, немедленно гнать, чтобы ихъ званія на пріискѣ не было! Господи Боже мой, Пресвятая Богородица, — кричалъ тоненькимъ теноркомъ Ѳедоръ Ивановичъ, бѣгая по комнатамъ и дергая до боли свою сѣдую бороду. — „Ввернуть кольцо въ столбъ и привязать сѣраго жеребца къ нему! сейчасъ чтобы сдѣлать!“ — приказывалъ онъ становому. Сѣрый жеребецъ былъ злой и грызъ обыкновенно все, что попадало ему подъ зубы. Убрать столбъ было рискованно, можно было за это отвѣтить; а если лошадь сгрызетъ, кого-же тогда подтянутъ. — „Пускай съ жеребца спрашиваютъ,“ думалъ Бубновъ. Не успѣлъ Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлать распоряженіе относительно сѣраго жеребца какъ явился конюховскій староста и доложилъ, что въ заднихъ стойлахъ, которыя мѣсяца три стоятъ пустыми и никто туда не заглядывалъ, оказались два шурфа, а въ нихъ столбы поставлены. — „Канальи, мерзавцы!... всѣхъ подъ судъ отдамъ! Въ каторгу упрячу“,—ревѣлъ Бубновъ, призывая въ свидѣтели Пресвятую Богородицу.

Черезъ три мѣсяца пріѣхалъ отводчикъ, за нимъ вскорѣ явился и Вейнфельдъ съ заявкой, которая была назначена къ отводу. Николай Васильевичъ Любимовъ былъ командированъ въ Зейскую систему произвести отводы.

Кто не знаетъ отводчика Любимова? Пожилой съ весьма приличной наружностью, страдающій ревматизмомъ, который онъ нажилъ на долголѣтней службѣ на пользу мѣстной золотопромышленности, Любимовъ олицетворялъ собой доброту и ласку въ широкомъ смыслѣ этого слова.—Прибывъ на Вольдемаровскій пріискъ, онъ осмотрѣлъ столбъ, который порядочно былъ изгрызенъ жеребцомъ, осмотрѣлъ шурфы; все оказывалось законнымъ

и правильнымъ. Но какъ было сдѣлать отводъ? Это было бы равносильно черной неблагодарности по отношенію къ Э-нской К°, доброту и вниманіе которой Любимовъ чувствовалъ съ перваго дня своей службы на Амурѣ. Въ городѣ коммиссіонеръ компаніи всегда предупредительно поздравлялъ его съ днемъ ангела, новымъ годомъ и другими годовыми праздниками. Въ случаѣ командировки пароходы компаніи, на которыхъ онъ ѣздилъ, любезно предоставляли ему всякія удобства. Какъ хорошо и удобно чувствовалъ онъ себя на нихъ во время всего пути! При пріѣздѣ его на Зею никто иной, какъ компанія раскрыла широкое гостепріимство Николаю Васильевичу. Не только онъ самъ, но и семья его, еслибы онъ того пожелалъ, могла бы пользоваться и удобнымъ помѣщеніемъ, и сытымъ, роскошнымъ столомъ отъ компаніи. Прибывъ въ центръ пріисковъ, даже не по дѣламъ компаніи, а совсѣмъ по чужимъ дѣламъ, Любимовъ, да и вообще служебныя лица, должны были останавливаться на Вольдемаровскомъ пріискѣ, въ домѣ управляющаго. Предупредительность, любезность, а главное широкое хлѣбосольство на пріискахъ, — кому оно не извѣстно, кто хотя разъ имѣлъ случай побывать на нихъ, тѣмъ болѣе у богатой компаніи? Закормятъ, запоятъ. Никакой характеръ не устоитъ, а тѣмъ болѣе такой добродушный, какимъ обладалъ Николай Васильевичъ. Случалось, что послѣ широкаго пиршества съ обильными возліяніями въ домѣ того-же Ѳедора Ивановича Бубнова, въ душу Любимова вливалась благодать, — было такъ сладко, такъ хорошо и такъ хотѣлось жить среди этихъ хорошихъ, добрыхъ, правдивыхъ людей, что безъ всякой причины слезы умиленія лились по щекамъ и онъ, въ избыткѣ добраго чувства, протягивалъ свои объятія и лобызался съ каждымъ, — и нерѣдко даже засыпалъ въ объятіяхъ самого Ѳедора Ивановича. Тогда его, соннаго, бережно, осторожно, какъ фарфоровую статуэтку, укладывали въ мягкую постель. И снилось Любимову звѣздное небо, теплый, ароматный воздухъ; толпы очаровательныхъ нимфъ кружатся около его постели и поютъ ему чудную пѣснь; звуки этой пѣсни полны томительнаго сладострастія,

неземной красоты и словно колышатъ его душу.—Онъ просыпается—воздушныя нимфы робко исчезаютъ. Ихъ чудныя формы еще трепещутъ въ воздухѣ; сладкіе звуки постепенно замираютъ и только одна нотка, чистая, неуловимая дрожитъ гдѣ-то глубоко въ душѣ просыпающагося Николая Васильевича. Но вотъ онъ окончательно проснулся и ему ясно представляется обгрызенный столбъ Вейнфельда среди коннаго двора, явочные шурфы въ стойлахъ и суровая необходимость приниматься за отводъ. Словомъ, жизнь бьетъ его своими противорѣчіями, отнимаетъ у него послѣднюю рѣшимость. Онъ теряется и не знаетъ, какъ ему поступить въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Служебный долгъ, какъ большой полковой барабанъ, грубо гудитъ у него надъ ухомъ, указывая прямой путь его служебной обязанности; а съ другой стороны, какое-то теплое чувство, поднимаясь въ глубинѣ его души, шепчетъ ему: „Несчастный, зачѣмъ-же ты будешь дѣлать зло этимъ хорошимъ людямъ, которые тебя такъ любятъ, среди которыхъ такъ хорошо тебѣ живется? Вѣдь стоитъ тебѣ только сдѣлать отводъ какому-то Вейнфельду, съ которымъ нѣтъ у тебя ничего общаго и который можетъ быть совсѣмъ лишній человѣкъ въ этой жизни, — и этотъ самый Вейнфельдъ въ истоптанныхъ большихъ сапогахъ, съ мозолистыми руками, вооружившись своимъ правомъ, потребуетъ немедленно снести постройки съ его площади, убрать отвалы и мало ли сколько хлопотъ онъ можетъ причинить этимъ людямъ, которыхъ судьба поставила беречь интересы богатой компаніи— и, кто знаетъ, можетъ быть, правленіе компаніи по своему взглянетъ на этотъ случай, обвинитъ управляющаго въ нерадѣніи, въ оплошности и откажетъ ему въ службѣ, лишивъ его, обремененнаго большой семьей, куска хлѣба“.

Барабанъ назойливо бьетъ, напоминая о сухомъ, холодномъ долгѣ, а теплое чувство изъ глубины его души нашептываетъ совсѣмъ другое. Какъ тутъ разобраться, что важнѣе, что ближе стоитъ къ жизни: горный-ли уставъ съ его мудрыми статьями, или этотъ голосъ, полный очаровательной любви къ ближнему, къ такимъ же

существамъ, какъ онъ самъ?—„Нѣтъ, пускай кто другой отводитъ, а я уклонюсь,“— рѣшилъ въ окончательной формѣ Любимовъ. Онъ пишетъ протоколъ на мѣстѣ и въ немъ съ легкою душою помѣщаетъ мнѣніе Бубнова, что Вейнфельдъ заявилъ эту мѣстность съ исключительной цѣлью торговать виномъ и скупать золото Вольдемаровскаго пріиска, а потому отказать ему въ отводѣ. Николай Васильевичъ знаетъ, что ему попадетъ за такія дѣйствія. — „А чортъ съ нимъ, пускай попадетъ,— рѣшаетъ про себя Любимовъ,—по крайней мѣрѣ, не останусь свиньей въ отношеніи людей, которые всегда сердечно ко мнѣ относятся.“

Чрезъ пять лѣтъ былъ посланъ отводчикъ Саловъ. Тотъ отдѣлался тѣмъ, что не могъ возобновить граней пріиска,—стрѣлка ему измѣняла, какъ о томъ картинно разсказывалъ Иванъ Ѳедоровичъ своимъ случайнымъ слушателямъ, съѣхавшимся на станкѣ Ячменка.

IV.

— Лучше-бы вамъ на полу устроиться, Антипъ Георгіевичъ, у васъ такое богатое одѣяло, доха. Спокойнѣе будетъ, совѣтовалъ Рыжковъ Здравомыслову, видя, что тотъ устраиваетъ себѣ постель на диванѣ.

— Не уснете, клопы заѣдятъ, — замѣтила, зѣвая, Степановна.

— Ничего, клопы меня не доймутъ, — возражалъ Здравомысловъ, взбивая подушку.

— А пусть его ѣдятъ, вамъ-то что,— вмѣшался Незѣвайкинъ, устроившійся на полу въ переднемъ углу, подъ образами, и натягивая на себя доху, — видишь, сколько жиру нагулялъ! Пусть немного поубавитъ.

Въ воображеніи Здравомыслова пронеслась непріятная картина предстоящаго ночлега на грязномъ станкѣ на неопрятномъ диванѣ съ клопами, но онъ считалъ унизительнымъ для своего достоинства спать на полу въ компаніи Незѣвайкина, Вейнфельда и Поросенкова: послѣдняго, къ слову сказать, онъ считалъ темной лич-

ностью и сомнительно смотрѣлъ на его молчаливое, сдержанное поведеніе.—„Хорошій гусь, надо полагать,“ —думалъ про себя Здравомысловъ, искоса поглядывая ни Акакія Акакіевича.

Здравомысловъ уже перешагнулъ ту грань, за которою вылупляется, словно изъ яичной скорлупы, крупный, обезпеченный промышленникъ. И соотвѣтственно этому внѣшнему перерожденію, въ душѣ его складывался особый, идейный міръ на фонѣ солиднаго уваженія къ собственной персонѣ. Въ немъ уже начало вырабатываться поклоненіе своимъ личнымъ качествамъ, своимъ способностямъ, благодаря которымъ онъ добился успѣха и выбился изъ плохого, захудалаго служащаго, на положеніе самостоятельнаго хозяина.

Перемѣна эта произошла какъ-то незамѣтно для него самого и безъ особаго усилія съ его стороны. Его опредѣлившееся, довольно солидное, состояніе имѣло своимъ источникомъ массу тонкихъ, совершенно незамѣтныхъ струекъ, по которымъ оно текло и накоплялось. Ни особыхъ комбинацій, ни настойчивой энергіи не потребовалось, а только простая несложная машина вертѣлась тихо, монотонно, однообразно, даже скучно... тоскливо скучно, и отъ этой сѣренькой работы получился результатъ, который вдругъ постановилъ его высоко надъ уровнемъ большинства мѣстныхъ промышленниковъ, отдѣлилъ глубокой пропастью отъ того, другого берега житейской рѣки, на которомъ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ тревожилъ его и нерѣдко лишалъ хорошаго настроенія духа.

Антипъ Георгіевичъ ясно видѣлъ, что его житейская ладья крѣпко сколочена, что она плавно и спокойно колышется у тихой пристани и что только неожиданное несчастіе можетъ выбросить его на жертву бурнымъ волнамъ всевозможныхъ случайностей. И провѣривъ себя хорошенько, онъ все больше и больше убѣждался, что дѣло его поставлено на такую точку, гдѣ никакая случайность не можетъ его пошатнуть, и онъ во всякое время не лишенъ возможности ликвидировать свое дѣло и уже безъ хлопотъ, отдавшись полному покою, пользо-

ваться плодами своихъ трудовъ И если онъ сейчасъ не заканчивалъ своихъ дѣлъ, то единственно только потому, что глупо было убивать курицу, которая несла ему очень исправно золотыя яйца.

Отъ природы, порядкомъ таки, лѣнивый, вялый, какъ принято здѣсь выражаться, „тяжкодумъ“, въ душѣ онъ, пожалуй, склоненъ былъ бросить все и устроиться поспокойнѣе. Но его пугалъ цѣлый рядъ вопросовъ: „да какъ-же это? да гдѣ-же, наконецъ, поселиться“? Къ тому же его безпокоили хлопоты, сопряженные со всякой перемѣной мѣстожительства.

На Пасховскомъ пріискѣ, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе годы, гдѣ накоплялось его благосостояніе, гдѣ произошла выгодная перемѣна въ его положеніи, все было такъ приспособлено къ его привычкамъ и образу жизни, что ему положительно не хотѣлось разрушать это уютное гнѣздо и искать другого мѣста. Все здѣсь было прилажено и пригнано, всякая мелочь въ обстановкѣ составляла какъ будто частичку его самого; она была необходима, дополняла его личную жизнь. На всякомъ незначительномъ предметѣ была видна заботливая рука Маріи Васильевны—его супруги. Здѣсь, среди этой обстановки, росли его дѣти. Давно-ли вотъ тутъ, въ спальнѣ, между ихъ кроватями, плавно покачивалась на мягкомъ коврѣ колыбелька его маленькаго сынишки Кольки; а теперь колыбелька эта пылится на вышкѣ, а его Коля бойко бѣгаетъ, — и его звонкій дѣтскій голосъ поминутно раздается въ разныхъ углахъ удобнаго, теплаго дома. И нерѣдко этотъ Коля своими мрдреными вопросами втупикъ ставитъ умнаго и солиднаго отца.

Сѣренькая однообразная жизнь съ ея мелочами, разъ на всегда заведенная по извѣстному шаблону, создаетъ особенную атмосферу, въ которой человѣкъ все крѣпче и крѣпче замыкается въ узкій кругъ своего личнаго міра, постепенно отрываясь отъ общечеловѣческаго дѣла. Онъ видитъ интересъ только въ томъ, что близко его касается, ему дорого только то, что относится къ его личной жизни; словомъ, только то, что находится въ сферѣ той атмосферы, которою онъ дышетъ. Интересъ

ко всему постороннему въ немъ замѣтно притупляется и его мало волнуютъ вопросы, стоящіе за гранью его личнаго, узкаго міра.

Здравомысловъ работаетъ три пріиска золотничниками, передъ его глазами проходятъ сотни грубыхъ, невѣжественныхъ людей, сотни оборванныхъ, полуголодныхъ китайцевъ и каждый изъ нихъ несетъ свою долю, свою горсть зерна въ житницу Здравомыслова. Онъ тупо, безъучастно глядитъ на эту невѣжественную толпу, гонимую голодомъ и нуждой въ дикую суровую тайгу. Она —эта толпа—интересуетъ его только лишь въ количественномъ отношеніи.

Помимо его вырабаталась своеобразная форма промысла, гдѣ вся тяжесть, весь рискъ дѣла падаетъ на рабочую силу, а онъ, Здравомысловъ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, ни чѣмъ не рискуетъ, — развѣ только при неудачѣ можетъ лишиться ожидаемаго дохода.

Эта темная масса, лишенная понятія о Богѣ, полная дикаго суевѣрія, пришибленная нуждой, попавшая въ условія, развивающія въ ней алчныя, грубыя страсти, нерѣдко причиняетъ ему много хлопотъ и непріятностей; но онъ безропотно мирится съ ними, такъ какъ, при всей своей ограниченности, ясно понимаетъ, что именно эта грубая рабочая сила—есть тотъ источникъ, изъ котораго создается его благосостояніе.

Тысячи грубыхъ людей обречены на тяжелый, неблагодарный трудъ ради хлѣба, чтобы ему, Здравомыслову, и его милому ребенку, этому забавному Колѣ, который радуетъ, а подчасъ и смѣшитъ его отцовское сердце, создать легкую, лѣнивую жизнь. И Здравомысловъ принимаетъ это какъ должное. Незнакомый съ философіей Нитцше, онъ самостоятельно воспиталъ въ себѣ основные принципы его демонической мысли, — и смотритъ на всю эту „сволочь“, какъ на рабочую силу, которая должна питать его бѣлую кость,—и проводитъ рѣзкую грань между собою и темной массой, съ которой ему приходится возиться.

Нерѣдко въ интересахъ доходности дѣла, съ цѣлью извлечь побольше пользы, онъ съ легкимъ сердцемъ допускаетъ вопіющую несправедливость, и затѣмъ возмущается, когда эта невѣжественная толпа, грубо оскорбленная безцеремонностью обращенія съ нею, заявитъ свой протестъ въ формѣ какого нибудь злостнаго поступка.

Въ концѣ минувшаго лѣта у него на Пасховскомъ пріискѣ имѣлъ мѣсто весьма характерный случай съ рабочими, о которомъ Здравомысловъ съ негодованіемъ разсказывалъ многимъ, подчеркивая невѣжество, грубость и нахальство рабочихъ по отношенію къ хозяину.

Марія Васильевна, какъ хорошая хозяйка, развела массу куръ на пріискѣ. Слишкомъ двѣ тысячи яицъ оказались лишними, — и Здравомысловъ распорядился сдать ихъ въ пріисковый амбаръ и выдавать рабочимъ по десять копѣекъ за штуку. Выѣхавъ по дѣламъ въ городъ, онъ только черезъ два мѣсяца вернулся домой. Узнавъ, что яйца не разобраны и что всѣ онѣ испортились, онъ сдѣлалъ внушительный выговоръ матеріальному и рѣшилъ сбыть тухлыя яйца при первой выпискѣ; рабочихъ на пріискѣ было сто человѣкъ, и чтобы сбыть двѣ тысячи, онъ назначилъ по двадцать штукъ на человѣка.

— Да не надо намъ яицъ,—заявляли рабочіе.

— Да какъ-же не надо... берите, а то я вамъ мяса не выдамъ; куда-же мнѣ съ ними?...

Рабочіе почесали затылки и рѣшили взять яйца. Солоно досталось матеріальному отъ грубыхъ, но подчасъ и остроумныхъ шутокъ рабочихъ при выдачѣ изъ амбара выписки, когда ему приходилось отсчитывать яйца; они падали, разбивались и отъ нихъ распространялся удушливый запахъ по всему амбару. Рабочіе молча уходили съ тухлыми яйцами, повидимому, задумавъ какую-то пакость хозяину пріиска.

— Яйца всѣ разошлись,—заявилъ вечеромъ матеріальный.

— И хорошо... вѣдь, видите-ли, все-таки двѣсти рублей,— а то пришлось бы выбросить. Гдѣ-то я недавно

виталъ, кажется, въ журналѣ „Народное Здравіе", что тухлыя яйца совершенно безвредны, даже легче перевариваются въ желудкѣ, чѣмъ свѣжія. И, вѣдь, видите-ли, у кого слабо работаетъ желудокъ, тому даже совѣтуютъ ѣсть именно тухлыя яйца.

На другой день солнце высоко поднялось, когда проснулся Антипъ Георгіевичъ. Онъ надѣлъ туфли, халатъ и направился въ переднюю, чтобы выйти на терассу, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе просиживать, грѣясь на солнышкѣ, пока семья встанетъ и тогда вмѣстѣ съ домашними садился за чай. Взглянувъ на окно въ передней, онъ замѣтилъ, что все оно снаружи вымазано какой-то желтой мазью. Не успѣлъ онъ открыть дверь на террасу, какъ пришлось ее моментально захлопнуть, такъ какъ вмѣсто свѣжаго утренняго воздуха, сквозь открытую дверь ворвался въ комнату удушливый запахъ протухлыхъ яицъ, которыми были уляпаны окна, полъ и вся терасса его дома, а въ особенности столъ, за которымъ вся семья его и онъ въ томъ числѣ обѣдали, завтракали и вообще проводили большую часть лѣтняго дня. —„Мерзавцы"!...—Подумалъ про себя Здравомысловъ, и долго мрачный ходилъ по комнатамъ, не въ силахъ будучи заглушить въ себѣ чувство негодованія, вызванное грубымъ поступкомъ рабочихъ.

Въ комнатѣ отъ желѣзной печи было жарко, клопы не давали ему уснуть; они съ особенной яростью набросились на его упитанное тѣло; добрыхъ два десятка онъ успѣлъ задавить на груди, на рукахъ, а въ особенности на подушкѣ. Противный, гадкій запахъ раздавленнаго клопа душилъ его,—и ему вспомнился запахъ тухлыхъ яицъ, а воображенію ясно представилась терасса въ то достопамятное утро, когда обозленные рабочіе сыграли съ нимъ такую гадкую шутку...

— „Мерзавцы",—подумалъ онъ въ душѣ и повернулся къ стѣнѣ съ твердымъ намѣреніемъ уснуть. Но уснуть никакъ ему не удавалось. Повидимому, клопы рѣшили дать генеральное сраженіе и съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ набросились на его толстыя икры, и онъ не милосердно теръ ногу объ ногу.

— „Господинъ предсѣдатель! вѣдь, видите-ли, мелкая золотопромышленность, къ семьѣ которой имѣю честь принадлежать, переживаетъ тяжелый кризисъ“...— началъ было онъ повторять заученную рѣчь, которой хотѣлъ блеснуть на съѣздѣ, но на самомъ патетическомъ мѣстѣ, гдѣ Здравомысловъ долженъ былъ сдѣлать широкій жестъ рукою и закатить кверху глаза, сильная боль отъ укуса клопа въ весьма нѣжное мѣсто заставила его вскочить,—и онъ даже нехорошо выругался, что съ нимъ рѣдко случалось.

— „Нѣтъ, уснуть не удастся“,—рѣшилъ Здравомысловъ и зажегъ свѣчу.

Клопы, увидѣвъ предательскій свѣтъ, съ быстротой легкой кавалеріи бросились прятаться подъ подушку, въ доху и въ зіяющія щели стараго дивана. Антипъ Георгіевичъ принялся было ловить ихъ, но глаза ему измѣнили и клопы благополучно ретировались подъ надежное прикрытіе, оставивъ такъ успѣшно занятыя ими позиціи.

„..... переживаетъ кризисъ, вызванный.....“—опять принялся за повтореніе своей рѣчи Здравомысловъ; но тутъ онъ принужденъ былъ остановиться, такъ какъ забылъ причину, вызвавшую этотъ злосчастный кризисъ.

Онъ напрягалъ свою память, постукивая слегка указательнымъ пальцемъ по переносицѣ, именно по тому самому мѣсту, гдѣ образовалась глубокая морщина, появлявшаяся каждый разъ, когда ему приходилось съ особенной силой напрягать свою мысль.

Удивительная вещь! Ему казалось, что рѣчь свою онъ знаетъ, что называется, „на зубокъ“; подъѣзжая къ Ячменкѣ, сидя въ кошевѣ, подъ звуки дребезжащаго колокольчика, онъ вполнѣ удовлетворительно повторялъ всю свою рѣчь съ должной интонаціей въ голосѣ, благополучно пройдя всѣ трудныя ея мѣста. А тутъ—подите же—забылъ такую вещь, какъ причину кризиса! Тогда онъ рѣшилъ пропустить это мѣсто и продолжать дальше. Сидя на временной постелѣ и болтая ногами, икры которыхъ страшно горѣли отъ укусовъ проклятыхъ клоповъ, онъ соображалъ съ чего ему начать.

„..... Благосклонное вниманіе правительственныхъ сферъ.....“—и здѣсь онъ поднесъ правую руку къ сердцу,—выраженіе: „правительственные сферы“ Антипъ Георгіевичъ находилъ весьма удачнымъ и рѣшилъ это выраженіе почаще втискивать въ свою рѣчь; впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ впечатлѣнія, которое произведетъ начало его рѣчи на слушателей..... „благосклонное вниманіе правительствующихъ сферъ, обратившихъ свое бдительное око на упадокъ золотого промысла, даруетъ намъ свободу обращенія золота.....

— Рыжка, тпрру!..... закричалъ во снѣ Вейнфельдъ. Ему, повидимому, снилось, что его партіонный возъ, спускается неудачно подъ гору, падаетъ,– и онъ спѣшилъ остановить коня:—стой, Рыжка!—опять послышался голосъ Ивана Ѳедоровича, но уже не съ такой силой.

Мысли въ головѣ Здравомыслова окончательно спутались, онъ потерялъ послѣднюю нить своей рѣчи, потушилъ свѣчу и полѣзъ подъ доху, рѣшивъ во чтобы то ни стало уснуть.

V.

Слѣдующій станокъ за Ячменкой, въ сорока верстахъ отъ него, былъ „Отрыжка“. Снѣгу здѣсь больше. Дорога становится значительно уже. Лошадей пришлось запречь „бочкой“, т.-е. обѣ пристяжныя запрягаютъ рядомъ, впереди коренника, на длинныхъ постромкахъ, что значительно облегчаетъ ѣзду по узкому санному слѣду.

— На Отрыжкѣ перекусимъ; ночевать будемъ на Многообѣщающемъ рудникѣ, у Вездѣпоспѣлова,—замѣтилъ Незѣвайкинъ, садясь въ кошеву.

Справа отъ дороги тянется цѣпь горъ, изрытыхъ на всемъ протяженіи сухими логами, оврагами или небольшими долинами. Мѣстами дорога близко прижимается къ горамъ, поднимаясь высоко по склону ихъ—и тогда съ лѣвой ея стороны открывается широкая долина, а за нею цѣлая группа невысокихъ, расплывшихся холмовъ, въ видѣ большихъ террасъ, поднимающихся одна надъ другою.

Въ долинѣ надъ чистыми луговыми мѣстами низко стелятся облака густого бѣлаго тумана; это—испаренія, поднимающіяся отъ незамерзшихъ еще озеръ, которыхъ здѣсь очень много. Весною и осенью озера эти привлекаютъ массу пернатой дичи, уничтожаемой въ большомъ количествѣ мѣстными охотниками.

Впереди дороги, нѣсколько правѣе, вдали, въ синеватомъ туманѣ виднѣются массивные гольцы, расположенные на лѣвой сторонѣ рѣки Гилюя. Морозный прозрачный воздухъ раскрываетъ широкую картину видимаго горизонта.

И отъ всго этого обширнаго пространства, скованнаго бѣлымъ саваномъ толстаго, пушистаго снѣга, вѣетъ грозной, вдумчивой тишиной. Напрасно напрягаете вашъ слухъ, стараясь уловить хоть какой нибудь звукъ среди уснувшей природы,—кругомъ все зловѣще молчитъ, только изрѣдка щелкнетъ стволъ сухого дерева, трескающагося отъ крѣпкаго мороза... гдѣ-то далеко-далеко застучитъ дятелъ, или неожиданно, тутъ же, надъ ухомъ, зазвенитъ телефонная проволока, натянутая на старыхъ, похилившихся столбахъ, идущихъ вдоль дороги... и опять все замолкло. И въ душу вашу незамѣтно вливается тишина. Въ ней тихо, спокойно. Страсти улеглись; словно какая-то невидимая рука устранила ихъ на время, чтобы слить вашу душу съ торжественной, властной тишиной, сковавшей окружающую васъ природу.

Хороши эти моменты тихаго покоя,—въ нихъ нѣтъ мѣста для злобы. Всякія обиды такъ легко забываются, такъ легко находишь имъ въ душѣ оправданіе и прощеніе! Изъ глубины души поднимается теплое, всепрощающее чувство. До этого монента оно словно лежало подъ толстымъ слоемъ житейской лжи и обмана, закрывающаго ясный ликъ правды и разумнаго пониманія жизни. И вотъ все наносное, все лишнее, притворное и лживое, накопившееся за многіе годы лихорадочной жизни, сбивавшееся на темныя, кривыя тропки, тускло озаряемыя фальшивымъ свѣтомъ мелкаго самолюбія въ разныхъ его видахъ, уступаетъ мѣсто какому то тихому

экстазу очнувшейся души,—точно невидимый ангелъ добра и вѣчной, неизмѣнной истины прикоснулся къ ея язвамъ своимъ мягкимъ крыломъ.

Не знаю, что чувствовали въ это время Незѣвайкинъ и рядомъ съ нимъ сидѣвшій Поросенковъ,-- но они сидѣли молча и на ихъ спокойныхъ лицахъ свѣтилась серьезная мысль, какъ отблескъ внутренней, вдумчивой работы. Даже ямщикъ и тотъ замолкъ, и только изрѣдка, какъ будто просыпаясь отъ какого то оцѣпенѣнія, шевелилъ возжами и коротко прикрикивалъ на лошадей, и опять погружался въ сковывавшую его тихую думу.

На одномъ изъ поворотовъ кони шарахнулись и, отскочивъ въ сторону, прижались другъ къ дружкѣ, шевеля поднятыми ушами и фыркая. Оказалось, что около самой дороги лежала свѣже-палая лошадь. Трое китайцевъ съ ножами, снявъ кожу съ задней части трупа, вырѣзывали лучшіе куски темнаго, сухого мяса, которое не успѣло еще замерзнуть, и клали его въ мѣшки и котелки.

— Здравствуй, хозяинъ!—обратился одинъ изъ нихъ къ Незѣвайкину,—твоя на пріискъ ходи?

— На пріискъ. А вы зачѣмъ же съ пріиска ушли?— Это были его рабочіе-золотничники, которыхъ онъ, уѣзжая съ пріиска, поставилъ „стараться“ въ бортахъ стараго разрѣза.

— Кушея нѣту... совсѣмъ худо,—отвѣтилъ китаецъ. —Манза нѣту, рыба нѣту... соль есть и снѣга есть, больше ничего нѣту... хххудо!—какъ то своеобразно протянулъ онъ послѣднее слово.

Иванъ Ивановичъ выругался и крикнулъ ямщику погонять лошадей.

Послѣ встрѣчи съ голодными китайцами, тишину, воцарившуюся въ душѣ Незѣвайкина и спокойно созерцательное настроеніе, какъ рукой сняло. Дѣйствительно, на пріискѣ ничего не было. Отправленный грузъ на трехъ лошадяхъ, повидимому, еще не пришелъ, - да и что толку, если онъ получится. Имъ было отправлено кое-что для личнаго стола и для служа-

щихъ, остальное—овесъ для лошадей. Для рабочихъ онъ не успѣлъ отправить: не на что было купить. Выѣзжая съ пріиска, онъ надѣялся какъ нибудь устроить дѣло на Пристани, но что именно онъ тамъ устроитъ онъ и самъ не зналъ. На всякій случай, проѣзжая по зимовьямъ, Иванъ Ивановичъ старался распространить слухъ о переводѣ двадцати тысячъ рублей за золото, которыя онъ ѣдетъ получать.

— Долго же вы не можете получить этотъ переводъ, —замѣтилъ ему зимовщикъ Рыжковъ,—второй годъ уже слышу отъ васъ объ этомъ переводѣ.

На пристани Иванъ Ивановичъ нѣсколько разъ заводилъ разговоръ съ „нужными людьми“ объ ожидаемомъ имъ переводѣ, но никто ему не вѣрилъ: „вретъ! не иначе, какъ вретъ!“—думали про себя „нужные люди“,—откуда быть переводу“?

Наконецъ онъ составилъ регистръ тысячъ на тридцать и заявился къ довѣренному „торговаго дома“, прося отпустить ему въ кредитъ на короткій срокъ.

— Спрошу своихъ хозяевъ,—отвѣтилъ ему довѣренный,—на свой рискъ не могу взять такой суммы.

Черезъ два дня получился лаконическій отвѣтъ: „Незѣвайкину въ кредитъ продавать не разрѣшаемъ“.

— Ну и чортъ съ ними,—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, прочитавъ поданную ему телеграмму.—Дѣдушкинъ открываетъ мнѣ кредитъ, только у него не хватаетъ кое-чего: нѣтъ мяса, муки и масла. А немного и нужно, —всего на двѣ тысячи рублей. За этимъ и пришелъ къ вамъ, сумма небольшая, полагаю, дадите. Платежъ въ іюнѣ.

— Отпустить вамъ на эту сумму можно, только, пусть Дѣдушкинъ поручится,—если онъ открываетъ кредитъ свыше двадцати тысячъ, двѣ тысячи для него ничего не составитъ.

— Конечно, Дѣдушкинъ это сдѣлаетъ,—отвѣтилъ Незѣвайкинъ и съ этими словами ушелъ, но больше въ торговый домъ не заявлялся.

Всѣ эти жалкія попытки устроить какъ нибудь свои дѣла и завезсти что нибудь на пріискъ, вспомнились

теперь и показались Ивану Ивановичу въ высшей степени глупыми и пошлыми.—„Одна только надежда на Акакія Акакіевича,—подумалъ Незѣвайкинъ и прислонился къ нему бокомъ, желая реально убѣдиться, что Поросенковъ, котораго онъ везетъ съ собой, дѣйствительно живой человѣкъ, а не плодъ его разстроенной фантазіи.

— Ой! Ой! какъ вы меня прижали,—завопилъ Поросенковъ, кряхтя и ворочаясь въ углу кошевы.

— Уснулъ я, Акакій Акакіевичъ, и не замѣтилъ, какъ навалился, простите! „Живой человѣкъ",—подумалъ Незѣвайкинъ, и успокоился.

Въ десяти верстахъ не доѣзжая Отрыжки, нагнали Вейнфельда. Онъ медленно шагалъ за своимъ возомъ, низко опустивъ голову и, повидимому, былъ занятъ тяжелой думой. О чемъ думалъ Иванъ Ѳедоровичъ, шагая одиноко по пустыннымъ таежнымъ дорогамъ и тропкамъ, сказать трудно. По всей вѣроятности, думы эти были не веселаго характера. Какая нибудь назойливая мысль о вѣчной нуждѣ, о неглижорствѣ отводчиковъ къ его интересамъ, о безплодно потраченныхъ годахъ, какъ гвоздь сверлила его мозгъ, не давая мѣста надеждѣ на благополучный исходъ его шатаній.

Лѣтомъ онъ обыкновенно пускался въ тайгу за поискомъ золота одинъ, съ котомкой на спинѣ, или со своимъ неизмѣннымъ „рыжкой", нагруженнымъ основательнымъ вьюкомъ. Остроумно сложенный, вьюкъ заключалъ все необходимое и въ достаточномъ количествѣ для пропитанія въ теченіи мѣсяца человѣкъ двухъ рабочихъ. Подножный кормъ, которымъ въ лѣтнее время питался невзыскательный рыжка, избавлялъ отъ необходимости возить овесъ и сѣно, что зимой главнымъ образомъ затрудняло Ивана Ѳедоровича.

Лѣтомъ онъ чувствовалъ себя несравненно легче и бодрѣе. Свѣжая зелень лѣсовъ, веселые голоса птицъ, журчаніе воды въ горныхъ рѣчкахъ и голубое безпредѣльное небо, съ вышины котораго ласково, любовно глядѣло яркое солнце,—все это незримо проникало въ его усталую душу, прогоняло на время назойливую тре-

вогу о нуждѣ, о неудачахъ, и мысль настраивалась въ тонъ съ мощной, ликующей природой, частичку которой составлялъ и онъ—вѣчный рабъ своей безумной идеи, своего желанія найти золотой кладъ и вырваться изъ объятій гнетущей нужды.

Были моменты, когда его духъ особенно умилялся, тогда онъ забывалъ свое одиночество, оторванность и чутко прислушивался къ всеобщей гармоніи звуковъ, лившихся въ его душу теплою волною. Рыжка его тутъ-же, неподалеку, пощипывалъ свѣжую, сочную траву, а онъ самъ, забывъ тяготѣвшія надъ нимъ заботы, растянувшись на мягкомъ, душистомъ коврѣ моху, подъ тѣнью дерева, безропотно отдавался во власть всеисцѣляющей великой природы, чрезъ всѣ поры его существа проникающей въ его душу. И тогда жизнь казалась ему такимъ хорошимъ и цѣннымъ даромъ, и какой то таинственный голосъ шепталъ ему, что этотъ моментъ великаго покоя, навѣяннаго непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ природой, неизмѣримо цѣннѣе всей тины мелочей, опутавшей его жизнь, и что въ этомъ непосредственномъ сближеніи съ природою, когда душа его, освободившись отъ житейской пошлости, роднится съ окружающимъ его міромъ, гдѣ и воздухъ, и небо, и самая незначительная букашка, и его рыжка, съ разумными и спокойными глазами, и онъ самъ, наконецъ, со своими страстями,—все это связано одной неразрывной цѣпью бытія, и что въ этомъ сближеніи и есть тайный смыслъ жизни, и что стремленіе къ этому сближенію, къ этому широкому пониманію, должно составлять благороднѣйшую и, можетъ быть, существеннѣйшую цѣль и потребность духа человѣческаго.

Въ такія исключительныя минуты внутренняго умиленія, которыя хотя рѣдко, но все же приходилось испытывать утомленному жизнью Ивану Федоровичу, прошедшее открывало передъ нимъ свою завѣсу; воспоминанія шумно толпились въ его головѣ,—и образъ молодой, шаловливой Гретхенъ, которую онъ оставилъ въ своемъ родномъ городѣ, въ Ригѣ, рельефно выступалъ на правый планъ воскресшей, но давно забытой картины.

Да! и у него была своя Гретхенъ! Двадцать лѣтъ прошло, какъ онъ разстался съ нею, а она все еще его мучитъ, дразнитъ своими плутовскими глазами, разжигаетъ его воображеніе и вызываетъ глубокій вздохъ о потерянномъ раѣ.

Господи! Что это было за время!... Ему вспоминаются чудные лѣтніе вечера, когда онъ послѣ работы на одномъ изъ крупныхъ водочныхъ заводовъ, прифранченный, бѣжалъ, сломя голову, на другой конецъ города, не чувствуя никакой усталости, въ загородный садикъ и тамъ садился въ укромное мѣсто за отдѣльный столикъ подъ душистымъ кустомъ сирени, а граціозная Гретхенъ,—дочь буфетчика,—подавала ему его пиво; и она часто садилась противъ него, устремивъ свои большіе голубые глаза, полураскрывъ свой маленькій ротикъ, изъ котораго сверкали снѣжной бѣлизны два ряда мелкихъ, крѣпкихъ зубовъ. Иногда какая-то загадочная, манящая улыбка, появлялась на ея тонкихъ губахъ; затѣмъ та же улыбка отражалась въ ямочкахъ ея пышныхъ розовыхъ щекъ и тонула въ глубинѣ голубыхъ глазъ, разжигая его молодое, юношеское сердце.

Ей было шестнадцать лѣтъ, ему—всего двадцать. Стоило только соединить двѣ молодыя—жизни и два пылкихъ, горячихъ сердца были-бы связаны неразрывными узами. И сколько счастія, сколько блаженства далъ-бы этотъ союзъ!... Но судьба рѣшила иначе.

На далекій Амуръ потребовался опытный водочный мастеръ. Обратились къ заводу, на которомъ служилъ Иванъ Федоровичъ—и вотъ ему и предложили это мѣсто. Жалованье было назначено большое, колебаться не приходилось. Иванъ Федоровичъ рѣшилъ повѣнчаться съ очаровательной Гретхенъ и увезти ее съ собою въ дикій и неизвѣстный край.

Но тутъ явилось совсѣмъ неожиданное препятствіе. Гретхенъ была единственная дочь у родителей,—и ея мать ни за что не захотѣла разстаться съ нею, а тѣмъ болѣе отпустить въ такой далекій край, о которомъ не только они сами и близкіе знакомые ничего не знали,

но даже колбасникъ Миллеръ, извѣстный во всемъ городѣ своей колоссальной ученостью, ничего не слыхалъ.

На семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что милый Іоганъ черезъ три года вернется въ Ригу къ своей Гретхенъ съ полными карманами денегъ и тогда они повѣнчаются и получатъ—въ видѣ свадебнаго подарка—„Bierhal“ со всей обстановкой, тѣнистымъ садомъ и громкой фирмой: „Bierhal unter pfaife“, которая рельефно значилась золотыми буквами на голубомъ фонѣ большой вывѣски, красовавшейся надъ входомъ въ садъ. Сверху вывѣски была привинчена большая золоченная трубка.

Ивану Федоровичу ничего не оставалось дѣлать, какъ только покориться своей судьбѣ. Онъ клялся, что черезъ три года явится къ своей Гретхенъ съ неугасаемымъ огнемъ въ своемъ пылкомъ сердцѣ и съ большимъ капиталомъ. Клялась тоже и Гретхенъ, что она ему будетъ вѣрна, будетъ его ждать и никто больше не увидитъ ея улыбки, которою былъ такъ очарованъ ея милый Iohan.

Конечно, будь этотъ Іоганъ поопытнѣе,—онъ при видѣ пышной, упругой груди вполнѣ созрѣвшей Гретхенъ, пожалуй, усомнился-бы въ долговѣчности ея клятвъ. Но мало того, что онъ былъ не опытенъ, какъ всякій юнецъ, онъ былъ безумно влюбленъ—и потому очень естественно, повѣрилъ горячимъ губамъ Гретхенъ, шептавшимъ ему слова клятвы и подтверждавшимъ ихъ жгучими поцѣлуями.

О, милая юность, какъ ты довѣрчива! Разставаясь, они смѣялись, плакали, опять смѣялись и опять плакали и цѣловались, безъ конца цѣловались.

Прошло двадцать лѣтъ. Очаровательная, граціозная Гретхенъ успѣла значительно пополнѣть, утративъ изящныя линіи своей фигуры. Она—мать шести человѣкъ дѣтей, между которыми самый старшій—восемнадцатилѣтній, тоже Іоганъ, причиняетъ много непріятностей ея материнскому сердцу своими рискованными романическими похожденіями. А Иванъ Федоровичъ и сейчасъ

еще живо чувствуетъ ея жгучіе поцѣлуи, которыми благословляла на далекій путь его коварная, или легкомысленная невѣста. Шатаясь по тайгѣ и ища золота, онъ подбираетъ обрывки пережитыхъ воспоминаній, которые холодно рѣютъ въ его душѣ, какъ увядшіе листья безвозратно мелькнувшей юности.

Богъ знаетъ, можетъ быть и сейчасъ, идя за возомъ, онъ думаетъ о коварной Гретхенъ. Налетѣвшая сзади тройка и звонъ колокольчиковъ заставила его очнуться. Узкая дорога съ трудомъ позволила разъѣхаться.

— Торопитесь къ обѣду, Иванъ Федоровичъ!—крикнулъ ему Незѣвайкинъ.—Ждать будемъ!

Черезъ полчаса, повернувъ круто вправо съ краю откоса высокой горы, гдѣ начался спускъ подъ гору, наши путешественники увидѣли ветхія постройки станка, пріютившагося въ глубокой, узкой долинѣ, сжатой съ обѣихъ сторонъ высокими, крутыми горами.

Декабрьскіе дни...

Зимніе декабрьскіе дни очень коротки, а въ тайгѣ, на пріискахъ, расположенныхъ въ горахъ, проходятъ еще быстрѣе. Всего три часа дня, а солнце уже закатывается, освѣщая какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ вершины горъ и покрывающій ихъ лѣсъ. Словно большое кровавое зарево поднялось по ту сторону горы, окрасивъ въ огненный красный цвѣтъ деревья. Солнце спускается все ниже и ниже и красный цвѣтъ все болѣе густѣетъ, разливаясь широкой полосой по небу. Съ противоположной стороны горизонта надвигается темнота, горы и лѣсъ уже окутаны ею. И вы видите, какъ темная полоса съ востока незамѣтно ползетъ по небу, все ближе и ближе надвигаясь къ яркому зареву заходящаго солнца, а его слабые лучи трепещутъ и постепенно тонутъ во мракѣ. Красное, зловѣщее зарево колеблется, дрожжитъ, блѣднѣетъ, разрывается на части, на мигъ окрашивая обрывки облаковъ, и фантастически обрисовываясь на темномъ небѣ. Еще мигъ —и послѣдніе слѣды свѣта исчезли, и небо повисло надъ вами холоднымъ темно-свинцовымъ покровомъ, на фонѣ котораго постепенно начинаютъ мерцать звѣзды: одна, двѣ, десятки, тысячи! И вотъ цѣлые милліарды ихъ засверкали чуднымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Вы закрываете глаза, и только что видѣнная вами чарующая картина борьбы свѣта съ мракомъ воскресаетъ въ вашемъ мозгу.

Говорятъ, что такой закатъ, густо облитый краснымъ лучистымъ свѣтомъ, предвѣщаетъ холодный вѣтренный день.

Николай Петровичъ Тупиковъ, въ катанкахъ и ватномъ пальто, сидѣлъ на корточкахъ передъ большой желѣзной печкой и во всю свою свободную грудь дулъ въ открытую дверку печи, стараясь раздуть въ ней огонь. Клубы мелкаго пепла вылетали изъ печки, окутывали его лицо, попадали въ горло, отчего онъ жестоко кашлялъ. Но Николай Петровичъ не унимался и, весь раскраснѣвшись, съ раздутыми щеками, съ глазами, которые, казалось, хотѣли выскочить со своихъ мѣстъ, старался выпустить какъ можно больше воздуха, чтобы раздуть погасшій въ печи огонь.

— Да будетъ тебѣ, Коля! Подожди, я принесу лучинокъ,—сказала женщина, тоже замерзшая, съ посинѣвшимъ носомъ и такими же руками, въ галошахъ и ватной кофтѣ,—поднялась съ табуретки и вышла изъ комнаты.

Вскорѣ она вернулась съ лучиной—и огонь весело запылалъ въ печкѣ, дрова стали потрескивать и въ трубѣ загудѣло. Неуютная, холодная, съ бѣдной обстановкой, комната оживилась. Даже зажженная керосиновая лампа, стоявшая на столѣ, засвѣтилась ярче, какъ будто до этого ей не хотѣлось горѣть въ нестерпимомъ холодѣ.

Николай Петровичъ и Анна Ивановна Тупиковы сидѣли молча у печки и наслаждались теплотой, которая, постепенно проникая въ ихъ тѣло, согрѣвала окоченѣвшіе члены. Наконецъ отъ печки пошелъ сильный жаръ, и сидѣть сдѣлалось невозможно. Тупиковъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Каждая половица, по которой онъ ступалъ, какъ-то жалобно скрипѣла и гнулась подъ его ногами; этотъ скрипъ, давно уже ему знакомый, раздражалъ его нервы и онъ бросилъ ходить и сѣлъ за столъ. Сначала глаза его устремились на лампу. Онъ долго смотрѣлъ на пламя, но затѣмъ глазамъ стало больно и онъ перевелъ ихъ на широкую щель въ доскѣ стола: эта щель тоже была ему хорошо знакома. За тонкой переборкой, въ другой комнатѣ послышался голосъ проснувшагося ребенка; Анна Ивановна торопливо выбѣжала.

Николай Петровичъ еще лѣтомъ поселился на Многообѣщающемъ рудникѣ Вездѣпоспѣлова, гдѣ онъ служилъ въ качествѣ управляющаго, конторщика, матеріальнаго, а нерѣдко даже водовоза, такъ какъ случалось, что воды не кому было привезти и ему приходилось самому возить себѣ воду. Несмотря на многообразныя и сложныя обязанности, Тупикову дѣлать было нечего и онъ дичалъ,—въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—отъ бездѣйствія и скуки.

Читателю, знакомому съ пріисковой службой, покажется страннымъ, какъ можно скучать человѣку, совмѣщающему въ себѣ всю пріисковую администрацію. Казалось-бы, что не только скучать, но не хватитъ времени, чтобы добросовѣстно исполнить одному всѣ обязанности столькихъ должностей. Но Тупиковъ скучалъ, и не только зимой, но даже лѣтомъ, когда на другихъ пріискахъ было по горло работы. Онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ за столомъ безъ всякаго дѣла или, сидя у окна, наблюдалъ за лихорадочной работой въ разрѣзѣ Петропавловскаго пріиска, расположеннаго на увалѣ противоположной горы. Станъ пріиска, въ полуверстѣ отъ помѣщенія Тупикова, былъ ясно и отчетливо виденъ,—и наблюдая изъ своего окна жизнь сосѣдняго пріиска, Тупиковъ изучилъ ее до мельчайшихъ подробностей. Утромъ рано, только забрежжитъ свѣтъ, съ пріиска доносится какой-то гулъ, по временамъ слышится отборная ругань, топотъ лошадей и грохотъ таратаекъ. Вся эта смѣшанная, безпорядочная масса людей, лошадей и таратаекъ сваливается въ глубокій разрѣзъ въ видѣ ящика. Но вотъ не прошло и десяти минутъ, какъ въ разрѣзѣ полный порядокъ. Не менѣе двадцати артелей заняли свои мѣста у забоевъ. Большіе, саженные лома начинаютъ свою дикую пляску, съ трудомъ откалывая твердую, сухую породу. Таратайки наполняются, и лошади чинно, одна за другой, поднимаются на крутые отводы по винтообразнымъ взвозамъ. Верхушки высокихъ отваловъ и вкатившіяся на нихъ таратайки проектируются изъ оконъ Николая

Петровича на фонѣ голубого неба. Въ дни промывки наблюдается еще большее оживленіе на пріискѣ.

Но на стану Многообѣщающаго рудника все мертво, не видно никакого движенія. Хотя рудникъ, по свѣдѣніямъ, представляемымъ куда слѣдуетъ, считается дѣйствующимъ. Въ конторѣ его имѣется книга для записыванія золота, въ нее оно записывается и отправляется въ лабораторіи. Словомъ, порядокъ заведенъ полный, и Вездѣпоспѣловъ не безъ основанія гордится тѣмъ, что у него все по закону, все формально, и что онъ строго придерживается всякихъ циркуляровъ и правилъ. Но почему же на пріискѣ тишина и спокойствіе?

Противъ помѣщенія, гдѣ живетъ Тупиковъ, стоитъ амбаръ, а надъ дверью амбара виднѣется вывѣска: „Торговля С. В. Вездѣпоспѣлова". Отъ помѣщенія до амбара протоптана глубокая тропка: повидимому, часто приходится по ней ходить. Больше никакихъ тропокъ на стану не имѣется, вездѣ трава и ерникъ.

Вы войдете въ амбаръ и, бѣгло взглянувъ кругомъ, сразу рѣшите, что амбаръ этотъ не пріисковый. Здѣсь есть все, что по опредѣленію Присутствія по горно-заводскимъ дѣламъ *не должно содержаться въ пріисковомъ амбарѣ*, но нѣтъ того, что потому же опредѣленію въ немъ *должно быть*. Но подобное отступленіе допущено Вездѣпоспѣловымъ на законномъ основаніи. Многообѣщающій рудникъ не промышленное предпріятіе, а чисто торговое, и потому это не амбаръ, а лавочка; въ ней на стѣнѣ, на видномъ мѣстѣ, вы даже найдете свидѣтельство на право торговли. Такихъ лавочекъ много развелось въ послѣднее время въ Зейской системѣ.— Направо, въ углу, вы видите цѣлую кучу деревянныхъ новыхъ лотковъ; эти лотки изготовляются ороченами по заказу Вездѣпоспѣлова за порохъ, свинецъ, пистоны, ну и, конечно, за вино. На полкахъ разложена „галантерея": дешевый одеколонъ, мыло, ленточки, кружева и пр. Затѣмъ лодзинская мануфактура; дальше сапоги, башмаки и все остальное въ этомъ родѣ. Съѣстныхъ припасовъ въ лавочкѣ не имѣется, такъ какъ по бли-

зости дѣйствующихъ пріисковъ, гдѣ производятся общія хозяйскія работы, въ лавочкѣ припасы держать не выгодно.

На пріискѣ кромѣ Николая Петровича живетъ сторожъ Яковъ съ женой Аксиньей. Яковъ—молодой, ловкій парень крѣпкаго сложенія—велъ свою комерцію съ командой сосѣдняго пріиска. Въ то время, когда Тупиковъ торговалъ разнымъ товаромъ на наличныя деньги, или большею частью на золото, смышленый сторожъ, торгуя виномъ, скупалъ тоже краденное золото. Эту операцію Степанъ Владиміровичъ не рѣшался поручить Тупикову. Для такого дѣла нужно особое умѣнье, нужна ловкость, т. е. такія дѣловыя качества, наличность которыхъ въ служащихъ не всегда желательна, такъ какъ ловкіе служаки при такой постановкѣ дѣла, какое ведетъ Вездѣпоспѣловъ, выгодныя условія съ успѣхомъ умѣютъ утилизировать въ свою пользу,—и потому винную операцію Степанъ Владиміровичъ поручилъ опытному и преданному его интересамъ Яшкѣ.

Аксинья—жена Якова, молодая 23-хъ лѣтняя русская красавица, во вкусѣ Лѣскова: бровеносная, тѣльная, на крѣпкихъ ногахъ, съ румянцемъ во всю щеку, съ правильнымъ оваломъ лица, на которомъ носъ „пипочкой“ придавалъ ея смѣлому, бойкому взгляду задорный характеръ,—была третьимъ колесомъ въ этой несложной машинѣ пріиска. Молодые рабочіе сосѣдняго стана нерѣдко на нее заглядывались, смакуя сочную красоту бойкой бабенки.

— У, пучеглазые!... Что уставились? Лиха на васъ нѣтъ!—и, круто повернувъ, такъ, что ея короткія юбки. распахнувшись, обнажали крѣпкія икристыя ноги, обтянутыя всегда бѣлыми тонкими чулками,—она убѣгала отъ нескромныхъ глазъ надоѣдливыхъ поклонниковъ.

— Бѣсъ, а не баба!—шепталъ въ полголоса конюхъ Тимошка, недавно женившійся, но не нашедшій въ своей молодой худенькой женѣ того, чѣмъ была богата Аксинья.

Злые языки намекали на какія-то особенныя отношенія красавицы Аксиньи къ ея хозяину. Но какъ бы

тамъ ни было, Яковъ и Аксинья вѣрой и правдой служили Степану Владиміровичу и безъ всякихъ бутарокъ, американокъ и другихъ присобленій мыли ему золото не хуже доброй артели, при баснословномъ содержаніи золота.

Николай Петровичъ сидѣлъ молча и медленно водилъ пальцемъ по широкой щели въ столѣ, Анна Ивановна ходила по комнатѣ, укачивая грудного ребенка; ребенокъ копошился, пищалъ и никакъ не хотѣлъ уснуть. У печки, на табуретѣ, весь закутанный въ теплую шерстяную шаль, сидѣлъ четырехлѣтній мальчикъ Володя и нехотя плакалъ, прерывая свои всхлипыванія большими паузами. Дрова въ печкѣ сгорѣли, огонь погасъ и отъ стѣнъ потянуло свѣжимъ, пронизывающимъ холодомъ.

Тупиковъ принадлежалъ къ разряду людей, которымъ плохо живется, гдѣ бы они не устроились. Въ житейской борьбѣ, гдѣ всякій успѣхъ и всякія удачи берутся съ бою, гдѣ счастье преимущественно склоняется на сторону сильныхъ и энергичныхъ натуръ, умѣющихъ во время его поймать и использовать, Николай Петровичъ всегда оказывался на заднемъ планѣ, обойденнымъ и обиженнымъ. Тщедушный, болѣзненный, вялый, онъ производилъ впечатлѣніе когда-то и чѣмъ-то напуганнаго человѣка. Говорилъ онъ всегда въ одинъ тонъ, скучно и однообразно; слушая его казалось, что передъ вами стоитъ человѣкъ, одержимый неизлечимымъ недугомъ. „Вотъ ужъ ледащій!“—опредѣлила въ первый же день Аксинья и въ этомъ словѣ „ледащій“ были и жалость, и презрѣніе.

Страшнымъ и неумолимымъ врагомъ, съ которымъ Николай Петровичъ велъ упорную борьбу съ осени и до теплыхъ дней весны,—былъ холодъ. Постоянная возня съ печкой истощала весь запасъ его слабой энергіи. Конечно, осмотрѣвъ домъ осенью, зачинивъ его щели и дыры, можно было предотвратить ужасную стужу, въ которой приходилось ему жить всю зиму. Но все несчастье въ томъ, что Николай Петровичъ не умѣлъ ничего сдѣлать во время. Холодъ леденилъ его кровь, отъ

него коченѣли дѣти и мерзла жена,—и имъ всѣмъ было жутко и неуютно; и все это казалось непоправимымъ, неизбѣжнымъ, а потому и въ порядкѣ вещей. И оставалось только одно: поддерживать неугасаемый огонь въ печкѣ.

Но, кромѣ холода, Николая Петровича и семью его преслѣдовала еще одна забота, не менѣе существенная, чѣмъ первая. Съ перваго дня службы у Вездѣпоспѣлова ему приходилось голодать. Какъ ни странно это, но нужно сказать, что на этомъ знаменитомъ пріискѣ главноуправляющему ѣсть было нечего.

На пріискахъ вообще на ѣду смотрятъ не только, какъ на физіологическую потребность, но ѣда на пріискахъ является до нѣкоторой степени предметомъ развлеченія; это есть средство препровожденія времени,—своего рода игра. Вы заходите разъ десять на дню къ управляющему пріискомъ или къ любому изъ служащихъ и каждый разъ васъ будутъ угощать всевозможными яствами и винами, и угощать искренно и радушно. Если вы человѣкъ наблюдательный, то тутъ вы можете подмѣтить много интереснаго. Вы пришли не во время, т. е. послѣ того, когда хозяева пообѣдали, поужинали или вообще поѣли; по безпокойному, растерянному виду хозяйки вы замѣчаете, что вашимъ приходомъ она поставлена въ затрудненіе: угостить васъ нечѣмъ. Въ это время мужъ бросаетъ на жену молніеносные взгляды, дѣлаетъ какіе-то намеки, смыслъ которыхъ вы ясно понимаете. Она бѣжитъ, роется у себя въ кладовкѣ, забѣгаетъ къ сосѣдкѣ, къ одной, другой и наконецъ, запыхавшись устаналиваетъ столъ цѣлой батареей бутылокъ и коробками разныхъ противныхъ консервовъ, отъ которыхъ вы давно уже успѣли заполучить надоѣдливый катарръ.

— Прошу выпить! да закусите-же пожалуйста! да что это вы церемонитесь!...

Въ это время вы менѣе всего хотите пить и закусывать. Но вы должны пить и ѣсть,—иначе вашъ отказъ примутъ за личную обиду. Если вы девять часовъ просидите въ одномъ домѣ и тамъ не играютъ въ карты и

нѣтъ тамъ граммофона, то шесть часовъ вы будете ѣсть, два часа вы будете молчать, а часъ вы будете обмѣниваться короткими фразами, или вы должны врать и разсказывать разныя небылицы въ лицахъ, чтобы порѣже водили васъ къ столу съ закусками.

Конечно, это—трогательная христіанская черта въ чисто русскомъ вкусѣ,— и, конечно, эта черта не въ примѣръ симпатичнѣе англійской, или другой холодной чопорности, гдѣ вы можете досидѣться до обморока и только тогда вамъ предложатъ... нашатырнаго спирту, но ѣсть вамъ не дадутъ.

Бѣдный Николай Петровичъ не только не могъ позабавиться и развлечься ѣдой, онъ не могъ отдѣлаться отъ мучительнаго чувства голода и смыслъ басни Крылова объ ухѣ сдѣлался ему совершенно непонятенъ. Жалованье своимъ служащимъ Степанъ Владиміровичъ платилъ мизерное,—и, по его мнѣнію, платить хорошее жалованье было не за что. На его пріискахъ работъ не производилось, а чтобы скупать чужое золото,—знанія не нужно. Нужна только честность, а это не Богъ вѣсть какое качество, чтобы дорого его оплачивать. Тѣмъ болѣе, что Вездѣпоспѣловъ и жена его зорко слѣдили за дѣйствіемъ своихъ пріисковъ и всегда умѣли уловить тотъ моментъ, когда присутствіе ихъ требовалось на пріискѣ.

Чтобы служащій не забирался въ амбарѣ, туда ничего лишняго не засылалось, — и если тамъ была рыба или мясо, то все это было давно испорчено, куплено за безцѣнокъ,—и какъ-бы служащій и семья его ни были обжорливы, но Степанъ Владиміровичъ былъ вполнѣ увѣренъ, что многаго они не съѣдятъ. Къ нему на службу попадали или лица не сумѣвшія во время устроиться на другихъ пріискахъ, или же новички, къ числу которыхъ принадлежалъ и Николай Петровичъ.

Тупиковъ, ища службы, по пріѣздѣ на Пристань, узнавъ, что на пріискѣ Вездѣпоспѣлова имѣется вакантная должность, отправился къ нему въ домъ, который по наружному солидному виду, съ большими окнами, съ обширнымъ крашеннымъ крыльцомъ, произвелъ на него хорошее впечатлѣніе.

Степанъ Владиміровичъ на Пристани жилъ открыто, у него собирались сливки мѣстнаго общества. Онъ умѣлъ угостить, для чего въ его погребѣ имѣлись лучшія вина, лучшіе коньяки и лучшія закуски. Шампанское онъ получалъ прямо изъ Шампаньи, изъ первыхъ рукъ, именно изъ той самой бочки, изъ которой разливалось вино для дворовъ коронованныхъ особъ. Чудное было шампанское! а какое пиво подавалось за столомъ Степана Владиміровича! „Богъ мой, что это за пиво! Это не пиво, а мечта!"—говорилъ обыкновенно Павелъ Петровичъ, облизывая пальчики, долго спустя послѣ угощенія. Въ комнатахъ мягкая мебель, роскошные ковры, зеркала, картины въ массивныхъ рамахъ, телефонъ, граммофоны, фонографы, альбомы, книги въ роскошныхъ переплетахъ, чинно разставленныя въ изящныхъ шкафахъ за стекломъ, и сотни разныхъ бездѣлушекъ, между которыми были историческія вещи,—даже трофеи изъ послѣдней русско-китайской войны. И все это шумѣло, кричало, пѣло и трещало о солидности почтеннаго золотопромышленника. Но это была лицевая, такъ сказать, показная сторона жизни достопочтенннаго Степана Владиміровича. А пріиски—это мастерскія, въ которыхъ безъ мусора и грязи никакъ ужъ не обойдешься.

— Холодно, Коля, подтопи, голубчикъ! Милочка уснула, боюсь чтобы ее не простудить.—И Анна Ивановна тихой походкой ушла за переборку, бережно неся уснувшаго ребенка, согрѣвшагося у ея теплой груди.

— Папа, ѣсть хоцу! н-э-э-э!...

Горный Исправникъ Пѣтушковъ.

Утро. Востокъ алѣетъ. Вершины горъ, замыкающихъ съ восточной стороны широкую долину лѣваго берега Зеи, окрасились блѣдно-золотистымъ свѣтомъ. Еще моментъ—и солнце должно выглянуть изъ-за линіи этихъ горъ, тянущихся скучной, однообразной грядой къ югу и исчезающихъ далеко на краю горизонта. Его первый лучъ заигралъ на верхушкѣ церковнаго креста, скользнувъ по крышѣ, на одинъ мигъ остановился на карнизѣ, подъ которымъ образовалась густая тѣнь,—словно мракъ, борясь со свѣтомъ, ставилъ ему послѣднія преграды. Но вотъ постепенно вся церковная стѣна, обращенная къ востоку, залилась мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ, въ окнахъ заиграли яркіе лучи, и Божій храмъ словно ожилъ, скинувъ съ себя мрачный покровъ ночи. Набережная Зейской-Пристани съ ея сѣренькими отъ времени постройками приняла жизнерадостный, веселый видъ.

Въ то время, когда утренніе лучи восходящаго солнца, поднимающагося плавно по безоблачному голубому небу, спугивали послѣднюю темноту исчезающей ночи, одно изъ оконъ сѣраго большого дома на Набережной отворилось и въ немъ показалась фигура Николая Семеновича Пѣтушкова, исправника N—скаго горно-полицейскаго округа. Онъ стоялъ въ ночномъ бѣльѣ, съ обнаженной грудью и, видимо, съ удовольствіемъ вдыхалъ свѣжій утренній воздухъ. Передъ его глазами раскрылась панорама небольшихъ домиковъ Зарѣченской слободки, а дальше, за этой слободкой, широкая полоса

луговъ, на которыхъ кое-гдѣ виднѣлись зеленыя рощи деревъ. Николай Семеновичъ взглянулъ на рѣку и ему захотѣлось окунуться въ ея свѣжую, чистую воду.

— Иванъ! сапоги... шинель!.. раздался его голосъ въ прихожей.

Черезъ полчаса Николай Семеновичъ выходилъ изъ купальни бодрый, свѣжій, съ румянымъ лицомъ, одѣтый безукоризненно, какъ будто ему предстояло явиться съ докладомъ къ его превосходительству. Снѣжной бѣлизны китель ловко обхватывалъ его красиво сложенную фигуру, широкіе брюки жандармскаго темно-синяго сукна картинно ниспадали на лакированныя низкія голенища сапогъ.

Хорошо было у него на душѣ. Обласканный первымъ лучемъ утренняго солнца, освѣженный холодной, чистой водой, онъ чувствовалъ себя бодро, легко. Избытокъ жизненныхъ силъ и энергіи сквозилъ въ его бойкомъ, веселомъ взглядѣ, въ мягкомъ движеніи рукъ, во всей его изящной корректной фигурѣ. Чувствовалъ онъ себя, какъ и всегда, вообще въ нѣсколько приподнятомъ, восторженномъ настроеніи. На жизнь свою, на свои служебныя обязаности, къ которымъ относился, по своему, безукоризненно, онъ смотрѣлъ какъ на веселую, милую шутку. Явившись исправникомъ два года тому назадъ, онъ скоро сошелся со всѣми. Всѣ его полюбили и онъ всѣхъ въ свою очередь. Одаренный отъ природы тонкимъ пониманіемъ человѣческаго сердца, Николай Семеновичъ скоро разгадалъ всѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло, и тонкимъ чутьемъ съ перваго шага опредѣлилъ характеръ своихъ отношеній къ каждому. По службѣ никакихъ осложненій никогда не было; подчиненные любили его и боялись въ одно и тоже время. Въ служебной дѣятельности онъ руководствовался принципомъ: „не мѣшать теченію естественнаго хода вещей, а только во время развязывать узелки, если жизненная нить начинала путаться“,—и жизненные вопросы рѣшались какъ-то сами собой. А была-ли польза отъ его дѣятельности—этого ни онъ, ни другіе не касались. Да и гдѣ истина, гдѣ польза—

найти трудно. Лишь бы лица всѣхъ были довольны и радостны, лишь бы всѣмъ жилось привольно и счастливо, лишь бы общая любовь согрѣвала сердца всѣхъ и было поменьше вражды и раздоровъ,—и коль скоро это достигнуто,—значитъ, по службѣ все обстоитъ благополучно. Канцелярія сама собой, безъ канцеляріи никакъ обойтись нельзя: циркуляры, отзывы, рапорты, донесенія, доклады и пр., все это необходимо, безъ этого чиновникъ лишенъ возможности доказать своему начальнику, что онъ работаетъ, трудится,—тѣмъ болѣе на разстояніи сотни верстъ. Но какъ во всемъ вообще, такъ и въ канцелярскомъ искусствѣ Николай Семеновичъ тоже зналъ мѣру. И такимъ образомъ онъ достигъ того, что при немъ была тишь, гладь и Божья благодать! Какъ исправнику, ему платили исправно, а какъ Николаю Семеновичу—даже платили съ особымъ удовольствіемъ. И лился на него золотой дождь обильнымъ потокомъ. Цѣлыя волны радужныхъ, цѣлые потоки звонкаго металла, шелестя и звеня протекали сквозь пальцы его красивыхъ, мягкихъ рукъ, какъ будто созданныхъ для того, чтобы собирать эти сокровища со всѣхъ сторонъ и опять разбрасывать кругомъ себя. Зеленое сукно было тѣмъ полемъ, на которомъ судьба распредѣляла кредитки и звонкую монету, попадающія въ пухлыя руки Николая Семеновича. За два года службы „около золота“ много протекло государственной регаліи между пальцами тароватаго исправника, но карманы его всегда почти оставались пустыми; а если какой-нибудь случай наполнялъ ихъ сверхъ обыкновеннаго, то Николай Семеновичъ чувствовалъ себя ненормально, лишался сна, аппетита, мучили его неопредѣленныя желанія—и вообще ему было не по себѣ. Тогда онъ искалъ случая, чтобы облегчить непривычную тяжесть своихъ кармановъ—и этотъ случай всегда являлся въ видѣ зеленаго столика съ желанной колодой на немъ.

Собиралась компанія добрыхъ знакомыхъ, Николай Семеновичъ занималъ предсѣдательское мѣсто и отдавался всѣмъ своимъ существомъ гадательному счастью.

Груды золота перемѣщались отъ одного игрока къ другому. Какой-то невидимый законъ, не поддающійся никакому расчету, дѣлалъ свое дѣло, распредѣляя удачу и неудачу среди ограниченной кучки людей у небольшаго зеленаго стола, съ такой же неумолимой силой, съ какой онъ продолжаетъ свое дѣло на широкой аренѣ человѣческой жизни, распредѣляя удачу не только между отдѣльными лицами, но даже между цѣлыми народами, яростно отстаивающими другъ у друга свою долю счастія.

Нерѣдко Николай Семеновичъ съ такой сосредоточенностью старался поймать это слѣпое счастіе, которое упорно отъ него бѣжало, что не замѣчалъ, что происходило вокругъ него,—и былъ случай, когда одна изъ милыхъ дамъ мѣстнаго общества, воспользовавшись его восторженнымъ состояніемъ, ловко подложила подготовленную ранѣе колоду картъ,—и безпощадно била всѣ ставки Николая Семеновича, пока солидная пачка кредитокъ, въ нѣсколько тысячъ рублей, не перешла изъ его рукъ въ ея маленькія, изящныя, украшенныя кольцами руки. Тогда она встала и, при гробовомъ молчаніи удивленнаго ея счастію общества, удалилась. Но этотъ удивительный подъемъ энергіи и хладнокровія, необходимый для исполненія адски задуманнаго плана, не обошелся безнаказанно: барынька успѣла только вбѣжать въ спальню, гдѣ разрѣшилась преждевременными родами, послѣ чего долго пролежала въ постели. Послѣ ея ухода Николай Семеновичъ сидѣлъ какъ истуканъ, устремивъ глаза въ одну точку, наконецъ протянулъ руку къ картамъ и, сосчитавъ колоды, въ которыхъ оказалась лишняя, онъ долго и отъ души хохоталъ.

Таковъ былъ нашъ добрый исправникъ.

— Ваше вы—діе! на Зейской-Пристани все обстоитъ благополучно!—отрапортовалъ ему тутъ же, на берегу, у купальни старшій полицейскій, вытянувшись по военному и взявъ подъ козырекъ.

— Никто никого не зарѣзалъ?

— Точно такъ-съ, ваше вы—діе!

— Спокой!.. Кудряша со спиртомъ выпустили, мерзавцы!

— Никакъ-съ нѣтъ, ваше вы—діе! Сорокъ банокъ стоятъ приготовлены въ подвалѣ Титъ Титыча, караулъ строгій поставленъ, взять не можетъ. Сегодня въ полночь Титъ Титычъ пытался нагрузить банки въ лодку и перевести на тотъ берегъ къ мѣсту, гдѣ дожидалъ Кудряшъ... неудалось,—я былъ у лодки.

— То-то, подлецы! смотрѣть въ оба. Ступай въ канцелярію, дожидай моихъ приказаній,—и, закуривъ папироску, Николай Семеновичъ поднялся по ступенькамъ тропы на Набережную и направился вверхъ по улицѣ. Проходя мимо дома, гдѣ помѣщалась главная контора N-ской компаніи и жили семейные служащіе, взглянувъ на закрытыя ставни оконъ, онъ улыбнулся. За два года, вращаясь въ тѣсномъ кружкѣ небольшого общества, ему доподлинно были извѣстны всѣ мелкіе грѣшки мѣстныхъ представительницъ веселой, беззаботной и легкомысленной половины рода человѣческаго. Затѣмъ повернувъ налѣво, направился къ дому резидента. Войдя въ переднюю, увидѣлъ на лѣво, въ кабинетѣ, мощную фигуру резидента, сидящаго у письменнаго стола. Голова его покоилась на рукахъ, геркулесовскія плечи по временамъ вздрагивали,---повидимому, резидентъ страдалъ.

— Въ чемъ дѣло-съ?

— А! Николай Семеновичъ! съ добрымъ утромъ!

— Здравія желаю!... въ чемъ дѣло-съ?

— Голова болитъ... нужно же было выпить такую массу этого подлаго шампанскаго, сколько мы съ вами вчера вечеромъ выпили... Охъ! не могу головой шевельнуть.

— Шампанское — доброе вино, выдуманное богами, оно веселитъ нашу жизнь. Въ его искрометной влагѣ благородный человѣкъ топитъ всѣ свои горести и печали. Вино это ругать не слѣдуетъ, а болѣзнь вашу мы сейчасъ вылечимъ. Карлъ! ставь чертика!...

Карлъ, - лакей, знакомый съ этимъ терминомъ, мигомъ оборудовалъ бутылку „martell'я“, двѣ рюмки и блюдце съ мятными лепешками.

Горный Исправникъ Пѣтушковъ.

повидимому, зналъ гдѣ остановиться,—не первый разъ возилъ онъ исправника „по епархіи“. Пожилой хозяинъ съ сѣдой бородой, въ аракчеѣ на головѣ, суетливо подошелъ къ экипажу, низко кланяясь и усердно приглашая раннихъ гостей въ домъ.

— Вотъ и мы, Константинъ Ивановичъ, пріѣхали навѣстить васъ. Все ли у васъ благополучно? По службѣ, по службѣ, Константинъ Ивановичъ!

— Прошу покорно, Николай Семеновичъ, очень радъ! —Николаевна! крикнулъ онъ своей женѣ, на мигъ выглянувшей изъ открытаго окна, — торопись, гости пріѣхали.

Не прошло и десяти минутъ, какъ на терассѣ, на столѣ, около котораго усѣлись исправникъ съ резидентомъ, появилась вмѣстѣ со льдомъ бутылка добраго игристаго вина, дарованнаго людямъ богами.

— Умный вы человѣкъ, Константинъ Ивановачъ! Что, пане резидентъ?... Послѣ чортика хорошій пріемъ содержимаго этой бутылки долженъ разсѣять всѣ печали и горестныя воспоминанія прошлаго!... За ваше здоровье, Константинъ Ивановичъ! Живемъ!...

— А гдѣ киргизы? — спросилъ исправникъ, пристально взглянувъ въ глаза татарина.

— Вамъ лучше извѣстно, г. исправникъ.

— Мерзавцы... не сорвутся... На Уньѣ хорошо торговали спиртомъ, но это больше имъ не удастся.

— Ваше вы—діе!—оборвалъ мирную бесѣду прискакавшій казакъ на взмыленномъ конѣ.

— Ты откуда? — спросилъ исправникъ.

— Съ Гилюйскаго перевоза, ваше вы—діе.

— Въ чемъ дѣло?

— Шесть человѣкъ корейцевъ убитыми нашли.

— Веселый денекъ начался!... А на Милліонномъ, по свѣдѣніямъ, около трехъ тысячъ хищниковъ собралось. Меня ждутъ, мерзавцы! съ хлѣбомъ солью хотятъ встрѣтить.

Слишкомъ на десять тысячь квадратныхъ верстъ раскинутъ раіонъ, надъ которымъ долженъ бодрствовать бдительный глазъ исправника. Этотъ обширный раіонъ

разрѣзанъ сотнями тропинокъ по всевозможнымъ направленіямъ, на которыхъ нерѣдко происходятъ раздирающія душу драмы убійствъ и грабежей, — и только незначительная часть этихъ происшествій обнаруживается и доходитъ до свѣдѣнія властей. Темная, нелюдимая тайга зловѣще молчитъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ выдаетъ свои ужасныя тайны.

Николай Семеновичъ прекрасно понималъ, что ему всего не осилить, что человѣческихъ силъ мало, чтобы искоренить кишащее кругомъ зло, вывести спиртоношество, уничтожить хищничество. Одни только слова, слова и слова! въ докладахъ все это такъ прекрасно, математически вѣрно выходитъ.

—„Принять мѣры къ прекращенію спиртоношества!“

—„Слушаюсь, ваше превосходительство, будетъ исполнено.“

—„Что у васъ за безпорядки въ тайгѣ! хищниковъ расплодили! Выгнать немедленно и донести мнѣ объ исполненіи.“

—„Всенепремѣннѣйше будетъ исполнено, ваше превосходительство.“

И быстрѣе молніи летятъ циркуляры по всѣмъ направленіямъ о принятіи „мѣръ“. Черезъ сутки, быстрѣе того, летятъ отвѣты отъ ревностныхъ урядниковъ съ приложеніемъ безграмотныхъ протоколовъ, — смѣсь русскаго съ китайскимъ: — „хищниковъ на указанномъ ключѣ не оказалось... спиртоносъ былъ, но скрылся, посланы въ догонку два казака“... Значитъ—все опять обстоитъ благополучно.

А Титъ Титычъ все-таки не спитъ... Первая темная дождливая ночь—и сорокъ банокъ благополучно уйдутъ по разнымъ тропинкамъ обширной тайги, за ними еще сорокъ и еще сорокъ! Вѣдь десять тысячъ ведеръ безводнаго спирта хранится въ подвалѣ Титъ Титыча, не везти же его обратно въ Одессу!...

Виргильевскій пріискъ.

Лиза! Что же это такое? Четвертый разъ тебя бужу!.. пять часовъ скоро... Ты опять безъ чаю пойдешь на занятіе... Смотри, уже лошадь подана.

— Сейчасъ, Настя! ну, одну минуточку, только одну минуточку!

— У тебя всегда одна минуточка, а между тѣмъ уже часъ прошелъ, какъ я тебя первый разъ разбудила! Все лѣто я съ тобою вожусь, а ты никакъ не можешь привыкнуть вставать во время.

— Да вѣдь темно еще, совсѣмъ темно; ну, Настенька, пожалѣй! Одну минуточку только!... сейчасъ встану!

— Какъ темно? это пасмурно, дождь идетъ. Всѣ ушли по своимъ мѣстамъ — И убѣдившись, должно быть, что безъ энергичныхъ мѣръ дѣло не обойдется, она сорвала одѣяло съ сонной Лизы. — Я не могу больше возиться съ тобою, мнѣ давно время идти, — и если ты сейчасъ не встанешь, ты обязательно опоздаешь и будетъ непріятность.

Съ этими словами Анастасія Николаевна вышла изъ комнаты. Пройдя контору и переднюю, она очутилась на крыльцѣ, гдѣ постояла нѣсколько минутъ, повидимому, не зная, на что рѣшиться; наконецъ, махнувъ рукой, сошла съ крыльца, повернула за огородъ и быстрымъ шагомъ направилась по тропинкѣ къ верхнему разрѣзу, гдѣ уже кучками копошились китайцы.

Какъ-то странно она была одѣта. Полуболотные большіе сапоги съ вывернутыми въ сторону задниками затрудняли ей походку, и она часто скользила по вязкой, мокрой землѣ; шаровары изъ толстой коричневой

бумазеи были заправлены въ голенища сапогъ, на ней была надѣта ветхая женская кофта; голова закутана въ теплый, шерстяной платокъ, а сверхъ платка неловко болтался на худыхъ, угловатыхъ плечахъ, капюшонъ съ башлыкомъ отъ мужского дождевика; большая правилка *) въ правой рукѣ дополняла этотъ своеобразный костюмъ.

Если бы не раннее утро, можно было подумать, что Анастасія Николаевна, жалая пошалить, нарядилась въ этотъ странный, непривычный ея полу костюмъ и отправилась къ сосѣдямъ съ цѣлью насмѣшить ихъ; но это была не ряженная. Въ этомъ легко можно было убѣдиться по ея серьезному, худому, усталому лицу, по тому безразличному, равнодушному, взгляду, которымъ встрѣтилъ ее конюхъ, шедшій по той же тропинкѣ. Это была дѣвушка—служащій громкой N—ской золотопромышленной компаніи.

Августъ подходилъ къ концу. Въ описываемый день съ ранняго утра шелъ дождь,—мелкій, густой осенній дождь. Онъ шелъ безъ шуму, тихо, однообразно, заслонивъ солнце и придавъ всему горизонту скучно-сѣрый цвѣтъ. Вся окрестность словно застыла подъ этимъ нависшимъ мокрымъ покровомъ. Все живое какъ будто съежилось, оцѣпенѣло, окутанное сырой атмосферой. А вверху надъ этимъ свинцовымъ покровомъ было яркое, привѣтливое солнце,—и нуженъ былъ одинъ только лучъ, одинъ теплый радостный лучъ, чтобы все встрепенулось и ожило; но, повидимому, нависшій покровъ былъ очень толстъ и этотъ желанный, все оживляющій, лучъ пробиться не могъ, а потому все оставалось въ полудремотномъ, апатичномъ состояніи.

Привязанная къ коновязи у крыльца лошадь въ долгушѣ, вся мокрая, начинала дрожать и нервно переступала съ ноги на ногу. Лохматая черная собака съ поджатымъ хвостомъ перебѣжала дорогу и забилась подъ крыльцо кухни. Направо отъ терассы главнаго дома, подъ деревомъ, сбившись въ кучку, измокшія курицы отсиживались, спасаясь отъ дождя.

---

*) Правилка - полусаженная палка, на которой размѣчены вершки; ею измѣряютъ земляную выработку.

Всѣ постройки главнаго стана Виргильевскаго пріиска вполнѣ соотвѣтствовали осенней морочной погодѣ; повидимому и самъ пріискъ переживалъ осень своего существованія. Когда-то богатый, въ настоящее время онъ былъ выработанъ и его полуразрушенныя, нѣкоторыя даже безъ оконъ и безъ крышъ, зданія мрачно обрисовывались на сѣромъ фонѣ горизонта. Обширный, выстроенный съ удобствами домъ управляющаго представлялъ картину полнаго разрушенія и ветхости. Одна его половина была заколочена, изъ нея были вынуты окна и сорвана часть крыши; въ другой, повидимому, жили,—окна въ ней были цѣлы и въ окнахъ виднѣлись дешевыя ситцевыя занавѣски. Большое крыльцо въ родѣ терассы, на которое вело нѣсколько разрушенныхъ ступеней, дырявымъ поломъ и лужей воды, протекшей сквозь сгнившую крышу, непривѣтливо встрѣчали прихожаго. Разбитый около дома садикъ съ цвѣтникомъ тоскливо смотрѣлъ своимъ запущеннымъ видомъ, въ углу его грустно выглядывала разрушенная купальня и торчали кое-гдѣ жерди и столбы, поддерживающіе когда-то желоба, служившіе для орошенія сада и снабжающіе купальню водой.

Внутреннія большія комнаты съ покосившимися дверями и окнами, съ протоптаннымъ поломъ, на которомъ мѣстами уцѣлѣла желтая краска, съ рваными, висѣвшими лоскутьями, обоями дополняли эту картину разрушенія и полнаго запустѣнія. Старая развалившаяся мебель, разновидная, сборная; по серединѣ обширной комнаты обѣденный столъ, накрытый дешевой старой скатертью; на стѣнѣ тусклое японское зеркало, нѣсколько фотографій съ изображеніемъ группъ пріисковыхъ видовъ,—указывали, что въ этомъ полуразрушенномъ домѣ ютилась жизнь, но жизнь забитая, пришибленная заботой и нуждой, влачившая кое-какъ свое существованіе со дня на день.

А между тѣмъ этотъ домъ, да и весь этотъ станъ богатаго пріиска когда-то видѣлъ веселые, счастливые, беззаботные дни. Въ комнатахъ, уставленныхъ мягкой дорогой мебелью и устланныхъ коврами, нерѣдко раз-

давалась духовая и струнная музыка; въ нихъ играли и веселились всю ночь напролетъ. Управляющій этого пріиска жилъ здѣсь, какъ царекъ, окруженный своими служащими, словно вассалами,—и эта свита, сознавая всю свою зависимость отъ расположенія и настроенія своего патрона, раболѣпствовала, нерѣдко даже подличала, чтобы заслужить вниманіе и добиться мизерной награды: особой подачки винами или закусками къ празднику,—или же поднятія выше по службѣ. Жена его, Надежда Александровна, молчаливая, вялая барыня, ступала важно, торжественно, по мягкимъ коврамъ обширныхъ комнатъ удобнаго дома, словно удѣльная княгиня, окруженная женами служащихъ, и эти дамы раболѣпно глядѣли въ глаза ей, стараясь угадать сокровенныя мысли ея мелкой, капризной души,—и уходили на цыпочкахъ, незамѣтно, безъ шуму, если случалось имъ замѣтить неудовольствіе въ сонныхъ, почти безжизненныхъ глазахъ, вызванное ихъ присутствіемъ.

Иногда цѣлыя недѣли и мѣсяцы эти дамы томительно мучились, стараясь одна передъ другой уловить случай и слащавымъ голоскомъ замолвить за мужа о прибавкѣ ему жалованія или другой милости. Если просительница попадала въ добрую минуту, она удостоивалась молчаливаго, одобрительнаго кивка головой, и тогда сердце ея загоралось такой сильной любовью, языкъ ея лепеталъ такія сладкія слова въ похвалу добрыхъ качествъ Надежды Александровны, что даже канарейки, висѣвшія тутъ же въ клѣткѣ, умолкали, стараясь уловить каждый звукъ этого разговора,—словно это была чудная ангельская музыка.

Да, хорошее было время! Но оно прошло, какъ все въ этомъ мірѣ проходитъ Въ pendant этимъ радостямъ, которыя нашли себѣ уютный уголокъ подъ крышей этого обширнаго дома, все кругомъ жило радостной жизнью. Золото было хорошее, сыпалось оно многими пудами въ карманы хозяевъ, а отъ пудовъ, въ видѣ наградъ, подачекъ, списыванія долговъ и пр., попадало и въ карманы управленія. Рабочіе—тѣ сами о себѣ заботились и не забывали себя.

На конномъ дворѣ, кромѣ рабочихъ лошадей, стояли десятки выѣздныхъ, готовыхъ вихремъ промчать скучающую, всегда чѣмъ-то недовольную, Надежду Александровну. Подавался мягкій рессорный экипажъ—и барынька садилась съ одной изъ своихъ фаворитокъ. Кони мчали по ровной дорогѣ, которая словно лента извивалась по косогору, окутанная свѣжей зеленью. Кругомъ Виргильевскаго пріиска расположились богатые станы и скучающей барынѣ было куда заѣхать.

Послѣ легкаго чая усаживали ее за зеленый столъ и начиналась стуколка, однообразная, безконечная стуколка;—и за этимъ столомъ въ душной комнатѣ, когда яркое солнце и свѣжая зелень неудержимо манили на чистый свѣжій воздухъ, праздныя жены управляющаго, станового и конторщика просиживали дни и ночи до утра—и нерѣдко только къ обѣду расходились.

И такъ дни, мѣсяцы и годы текли въ полномъ блаженствѣ, лѣни и нѣгѣ, пока, наконецъ, золото не подработалось. По одной лопатѣ въ богатыхъ пескахъ, попадая въ таратайку, съ таратайки на машину и т. д., оно все перешло по шлюзамъ чрезъ пріисковую контору и ушло куда-то далеко, далеко. Въ видѣ блестящихъ кружковъ оно раскатилось по обширной широкой Руси, а можетъ быть еще и дальше.

А много, много тысячъ лѣтъ оно лежало въ неизвѣстномъ ключѣ, скрытое подъ толстымъ слоемъ пустой земли. Долго оно спасалось подъ покровомъ дикой, нелюдимой тайги, среди болотъ и трясинъ. Но какъ ни тщательно оно было спрятано отъ глазъ жаднаго, ничѣмъ ненасытнаго человѣка, все же онъ его раскопалъ, —и около богатаго золота собрались тысячи такихъ же жадныхъ, грубыхъ людей и закипѣла жизнь, подчасъ полная безумствъ и разгула.

На Виргильевскомъ пріискѣ отдыхъ. Въ домѣ управляющаго полно гостей; шампанское льется рѣкой, пробки то и дѣло хлопаютъ, лакей во фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ не успѣваетъ разносить высокіе стройные бокалы, полные игристаго, дорогого вина. Въ большомъ удобномъ кабинетѣ хозяина—почетные гости, среди ко-

торыхъ сидятъ двѣ дамы, забавляются длинной колодой — идетъ ландскнехтъ. Счастливый игрокъ убилъ уже двѣнадцать картъ; видимо, долго и терпѣливо ожидаемая талія была у него въ рукахъ.

— Передаете, Мартиміанъ Алексѣевичъ!

— Нѣтъ, продолжаю, — отвѣчаетъ вопрошаемый, не поднимая глазъ, снимая пульку съ тарелки; на пустую тарелку сыплются новыя кредитки.

— Тысячу рублей идетъ?—спрашиваетъ рѣзко исправникъ, вынимая изъ-за обшлага рукава пачку радужныхъ и небрежно бросаетъ ее на столъ.

— Идетъ!—отвѣчаетъ хладнокровно банкометъ.

Началась метка. Направо, налѣво, въ средину... Все кругомъ замерло, все будто застыло въ нервномъ ожиданіи! Слышенъ только шумъ падающихъ на столъ картъ. Мелкіе служащіе, окруживъ столъ на почтительномъ разстояніи, затаивъ дыханіе, съ замирающимъ сердцемъ слѣдятъ за хладнокровнымъ движеніемъ руки банкомета, какъ будто эта рука должна рѣшить ихъ судьбу.

— Бита!

И все разомъ задвигалось и зашумѣло; сдержанное дыханіе, словно прорвавъ плотину, вырвалось съ шумомъ изъ десятка грудей. Бывалый, опытный лакей, все время державшійся въ сторонѣ, во время подходитъ съ подносомъ—и холодное освѣжающее вино жадно выпивается залпомъ.

Въ то время, когда господа тѣшатъ себя играми и дорогими винами въ удобныхъ покояхъ, въ вершинѣ того же ключа, въ двухъ верстахъ отъ стана, у палатки спиртоноса идетъ тоже игра и разгулъ. Видный, молодой парень съ загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ, въ новой, яркой рубахѣ, сидитъ на старательно разостланной однорядкѣ, держа въ лѣвой рукѣ колоду картъ, а подъ правой его рукой лежитъ солидная кучка крупнаго золота, съ которой онъ небрежно играетъ пальцами.

— Золото клади на конъ! не буду метать,—говоритъ онъ молодому рабочему въ бумазейной блузѣ, пристроившемуся на той же однорядкѣ противъ него съ картами въ рукахъ.

— Семерка въ цвѣтъ и въ масть... штука *) очко! Мечи анаѳема! — кричитъ партнеръ заплетающимся пьянымъ языкомъ, невѣрной рукой беря стаканъ съ виномъ и однимъ глоткомъ опрокидывая въ горло.

— Не буду метать, говорю русскимъ языкомъ, клади золото на конъ!—настаиваетъ банкометъ.

— Язви тебя! крокодилъ!—Бормочетъ пьяный игрокъ и лѣзетъ рукой въ голенище сапога за золотомъ.

— Мечи, Петька! - раздаются голоса окружающихъ.

— Семерка въ лобъ! — говоритъ важно банкометъ, открывъ колоду и лукаво скосивъ глаза на партнера.

Злосчастный игрокъ выпиваетъ еще стаканъ крѣпкаго вина—и уже совсемъ пьяный, отбросивъ широко руки, растягивается на мягкой травѣ; скоро слышится его храпѣніе. Товарищи закрываютъ его лицо шляпой отъ палящихъ лучей солнца,—и на оставшееся золото берутъ вино у спиртоноса.

— Ваня! голубчикъ!... вотъ куда тебя затащили.., напоили, обыграли!... Ахъ вы изверги, креста на васъ нѣтъ!... Нехристи вы! душегубы!... все утро караулила! на минуту только забѣжала въ больницу къ Аксиньѣ... и вотъ увели! увели, аспиды!... Господи! силушки моей больше нѣтъ!...—И долго сдерживаемыя слезы ручьями полились изъ голубыхъ глазъ молодой женщины, колѣни ея подкосились и она грузно упала на грудь ея безцѣннаго Вани. Заправивъ пальцы въ свои густые черные волосы, она до боли схватила ихъ у самыхъ корней... Неудержимыя рыданія колышутъ все ея тѣло.

Тамъ, внизу, въ домѣ управляющаго мимикой и разными жестами встревоженныя жены удерживаютъ проигрывающихся мужей, стараясь отвлечь ихъ отъ рокового стола, не смѣя ради ложнаго стыда открыто заявить свое негодованіе противъ безразсуднаго бросанія денегъ въ то время, когда семья нуждается въ необходимомъ. А здѣсь простая русская женщина, неиспорченная еще ложью, подъ тяжестью сознанія своего безсилія спасти молодого несчастнаго мужа отъ оконча-

*) Штука—золотникъ.

тельной порчи, заливается слезами, стараясь безсознательно найти въ этихъ слезахъ облегченіе своему горю. И сыплются проклятія съ ея устъ на эту сторонушку, на это проклятое золото, которое отнимаетъ,— да уже и отняло у нея ея ненагляднаго, ранѣе скромнаго, какъ красная дѣвушка, Ваню.

И много чистыхъ непорочныхъ натуръ, много любящихъ, добрыхъ сердецъ развратилось около золота Виргильевскаго пріиска.

Земля не отдаетъ даромъ свои сокровища, она требуетъ жертвъ. И это, на видъ красивое, цѣнное золото, цѣнное потому, что наша жизнь такъ преступно и гадко сложилась, оно носитъ въ себѣ растлѣвающій элементъ — и ничто противостоять не можетъ его дурному вліянію.

Золото было богатое и жизнь около него текла широкой, бурной рѣкой. Но вотъ оно постепенно истощилось — и мы застаемъ Виргильевскій пріискъ, когда главная жила золота выработана, остались отъ нея незначительныя крохи, въ видѣ бѣдныхъ бортовъ, кое-гдѣ припочвеннаго пласта, или отваловъ, въ эфеляхъ которыхъ кое-что еще уцѣлѣло.

Прежнее управленіе съ большимъ штатомъ служащихъ убралось, сознавъ, что ему здѣсь дѣлать больше нечего. „Иваны“-рабочіе тоже вывелись, конюшни стоятъ пустыя, дома обваливаются. Но жизнь на пріискѣ не совсемъ еще погасла — хотя тихо, но все же бьется ея слабый пульсъ. Вмѣсто многочисленной команды русскихъ рабочихъ въ яркихъ рубахахъ и плисовыхъ шароварахъ, въ разрѣзѣ копаются сотни китайцевъ-старателей. Ихъ оборванный, голодный видъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему запустѣнію. Вмѣсто дорогихъ паровиковъ и вагончиковъ, бойко катящихся по желѣзнымъ рельсамъ на машину, скучно движутся, скрипя, старыя побитыя тачки, кое-гдѣ тащутся носилки; широкаго разрѣза не видно: онъ заваленъ безпорядочными кучами эфелей, весь изрѣзанъ канавками, заваленъ покатами; кое-гдѣ видны зумфы съ водою, около нихъ валяются изломанные лотки и бутарки старателей, замѣнившіе

большую сложную машину, разрушенный остовъ которой мрачно рисуется на сѣромъ горизонтѣ. Вмѣсто солиднаго управляющаго, важно разъѣзжавшаго по разрѣзу на дорогомъ конѣ, суетливо бѣгаетъ отъ бутары къ бутарѣ Гаврилъ Ивановичъ Горюновъ; прежде онъ служилъ въ пріисковой конторѣ, а сейчасъ онъ — „все“ на Виргильевскомъ пріискѣ. Онъ управляющій, конторщикъ, матеріальный, становой и смотритель разрѣза.

Разностороннія обязанности и суетливый характеръ не даютъ ему ни минуты покоя, онъ носится весь день по пріиску, забѣгая во всѣ мѣста, гдѣ ему кажется присутствіе его необходимымъ.

Ради экономіи — служащихъ недостатокъ и Гавріилъ Ивановичъ старается вездѣ быть въ одно и то же время, но это ему никакъ не удается. Въ разрѣзѣ, при бутарахъ, у старателей наблюдаютъ дѣвушки и жены служащихъ. Гавріилъ Ивановичъ видитъ, что это не совсѣмъ удобно, но что же дѣлать, на то была воля высшаго управленія, а тутъ ужъ разсуждать нельзя: таковъ режимъ пріисковой службы.

Въ домѣ не слышно больше духовой музыки; ее замѣнилъ тоскливый скрипъ полусгнившаго пола, хлопаніе оборванныхъ ставней и скучное, однообразное завываніе вѣтра, свободно разгуливающаго по всему дому. Жизнь Агафіи Ефимовны—жены Горюнова тоже значительно разнится отъ лѣнивой, беззаботной жизни ея предшественницы Надежды Александровны.

Агафія Ефимовна всегда чувствуетъ недостатокъ времени. Она встаетъ задолго до всхода солнца—и пока ея многочисленная дѣтвора тихо спитъ безмятежнымъ молодымъ сномъ, Агафія Ефимовна торопится обойти и осмотрѣть свое скромное хозяйство. Прежде всего она обязательно должна присутствовать въ коровникѣ, когда старуха Марфа, ея единственная прислуга, доитъ старую лахматую корову „лысуху“. Эта небольшая пестрая корова даетъ всего на всего четыре бутылки молока въ день. Но—молоко главный продуктъ, которымъ существуетъ семья Горюновыхъ.

Въ девятомъ часу встаютъ дѣти. На рукахъ Агафіи Ефимовны ровно восемъ ребятъ; двое старшихъ живутъ въ городѣ, гдѣ они учатся въ гимназіи. Много хлопотъ и много времени требуется, чтобы вся эта мелочь была одѣта и накормлена. А затѣмъ кухня, огородъ... А если къ тому же было ягодное или грибное время,—и въ окрестностяхъ Виргильевскаго пріиска созрѣвали княжника, маховка, клюква и другая ягода,—или послѣ дождей появлялись грибы—грузди и пр., тогда Агафія Ефимовна,—что называется, сбивалась съ ногъ и къ вечеру представляла изъ себя какую-то комбинацію изъ мяса, костей и нервовъ и все это въ ней болѣло, ныло и тосковало.

Лиза приходится родственницей Агафіи Ефимовны. Ей всего 18 лѣтъ. Она выросла въ семьѣ Горюновыхъ, получила дешевое пріисковое образованіе. Но отъ природы она дѣвушка способная, впечатлительная, она кое-что прочла изъ современной литературы,—и прочитанное расшевелило въ ней жажду болѣе широкой жизни, чѣмъ та, которая её окружала, подняло въ ея душѣ вопросы, съ которыми она справиться не могла.

Кромѣ чтенія случилось еще одно обстоятельство, которое окончательно сбило её съ толку и она лишилась возможности управлять своимъ внутреннимъ міромъ. Въ минушую зиму ей предложили участвовать въ любительскихъ спектакляхъ, которые устраивались служащими на сосѣднемъ Вольдемаровскомъ пріискѣ. Лизѣ пришлось выступить въ нѣсколькихъ пьесахъ Островскаго, и она съ удивленіемъ замѣтила, что сцена заставляетъ её жить какой-то чужой, невѣдомой для нея жизнью. Стоило ей только выйти на сцену и заговорить — и Лиза чувствовала, что она перестаетъ быть собою, что ея сердце и нервы подчиняются чьей то чужой волѣ. Не ея, а чьи-то чужія чувства наполняютъ ея душу. Все мелкое, сѣренькое, среди чего она живетъ и чѣмъ вообще она привыкла волноваться, уступаетъ мѣсто чему то новому и это новое захватываетъ её всю безъ остатка. Если это радость и счастіе, то она чувствуетъ, что она вся, до послѣдняго мускула на своемъ нерв-

номъ, худенкомъ лицѣ, живетъ этимъ радостнымъ чувствомъ: голосъ ея звучитъ такъ красиво, мягко; движенія ея такіе легкія, плавныя; въ груди такъ тепло, хорошо... она забываетъ, что она на сценѣ—и ей хочется смѣяться, прыгать..... ей хочется сказать много, много! о, гораздо больше, чѣмъ подаетъ ей суфлеръ!... у нея является желаніе обнять и расцѣловать не только тѣхъ, кого она видитъ кругомъ себя, тутъ-же на сценѣ,—но она готова обнять всю эту многолюдную толпу, которая такъ восторженно смотритъ на нее. Если же ей случалось передавать горе и несчастіе, Лиза страдала и мучилась, переходя всѣ стадіи этого тяжелаго чувства. Голосъ ея падалъ, рыдалъ; сердце замирало въ тяжелой тоскѣ. И вся она какъ-то съеживалась, умалялась. Ей казалось, что нѣтъ уже просвѣта, нѣтъ для нея надежды. Ей дѣлалось холодно, жутко и страшно было стоять передъ сотнями глазъ, глядящихъ на неё съ какой-то мучительной грустью.

Сцена ввела Лизу въ новый міръ; ей чудились смутныя видѣнія, неясные образы; они манили её, сулили ей счастіе и блаженство. Душа ея жаждала простора, пищи, которой не могла дать окружающая обстоновка. Выростая на Виргиньевскомъ пріискѣ, она только изъ книгъ знала, что есть другая, широкая, захватывающая жизнь,—и всѣмъ своимъ существомъ рвалась на этотъ просторъ. Ей ужасно хотѣлось взглянуть на эту другую жизнь, помѣряться съ нею своими силами.

Нервной, со слабымъ здоровьемъ, ей, конечно, не мѣсто быть въ разрѣзѣ, куда она должна отправляться съ разсвѣтомъ и присутствовать до поздняго вечера. Гдѣ въ знойные дни печетъ её солнце или въ ненастье мочитъ дождь; гдѣ она принуждена слушать грязную брань рабочихъ между собою или смотрѣть на гнусныя непристойности, къ которымъ прибѣгаютъ онѣ, чтобы заставить её отвернуться и тогда украсть золотину, случайно замѣченную въ породѣ.

Ея худенькое, слабое тѣло жаждало покоя, отдыха. Ежедневная тяжелая обязанность въ продолженіи цѣлаго лѣта убійственно отзывалась на слабомъ, не вполнѣ

развившемся организмѣ. Всѣ ея члены, словно избитые, измятые, ныли тупой, неопредѣленной болью.

Она служила, чтобы хотя сколько нибудь помочь Гавріилу Ивановичу, обремененному большой семьей и получающему очень небольшое жалованье. Да и не служить нельзя было: распоряженіе относительно нея было категорически высказано главнымъ управляющимъ. Ослушаться—это значитъ навлечь гнѣвъ, который могъ кончиться расчетомъ, а ему, обремененному семьей, безъ гроша за душой, расчетъ казался ужаснымъ.

Лиза хорошо это понимала, и даже не задумалась, когда ей было предложено принять обязанность горнаго служащаго. Для компаніи пополнить лѣтомъ комплектъ служащихъ женами и дочерьми служащихъ было очень выгодно: упразднялась необходимость выписывать новыхъ людей, тратиться на ихъ прогоны, заботиться о помѣщеніи для нихъ, и мало ли другихъ косвенныхъ расходовъ падало на содержаніе двадцати, или тридцати человѣкъ лишнихъ служахъ, а ихъ легко можно было замѣнить персоналомъ женщинъ или дѣвушекъ, имѣющихся на лицо на каждомъ пріискѣ. Отъ такой системы являлась солидная экономія въ расходахъ, а на экономіи только и держалось дѣло. Какая нужда, что эта экономія однимъ концомъ больно ударяла по слабымъ плечамъ Лизы, Насти и другихъ дѣвушекъ, несшихъ непривычныя имъ обязанности, отнимала у нихъ всю прелесть ранней весны ихъ жизни, накладывала тяжелое ярмо грубаго непривычнаго труда: другой ея конецъ поднималъ доходность дѣла,—а это, главное, это и нужно было заправиламъ. Этимъ исчерпывалась ихъ главная задача. Прибыль... вотъ главный результатъ, котораго добивались всѣми силами! Достигался ли этотъ результатъ лошадью въ таратайкѣ, голоднымъ и оборваннымъ китайцемъ, трудомъ ли Лизы, страстно жаждущей сна и отдыха для своихъ измученныхъ и усталыхъ членовъ, или совокупностью всѣхъ этихъ условій,—это было безразлично. Важно только то, чтобы цифра доходности какъ можно солиднѣе импонировала въ годовомъ отчетѣ въ главной конторѣ.—Чѣмъ круп-

нѣе эта цифра, тѣмъ веселѣе читался отчетъ на общемъ собраніи компаніоновъ въ Петербургѣ; тѣмъ больше выпивалось шампанскаго, изысканнѣе заказывался завтракъ компаніонами у Кюба или Палкина послѣ утвержденія отчета.

— Какъ бы еще часокъ поспать!—и Лиза, глубоко вздохнувъ, сѣла на постель и, уткнувъ голову въ поднятыя худыя колѣни, забылась на минуту. Ей ужасно хотѣлось протянуть руку къ одѣялу и, свернувшись подъ нимъ калачикомъ, уснуть, надолго уснуть, пока не вернется прежняя бодрость и свѣжесть. А вставать необходимо! и она рѣзкимъ движеніемъ спустила ноги съ кровати; надѣла юбку, затѣмъ сверхъ юбки натянула шаровары, и застегнувъ ихъ, опять усѣлась въ раздумьи на постель.

Направо на полу, у кровати, стояла пара большихъ сапогъ и тутъ же лежала цѣлая куча портянокъ, холщевыхъ и суконныхъ, желтаго верблюжьяго сукна. Эти сапоги каждое утро невыразимо ее смущали; она взглянула на свои маленькія худыя ноги, отъ ногъ перевела глаза на большіе уродливые сапоги и чувство отвращенія, чувство непріятной необходимости разлилось по ея крошечному нервному лицу.

Въ женскихъ башмакахъ ходить въ разрѣзъ было невозможно; она уже пробовала и въ результатѣ до того испортила ноги, что малѣйшее неосторожное движеніе вызывало глухой стонъ изъ ея груди; пришлось взять сапоги. Первое время она надѣвала въ сапоги нѣсколько паръ чулокъ, но сапоги все таки были велики и стерли ей ноги, къ тому же и чулки скоро рвались; затѣмъ ей посовѣтовали завертывать ноги въ портянки, сначала въ холщевыя, а сверхъ холщевыхъ въ суконныя. Какъ ни просто это было, но Лиза не могла навернуть портянки, чтобы ногамъ было покойно. Нѣсколько разъ помогала ей въ этомъ Анастасія Николаевна, но какъ онѣ обѣ ни хлопотали, а все таки ничего не выходило; торчали углы отъ суконныхъ портянокъ, дѣлались грубыя толстыя складки, въ особенности одна складка на лѣвой ногѣ проходила по пальцамъ, отъ этой складки

явились даже мозоли;—и какъ ни старалась Лиза устранить эту складку, но она упорно являлась выше или ниже.

При надѣваніи сапоговъ весь ворохъ портянокъ поднимался вверхъ къ колѣнямъ, а нога оказывалась голою въ сапогѣ; чтобы устранить это неудобство, Лиза обратилась къ помощи булавокъ—и тутъ же у кровати, на ночномъ столикѣ, въ коробочкѣ помѣщалась цѣлая коллекція булавокъ разной велачины. Она опытомъ дошла, гдѣ требовалось приколоть портянку большой булавкой, а гдѣ маленькой;—и хотя въ искусствѣ закалыванія суконныхъ портянокъ булавками Лиза дошла до совершенства, но нерѣдко ноги ея подвергались весьма чувствительнымъ уколамъ, стоило ей только забыться и неосторожно ступить, что въ разрѣзѣ случалось часто.

Главное сдѣлано,—она уже въ сапогахъ.

— Господи! Какъ бы уйти, чтобы Гавріилъ Ивановичъ не замѣтилъ ея опозданія!—Она наскоро умылась. —Пить чай не придется! Гдѣ же? уже поздно! въ разрѣзѣ съ китайцами попью,—подумала Лиза и собралась было въ столовую, чтобы захватить сахаръ и калачъ.

Въ это время дверь въ передней сильно хлопнула, послышались быстрые, тяжелые шаги по конторѣ.

— Лиза! ты опять опоздала! Господи! семь часовъ, а ты все еще здѣсь! Пѣшкомъ иди, матушка! лошадь я долженъ сейчасъ же послать на Вольдемаровскій пріискъ за провизіей. Нечего, нечего тебя баловать,—и Гавріилъ Ивановичъ сердито сталъ шагать по комнатѣ изъ угла въ уголъ, подергивая жидкую бороду.

Лиза, испугавшись необходимости идти три версты пѣшкомъ, забыла о сахарѣ и калачѣ и, стуча тяжелыми сапогами, быстро двинуласъ къ углу, гдѣ на стулѣ лежалъ старый ватный пиджакъ Гавріила Ивановича, который она надѣвала вмѣсто пальто; но тутъ она вскрикнула и присѣла на корточки.

— Укололась! Ей Богу, укололась, Гавріилъ Ивановичъ! И отъ невыносимой боли слезы полились по ея худымъ щекамъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Милліонщикъ	1
Пароходъ „Зоя“	41
Именинникъ	103
По зимовьямъ	125
Декабрьскіе дни	167
Горный Исправникъ Пѣтушковъ	179
Виргильевскій пріискъ	191

Печатается

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

ОЧЕРКОВЪ и РАЗСКАЗОВЪ

ОКОЛО ЗОЛОТА НА АМУРѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Врачъ.—Она проснулась.—Таежный заяцъ.—Почтальонъ.—Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ П. И. Макушина—въ Томскѣ и Иркутскѣ и Н. Р. Смертина—въ г. Благовѣщенскѣ.

AUG 6 - 1940